

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГАОУ ВО «КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В. И. ВЕРНАДСКОГО»
ИНСТИТУТ ИНОСТРАННОЙ ФИЛОЛОГИИ
(структурное подразделение)

СБОРНИК ТРУДОВ

III Международного научно-практического форума
«ПОНТИЙСКИЕ ЧТЕНИЯ»

СЕРИЯ «Гуманитарные науки»

(Электронное издание)

Симферополь, 2018

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГАОУ ВО «КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В. И. ВЕРНАДСКОГО»
ИНСТИТУТ ИНОСТРАННОЙ ФИЛОЛОГИИ
(структурное подразделение)

СБОРНИК ТРУДОВ

**III Международного научно-практического форума
«ПОНТИЙСКИЕ ЧТЕНИЯ»**

Серия «Гуманитарные науки»

11–18.05.2018

Научное электронное издание

Симферополь, 2018

Техническая редакция и верстка:

Институт иностранной филологии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

III Международный научно-практический форум «ПОНТИЙСКИЕ ЧТЕНИЯ» (Симферополь, 2018), сборник научных трудов. Симферополь, 2018. Серия «Гуманитарные науки». – 168 с.

В сборник включены публикации докладов участников III Международного научно-практического форума «ПОНТИЙСКИЕ ЧТЕНИЯ», отражающие результаты исследований аналитического и эмпирического типа в сфере историко-филологических наук.

Работы публикуются в редакции авторов. Ответственность за достоверность фактов, цитат, заимствований, собственных имен и других сведений несут авторы.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМА ПОЛУЧЕНИЯ ФРАНЦИЕЙ МАНДАТА НА СИРИЮ <i>Бершов В. Н.</i>	7
ПРОБЛЕМА ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПОДХОДА В РАЗВИТИИ ИНОЯЗЫЧНЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ НАВЫКОВ ОБУЧАЮЩИХСЯ ГУМАНИТАРНЫХ ФАКУЛЬТЕТОВ <i>Бочкарёва Т. В.</i>	11
АНТИЧНАЯ МИФОЛОГЕМА В ТВОРЧЕСКОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ ГОРА ВИДАЛА <i>Ермоленко О. В.</i>	16
ЖЕРТВЫ БАГЕРОВСКОГО РВА: ЧИСЛЕННОСТЬ, НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ, УВЕКОВЕЧИВАНИЕ ПАМЯТИ <i>Исак И. А.</i>	21
НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЯЗЫК: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИИ <i>Кравинская Ю. Ю.</i>	27
«ПИТОМЦЫ МУЗ» В ЭПИГРАФИКЕ И МЕМОРИАЛЬНОЙ СКУЛЬПТУРЕ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ <i>Лейбенсон Ю. Т.</i>	32
ОСОБЕННОСТИ ТВОРЧЕСКОГО МЕТОДА С. РУШДИ <i>Никейцева О. Н.</i>	43
ПО СООБЩЕНИЯМ НАШЕЙ АГЕНТУРЫ... АГЕНТУРНО-ОПЕРАТИВНАЯ РАБОТА ОРГАНОВ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ (1941-1944 ГГ.) <i>Омельчук Д. В.</i>	48
ПЕРВЫЕ ПОЛЕТЫ АЭРОПЛАНОВ В НЕБЕ КРЫМА <i>Скоробогатов С. Б.</i>	53
АНАЛИЗ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПОТРЕБНОСТЕЙ (FOS) СТУДЕНТОВ НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ «ТУРИЗМ» И «ГОСТИНИЧНОЕ ДЕЛО» <i>Томичева И. В.</i>	58
СОБЫТИЯ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ 1853-1856 ГГ. В РЕГИОНАЛЬНОЙ ТОПОНИМИИ ФРАНЦИИ <i>Зайнутдинова В. Р., Зайнутдинова В. Р., Томичева И. В.</i>	67
КРЫМСКИЕ ТОПОНИМЫ В «ГЕОГРАФИИ» СТРАБОНА: ПРОБЛЕМЫ АТТРИБУЦИИ <i>Карашайски К. М., Шульман К. Д.</i>	75

ИЗУЧЕНИЕ КРЫМСКИХ КЛАССИЧЕСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ: ЭТАПЫ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ <i>Кочетова Т. А., Леонов Л. Л., Фокин К. О., Чебышев Г. С., Шульман К. Д.</i>	85
МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ТРИКСТЕРА В ИПОСТАСЯХ ЯЗЫЧЕСКИХ БОГОВ ЕВРОПЕЙСКИХ НАРОДОВ <i>Кузьмина Т. Н., Витковская Г. В.</i>	103
ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО ВИДА АНГЛИЙСКОГО ДИАЛЕКТА В КИТАЕ. ФЕНОМЕН CHINGLISH <i>Ломакина Д. А.</i>	109
ЛИЧНОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ В ОБРАЗЕ ЮДИФЬ В ПЬЕСЕ ГОВАРДА БАРКЕРА «ВОЗМОЖНОСТИ» <i>Нечипас П. Ю.</i>	114
ФРАНЦУЗСКИЙ РЕГУЛЯРНЫЙ СТИЛЬ САДА: АНДРЕ ЛЕНОТР И ЕГО НАСЛЕДИЕ В ЕВРОПЕЙСКОЙ И РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ <i>Поездник В. В., Томичева И. В.</i>	119
ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ <i>Соловьева К. К., Петренко Д. А.</i>	130
ПОНЯТИЕ МИФА И КРЫМСКОГО МИФА В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ <i>Яцун В. В., Ключева В. Г.</i>	134
THE ROLE OF THE UN IN SOLVING OF CRISIS SITUATIONS (XX – XXI CENTURIES) <i>Ivankov K. V.</i>	142
CONNOTATIONAL FEATURES OF THE MEMBERSHIP OF SINGAPORE IN ASEAN <i>Khlybov P. V., Scheblykina A. A., Zotova S. A.</i>	147
COMPARISON AND ANALYSIS OF THE INVESTMENT ENVIRONMENT IN COUNTRIES THAT ARE THE BEST FOR BUSINESS IN THE FIELD OF PR <i>Krivosheeva A. E., Solokha G. V.</i>	151
METHODS FOR RESTORING THE HISTORICAL OBJECTS IN SYRIA AND IRAQ, RUINED BY IZIZ: FOREIGN AND RUSSIAN APPROACHES <i>Shulman K. D., Zotova S. A.</i>	156
THE ARCHITECTURE OF EASTERN PRUSSIA FROM THE TEUTONIC ORDER TO THE POLISH DUCHY OF PRUSSIA <i>Udotov I. V., Zotova S. A.</i>	160

THE IMPACT OF THE MEDIA ON PUBLIC OPINION IN THE REPUBLIC OF
CRIMEA *Yakovleva M. M., Girenko I. V.*.....164

ПРОБЛЕМА ПОЛУЧЕНИЯ ФРАНЦИЕЙ МАНДАТА НА СИРИЮ

Бершов В. Н.,

аспирант, ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского»

Аннотация. В статье рассматривается взаимодействие стран Антанты после Первой мировой войны по разграничению сфер влияния в Османской империи, и действий, французской дипломатии приведших к обретению мандата Франции на Сирию. Автор статьи рассматривает политические процессы, происходившие на Ближнем Востоке по разграничению сфер влияния между Францией и Англией на территории Османской империи после Первой мировой войны. В исследовании делается акцент на Мудросское перемирие, которое послужило отправной точкой распада Османской империи и образованию новых государств и подмандатных территорий.

Цель исследования заключается в изучении политической компоненты, Мудросского перемирия которое послужило отправной точкой распада Османской империи и образованию новых государств и подмандатных территорий. Промежуточные цели (задачи) имеют общенаучное (показать политическую борьбу стран входящих в блок Антанты за территорию Сирии) и практическое измерение. Практическая значимость статьи заключается в изучении дипломатической (опыт Франции, Великобритании) в Сирийских вилайетах.

Ключевые слова: Мудросское соглашение, Османская империя, Франция, Сирия, Советская Россия, Великобритания.

THE PROBLEM OF FRANCE OBTAINING A MANDATE FOR SYRIA

Summary. The article examines the interaction of the Entente countries after the First World War in the differentiation of spheres of influence in the Ottoman Empire, and the actions that French diplomacy led to the French mandate for Syria. The author examines the political processes taking place in the Middle East on the division of spheres of influence between France and England on the territory of the Ottoman Empire after the First World War. The study focuses on the Mudros truce, which was the starting point of the collapse of the Ottoman Empire and the formation of new states and mandated territories.

The purpose of the study is to study the political component, the Mudros truce which served as the starting point for the collapse of the Ottoman Empire and the formation of new states and mandated territories. Intermediate goals (tasks) have a general scientific (to show the political struggle of the countries entering the Entente bloc for

the territory of Syria) and a practical dimension. The practical importance of the article is to study the diplomatic (the experience of France, Britain) in the Syrian vilayets.

Key words: Mudros Accord, Ottoman Empire, France, Syria, Soviet Russia, Great Britain.

Начавшаяся в августе 1914 года Первая мировая война, в которой Турция, выступив на стороне Германии, окончательно убедила Великобританию, что наступило время всерьёз заняться установлением английского господства в Палестине, а Франции предъявить свои претензии на Сирию и Ливан. Подтверждением этих действий могут служить высказывания премьер-министра Великобритании Гельберта Генри Аксвита после вступления Турции на стороне Германии который заявил, что «... политика в отношении Турции и её арабских провинций должна быть непременно пересмотрена» [1, с. 110]. Французский генерал Анри Жозеф Гуро в палате депутатов заявлял что «... Сирия и Киликия – это второй Египет» [3, С. 3–34].

Для достижения своих целей на территориях Османской империи, Великобритания начала переговоры с арабами, которым было обещано содействие в образовании независимого арабского государства на большей части арабских вилайетов Османской империи после победы стран Антанты. Это обещание имело цель – привлечь на сторону Антанты арабское население Османской империи против Четверного союза, и содержалась в переписке Верховного комиссара Великобритании в Египте Генри Мак-Магона с правителем Мекки шерифом Хусейном аль-Хашими, продолжавшейся с июля 1915 по март 1916 г. Исходя из этого обещания, Хусейн поднял летом 1916 года массовое восстание арабов против османского владычества [2, с. 56].

Страны – члены Антанты не собирались предоставлять независимость арабам, проживающим на территории Османской империи. Об этом свидетельствовало заключённое 16 мая 1916 года соглашения между Англией и

Францией о будущем разделе как турецких, так и арабских территорий Османской империи согласно пунктам соглашения Сайкс–Пико.

После не ратифицированного странами Антанты соглашения Сайкс — Пико по разделу Османской империи. Великобритания получила возможность вернуться к этому вопросу 30 октября 1918 года когда было заключено Мудросское перемирие, которое завершило военные действия между Антантой и Османской империей в Первой мировой войне. Интересы Франции, при подписании перемирия не были учтены. Адмирал С. Кальторп не допустил французского представителя на борт корабля.

К моменту заключения Турцией перемирия почти вся Сирия была занята английскими войсками под командованием генерала Аленби: по побережью они дошли до Бейрута, внутри страны до Алеппо. После заключения перемирия возникли трения между Великобританией и Францией из-за предстоящего дележа турецкого наследства и главным образом из-за Сирийских территории. Эти территории по соглашению Сайкс–Пико должны были отойти Франции, включая Сирию, Киликию и часть Месопотамии до Моссула включительно [4, с. 20].

Дело закончилось подписанием на конференции в Сан-Ремо соглашения. Согласно которому были утверждены следующие решения: Великобритания получала мандат на Месопотамию и Палестину; в дискуссионном вопросе по Сирии Великобритания достигла договорённости на оккупацию внутренней Сирии Францией; управление территорией Ливана в апреле 1920 г. передаётся Франции [5, С. 45–86].

Британской и Французской делегацией 24 апреля 1920 года, было подписано соглашение по нефти, которое решало нефтяную проблему на Ближнем Востоке, во французских и английских колониях. Согласно принятому решению двадцать пять процентов будущей добычи мосульской нефти гарантировалась Франции, которая должна была своевременно обеспечить вывоз

английской нефти через оккупированную территорию Сирии в Средиземное море, взамен Великобритания сохраняла за собой Мосул[6, с. 56].

Проведённое исследование показало, что проблемой приобретения мандата Францией на Сирию являлись противоречия во взглядах Английской и Французской дипломатий. Англия стремившаяся упрочить своё колониальное господство на Ближнем Востоке никак не хотела, пускать, французов к дележу Османского наследства, это выявилось при заключении Мудросского перемирия, когда британский адмирал С. Кальторп не допустил французского представителя на переговоры и интересы последней в соглашении были не учтены.

Британцы, завоевавшие Сирию, совсем не были склонны передавать её французам. Александретта, по их мнению, считалась лучшим портом в Средиземном море – «малоазиатский Гамбург» Ещё менее склонны были они отдавать Мосул с нефтяными залежами об эксплуатации которого мечтали их капиталистические круги. К тому же Александретта соединилась на Севере с Багдадской железной дорогой и потеря контроля над ней угрожала, пути в Индию.

Список использованных источников

1. Батенко А.В., Близняков Р.А., Малышев Д.А., Щевелев С.С. История Палестины: Международный аспект (1897 – 2009 гг.). –Симферополь.: Доля, 2011.– 505 с.
2. Истоки и история проблемы Палестины. Часть 1. 1917– 1947. Нью-Йорк.: ООН, 1978.
3. Павлович М. Лозанская конференция // Новый Восток. –1923, №3. С. 3–34
4. Гурко-Кряжин В. А. Национально-освободительное движение на арабском Востоке // Новый Восток. – 1922. – №1. С. 45–86.
5. League of Nations. Official Journal. Special Supplement. Resolution Adopted by the Assembly During its First Session (Nov.15–th to Dec.18–th, 1920).–1921.
6. Great Britian and Palestine. 1915-1945. Information Papers №.20. N.–Y.: Royal Institute of International Affairs, 1946 .

**ПРОБЛЕМА ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПОДХОДА В РАЗВИТИИ
ИНОЯЗЫЧНЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ НАВЫКОВ ОБУЧАЮЩИХСЯ
ГУМАНИТАРНЫХ ФАКУЛЬТЕТОВ**

Бочкарёва Т. В.,

старший преподаватель, ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского»

Аннотация. Коммуникативная компетенция – основная компетенция в овладении иностранным языком. Однако, обучающиеся добиваются разных результатов в развитии навыков общения на иностранном языке. Целью данной публикации является анализ индивидуальных особенностей развития коммуникативных навыков при овладении иностранным языком. В данной статье используется метод наблюдения. Автор даёт рекомендации по улучшению коммуникативной компетенции обучающихся с разным уровнем лингвистических способностей. При условии регулярной индивидуальной работы у обучающихся значительно улучшаются коммуникативные навыки, повышается мотивация, обучающиеся выстраивают высказывание логично, участвуют в дискуссии, отстаивают своё мнение.

Ключевые слова: коммуникативные навыки, компетенция, развитие, способности.

**THE PROBLEM OF AN INDIVIDUAL APPROACH IN THE
DEVELOPMENT OF FOREIGN-LANGUAGE COMMUNICATION SKILLS
OF STUDENTS OF HUMANITARIAN FACULTIES**

Summary. Communicative competence is the main competence in mastering a foreign language. Students achieve different results in the development of speaking skills. The purpose of the article is to analyze individual peculiarities of foreign language communication skills development. The method of observation is used in the article. The author analyzes the problem and recommends ways of improving communication competence of students with different linguistic abilities. Subject to regular individual work communication skills are improved, motivation is increased, students speak logically, take part in discussions, and defend their opinion.

Key words: communication skills, development, competence, abilities.

Навыки общения на иностранном языке в современном мире необходимы для будущих специалистов всех отраслей знаний. Данные навыки развиваются в

процессе обучения в университете. Обучающиеся знакомятся с научной литературой на иностранном языке в процессе написания курсовых и дипломных работ, имеют возможность принимать участие в учебных конференциях с докладами на иностранном языке, общаться со студентами из других стран в режиме on-line. Проблемой является разный уровень лингвистических способностей, разный уровень коммуникативных умений при поступлении. Данную проблему исследовали И. А. Зимняя, Н. Г. Ерчак, А. В. Кобышева и другие учёные.

На первом этапе обучения возникает необходимость в проведении диагностического тестирования обучающегося с целью выяснения лингвистических компетенций. После проведения тестирования, преподаватель поводит собеседование с обучающимися с целью выявить степень владения разговорными навыками. Ряд обучающихся владеет коммуникативными навыками в достаточной степени для поддержания беседы, часть обучающихся испытывают затруднения в поддержании беседы на иностранном языке, многие обучающиеся допускают большое количество грамматических ошибок. Данная проблема может быть связана с нерегулярными занятиями в школе, плохой памятью, неинтересным учебным материалом. В связи с разным уровнем владения иностранным языком обучающимися перед преподавателем встаёт вопрос, касающийся индивидуальной траектории развития коммуникативных навыков студентов.

Следует выяснить языковые предпочтения обучающихся. Обучающиеся проявляют интерес к обсуждению профессиональных проблем на иностранном языке, многие хотели бы общаться на иностранном языке с помощью компьютерных технологий. Проблемой является недостаточный уровень коммуникативных навыков, который не позволяет свободно общаться.

Работая с группой обучающихся, следует обращать внимание на индивидуальные психологические различия, давать задания в соответствии с данными особенностями. Экстраверты активно выполняют коммуникативные

задания, интроверты предпочитают письменные задания, не всегда проявляют желание общаться. Однако, «... склонность интровертов к анализу, способствующая более продуманному подходу к овладению языком, может расширить перечень средств, позволяющих достичь намеченной цели» [1, с. 90]. Интроверты более склонны к научному исследованию, они настойчиво работают с письменными источниками и постепенно достигают высоких результатов.

Перед преподавателем стоит задача проведение индивидуальной коррекции, что является возможным при условии небольшого количества обучающихся в группе. Важно пробудить желание к самостоятельному мышлению, к постановке гипотезы, отстаиванию своего мнения. Необходимо уделить внимание каждому студенту. Преподаватель проводит индивидуальное консультирование, обсуждая проблемы и достижения обучающегося, выясняя сложности, которые являются помехой к успешному овладению коммуникативными навыками, выясняя, какие виды работы являются наиболее эффективными с точки зрения студента. Интерес вызывают мультимедийные презентации, самостоятельный поиск информации при помощи компьютерных технологий и печатных источников, составление сообщений. Необходимо помнить, что способности у учащихся разные. «Одни легко овладевать материалом и соответствующими речевыми умениями, другим, несмотря на большие усилия с их стороны, не удаётся добиться тех же результатов...» [3, с. 116]. Подбираются задания с разным уровнем сложности, различного объёма, различной тематики в рамках общей темы. Обучающимся, у которых не сформированы коммуникативные навыки или сформированы в недостаточной степени, оказывается помощь в подборе материала к сообщению, предлагается более лёгкая тема. В дальнейшем задания усложняются.

Рекомендуется поощрять тех обучающихся, которые испытывают затруднения при общении по причине неуверенности, не рекомендуется критика, так как она не способствует развитию мотивации. Проблемой является «... преодоление самим человеком затруднения выражения и понимания мысли

на иностранном (изучаемом) языке» [2, с. 33]. Самодисциплина и организованность являются важными качествами, способствующими развитию личности.

Успех во многом зависит от осознания ответственности за выполнение задания, от личной заинтересованности. Темы занятий должны иметь профессионально направленный характер, для того чтобы вызвать интерес обучающихся. Студенты факультета психологии проявляют интерес к разным сферам психологии: «Возрастная психология», «Семейная психология», «Клиническая психология» и т.д. Они проходят практику в разных учреждениях в соответствии с их научными предпочтениями. Преподаватель учитывает предпочтения и опыт работы и даёт задания в соответствии с данной тематикой.

Подводя итог после изучения определённой темы, необходимо провести устный контроль приобретённых навыков, их улучшения, ухудшения. Контроль проходит в виде составления монологического высказывания по заданной теме, проверяются навыки диалогической речи, проводятся дискуссии. Обучающимся предлагается оценить собственные достижения, проанализировать недостатки.

Проблемой может оказаться большой объём учебной работы студентов, и как следствие, недостаточное количество времени, уделяемое выполнению заданий на иностранном языке, отсутствие взаимопонимания между обучающимся и преподавателем. В данном случае требуется обсуждение сложностей и принятие мер по их устранению.

Обучающиеся осознают желание преподавателя оказать помощь, отсутствие равнодушия, появляется сотворчество, совместная работа. В такой ситуации у обучающихся улучшаются коммуникативные навыки, повышается мотивация, появляется умение выстраивать высказывание логично, вступать в полемику, обсуждать различные вопросы.

Список использованных источников

1. *Ерчак Н. Г.* Иностранные языки – психология усвоения: учеб. пособие / Н. Т. Ерчак. – Минск: Новое знание; Москва: ИНФРА – М, 2016. – 336 с.

2. *Зимняя И. А.* Психология обучения неродному языку / И. А. Зимняя. – Москва: Русский язык, 1989. – 219 с.
3. *Коньшева А. В.* Современные методы обучения иностранному языку / А. В. Коньшева. – Минск: Тетра Системс, 2011. – 304 с.
4. *Пассов Е. И.* Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению / Е. И. Пассов. – Москва: – Русский язык, 1989. – 276 с.
5. *Титова С. В.* Мобильное обучение иностранным языкам. Учебное пособие / С. В. Титова, А. П. Авраменко. – Москва: Изд-во Икар, 2014. – 224 с.

АНТИЧНАЯ МИФОЛОГЕМА В ТВОРЧЕСКОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ ГОРА ВИДАЛА

Ермоленко О. В.,

доцент, ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского»

Аннотация. В мифологическом осмыслении и отражении мира, в синкретических образах и сюжетах античной мифологии художественная мысль ищет недостающие ей способы поэтического обобщения, недостижимого на путях дискретного и дискурсивного осмысления и описания действительности. В работе рассматривается ряд произведений американского писателя Гора Видала как «античная» часть историко-мифологического дискурса писателя. В основе анализа находятся парадигматический и синтагматический методы исследования.

Ключевые слова: античный миф, мифологема, роман, сюжет, интерпретация, парадигматический и синтагматический методы.

ANCIENT MYTHOLOGEM IN A CREATIVE REFRACTION OF GORE VIDAL

Summary. In mythological comprehension and reflection of the world, in syncretic images and subjects of ancient mythology, artistic thought looks for ways of poetic generalization lacking in it, unattainable on the ways of discrete and discursive comprehension and description of reality. The paper considers a number of works by the American writer Gore Vidal as an «ancient» part of the historical and mythological discourse of the writer. The analysis is based on the paradigm and syntagmatic methods of research.

Key words: ancient myth, mythologem, novel, plot, interpretation, paradigmatic and syntagmatic methods.

Эпоха античности неизменно привлекала писательский интерес благодаря высокой эстетической ценности художественных произведений, разнообразию жанров, образов и мифологическому материалу. Подобно многим современникам, как мы пытаемся показать, Гор Видал также следует сложившейся литературной традиции обращения к античным источникам. В

«античном» романе «Суд Париса» (1952) традиционная схема романа-воспитания накладывается на структуру античного мифа о суде Париса, относящегося к троянскому циклу. От греческого мифа, заметим, в романе прослеживается только мотив — ситуация выбора. Выбор видаловского Уоррена напоминает читателям выбор жизненного пути-дороги одного из фростовских героев (Ведь был и другой предо мною путь, // Но я решил направо свернуть — // И это решило всё остальное). Гор Видал пытается раскрыть процесс духовного формирования личности юного Уоррена, хотя точнее было бы говорить о формировании «антидуховной» личности в романе «Суд Париса». Попробовав перо в жанре романа-воспитания в 1952 г., Видал вновь обратится к нему десять лет спустя в одном из своих самых зрелых романов «Юлиан», который в большей степени соответствует канонам этого жанра. По мнению американского исследователя Р. Стентона [4], «Суд Париса» был написан Видалом под непосредственным влиянием Г. Джеймса, чья проблема ищущего «пилигрима», несмотря на предлагаемые жизнью сделки, была помещена им в контекст международной темы, отправляющей американцев в «музей» европейской цивилизации, а европейцев — в «нецивилизованный», лишённый «подлинной истории» Новый Свет (чисто американский путь, традиционный для писательской среды и выраженный в постоянной теме сравнения Старого и Нового Света; здесь уместно заметить, что экспатрианство представляет собой одну из важных национальных особенностей литературы США, которой коснулись так или иначе Э. Уортон, Э. Паунд, Дж. Сантаяна, Г. Миллер, Г. Стайн, Р. Райт, Э. Хемингуэй и др.). Тема путешествий и странствий в другие миры является традиционной для мифа и фольклора, хотя в современной трактовке объясняет новые причины ухода героев из дома.

Один из античных сюжетов лёг в основу романа Гора Видала «Две сестры» (1970), представляющем собой пример историко-философской прозы. Композиционно роман строится на двух повествовательных уровнях: история сложных взаимоотношений брата и сестры Ван Даммов, встающая со страниц

дневника Эрика Ван Дамма (явная аллюзия на роман «Ада» В. Набокова, в котором тоже присутствует тема инцеста), обрамляет основную «внутреннюю» часть романа. Она написана как изложение созданного Эриком киносценария под названием «Две сестры из Эфеса». В основу киносценария легли драматические события, связанные с политическими интригами в Греции IV в. до н.э. и приведшие к сожжению Геростратом храма Артемиды в Эфесе. Основная идея романа — разделённость. Как герой В. бесплодно стремится к союзу с Эриком, своему alter ego (второму «я»), так и Эрик стремится к союзу с Эрикой, его женскому alter ego, и с Геростратом из киносценария, его alter ego деятельного человека. И сценарий Эрика, и его дневники, и комментарии героя В. согласуются с единой линией повествования романа. Взаимоотношения древнегреческих Герострата и Елены созвучны современным взаимоотношениям Эрика и Эрики; соперничество сестёр Бувье отвечает мифологическому соперничеству Елены и Артемиды. Тема разделённости характерна не только для данного романа, но и для всего творчества писателя. Однако подобного рода диалектика есть лишь малая толика писательского мастерства Гора Видала. Остроумные шутки, анекдоты, юмор и сарказм остаются неотъемлемой частью как «Двух сестёр» и «Суда Париса», так и большей части видаловской прозы.

Пьеса «Ромул» (1962) стала обработкой Видалом пьесы известного современного швейцарского драматурга Ф. Дюрренматта «Великий Ромул». Мифологический основатель Рима, обожествлённый Ромул в римском предании, представлял собой фигуру, аналогичную образам греческого мифа. Римский сатирик Луцилий в одной из сатир, где Ромул выступает в качестве героя, повествует о совете богов, на котором принималось решение о спасении государства и народа Рима. Отметим, что пародийная интерпретация мифа присуща современной англо-американской драме (Т. Уильямс, Э. Олби, Г. Пинтер), где от собственно мифа остаётся только его скелет, структурная модель мифологического сюжета, что отражает одну из особенностей

переосмысления традиционных структур в литературе XX в., когда «разрушение традиции провоцирует традиционализацию иного уровня трансформации»; «в этом случае пародия открывает новый виток спиралевидного функционирования сюжета, создаёт содержательно продуктивный вариант традиционной структуры» [3, с. 116].

В творческой лаборатории Гора Видала есть ряд киносценариев, среди которых сценарий к фильму «Калигула» (режиссёр Тинто Brass, продюсер Боб Гуччиони), вышедшему в прокат в 1980 г. Режиссёры-постановщики превратили серьёзную историческую работу сценариста в сюжет порнофильма, полного жестокости и извращений, вынудив Видала, тем самым отказаться от авторства сценария. Остаётся лишь догадываться о замысле Видала представить главного героя в рамках классической традиции: надменным, жестоким, невежественным, порочным, обладающим лютым нравом, жившим на погибель и себе, и всем, когда «не было на свете лучшего раба и худшего государя». Он очень схож, кстати, с образом Калигулы из историко-авантюрного романа чешского прозаика Й. Томана «После нас хоть потоп» (1963), повествующего о царствовании Тиберия и Калигулы. Видал явно пытался вовлечь зрителя в описываемые события, погрузить в достоверно воссозданную атмосферу мрачной поры римской истории, рельефно изобразить настроения и нравы римлян, проникнув в сущность коренных противоречий представленной эпохи и дать выразительный срез античного общества. Не исключено, что Гор Видал подчёркивал всю неприглядность образа Калигулы и грязных нравов изображаемой эпохи, чтобы обозначить историческую необходимость прихода на сцену мировой истории чего-то чистого и добропорядочного. Хотя в «Калигуле» нет прямых аналогий, есть незримая связь времён и духа времени. Проблемы власти и роли личности в истории Гор Видал рассматривает в одном из первых эссе под названием «Двенадцать цезарей» (1952), основываясь на произведении Гая Светония Транквилла в переводе английского прозаика Р. Грейвза. Видал подчёркивает, что общество не слишком изменилось с тех

давних времён Римской империи, когда великие мира сего стремились к власти ради самой власти и завоёвывали мир ради самих завоеваний. Мифическая направленность обогащает романное повествование произведения «Город и столп»: библейская аллюзия названия, подчёркнутая эпитафией к роману: «Жена же Лотова оглянулась позади его, и стала соляным столпом. Бытие, 19:26» [1, с. 7], может показаться своего рода вызовом ветхозаветному табу, наложенному ангелами, которые, выводя Лота с домочадцами из погрязшего во грехе и обречённого Содома, запретили им оглядываться. В основу названия романа и его двухчастной структуры положен миф иудейско-христианской культуры — миф о Содоме.

Роман «Юлиан» (1964) — одно из самых значительных исторических произведений писателя. Представитель XX в. американец Гор Видал интересуется историей Юлиана Отступника в первую очередь как примечательной, но трагической фигурой на римском императорском троне (361-363) и посвящает роман античной эпохе мировой истории. Автор повествует о судьбе императора Флавия Клавдия Юлиана (332-363), попытавшегося повернуть историю вспять: он отчаянно стремится возродить умирающую языческую религию эпохи эллинизма, эпохи, по А.Ф. Лосеву, «всё той же абстрактной человеческой единичности» [2, с. 12] и низвергнуть христианство. В его ярком романном образе переплетены и обстоятельства биографии, и напряжённые духовные искания, и ситуация в римской империи IV в.

Список использованных источников

1. Видал Г. Город и столп : роман : пер. с англ. / Г. Видал. – СПб. : Продолжение Жизни, 2003. – 256 с.
2. Лосев А. Ф. Эллинистически-римская эстетика I-II вв. н. э. : [моно-графия] / А. Ф. Лосев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 416 с.
3. Нямец А. Е. Поэтика традиционных сюжетов / А. Е. Нямец. – Черновцы : Рута, 1999. – 176 с.
4. Stanton R. Gore Vidal : A Primary and Secondary Bibliography / R. Stanton. – London : Prior, Boston : Hall, 1978. – 226 p.

**ЖЕРТВЫ БАГЕРОВСКОГО РВА:
ЧИСЛЕННОСТЬ, НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ,
УВЕКОВЕЧИВАНИЕ ПАМЯТИ**

Исак И. А.,

аспирант, ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского»

Аннотация. Статья посвящена трагическим событиям на Крымском полуострове в период немецкой оккупации Крыма в 1941–1944 гг. и их последствиям для местного населения. Рассмотрены отдельные аспекты массового уничтожения местного населения немецко-фашистскими оккупантами в Багеровском рву под Керчью. Особое внимание уделяется национальному составу погибших здесь жителей Керчи и других населенных пунктов Восточного Крыма.

Ключевые слова: оккупация, евреи, холокост, историческая память, Багеровский ров, Керчь, Крым.

**VICTIMS OF BAGEROVO RVA:
NUMBER, NATIONAL COMPOSITION, ENHANCING MEMORY**

Summary. The article highlights the tragic events on the Crimean Peninsula during the Nazi occupation in 1941-1944 and its consequences for the local population. It focuses on key aspects of mass annihilation of the population by the Nazi invaders in Bagerovsky ditch near Kerch. Special attention is given to the ethnic composition of the residents of Kerch and other locations of the Eastern. Crimea.

Key words: occupation, Jews, Holocaust, historical memory, Bagherovsky ditch, Kerch, Crimea.

По имеющейся информации в Крыму известно более 60 мест массового уничтожения евреев, крымчаков и цыган. Не исключено, что таких трагических мест еще больше, но на данный момент они не выявлены. Из всех этих трагических мест всего лишь половина отмечена какими-либо памятными знаками о погибших здесь крымчанах разных национальностей. Также едва ли возможно установить точное количество евреев и крымчаков, погибших в

Крым в результате массового уничтожения немецко-фашистскими оккупантами [4, с. 14].

В послевоенных немецких и советских источниках не по всем населенным пунктам Крымского полуострова имеется информация о нацистских преступлениях. Это касается в особенности сельской местности, так как во многих случаях евреев собирали для уничтожения в райцентрах. Определить точное количество погибших из каждого населенного пункта практически невозможно. В качестве примера можно взять отчет айнзатцгруппы «Д», задачей которой было истребление евреев в Крыму. Здесь имеются данные о 30,2 тыс. евреев, уничтоженных в период с ноября 1941 по март 1942 г. В апреле–мае 1942 г. зверства нацистов в Крыму продолжались, хотя общее количество расстрелянных уменьшилось. В июне 1942 г., после повторного захвата Керчи немецкими оккупантами, было расправы над мирными жителями возобновились [6, с. 80].

Впервые о кровавых преступлениях нацистов в Крыму мир узнал уже в январе 1942 г. из ноты наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова. В этом документе, в том числе, говорилось о расстреле 7 тыс. мирных граждан СССР в Багеровском рву: «После того, как нашими частями была освобождена Керчь, выяснились ужасающие подробности одного из самых кровавых преступлений германской армии на советской земле – расстрел более семи тысяч мирных советских граждан, которые обманом были вызваны германской комендатурой при помощи расклеенного по городу приказа № 4 на Сенную площадь, после чего там же арестованы, вывезены за город и расстреляны из пулеметов». Известно, что здесь, в частности, 1–3 декабря 1941 г. осуществлялись расстрелы еврейского населения Керчи, численность которых по данным немецких официальных документов составила примерно 2500 человек [5, с. 54].

«По приходу Красной Армии в Керчь, в январе 1942 года, при обследовании Багеровского рва было обнаружено, что он на протяжении километра в длину, шириной в 4 метра, глубиной в 2 метра, был переполнен

трупамии женщин, детей, стариков и подростков. Возле рва были замёрзшие лужи крови. Там же валялись детские вещи вместе с обрубками рук и ног и других частей тела. Всё это было забрызгано кровью и мозгами. Фашистские негодяи расстреливали беззащитное население разрывными пулями...», – сообщалось в воспоминаниях очевидцев[1, с. 33]. Именно с фиксации этой трагедии начала свою работу Чрезвычайная Государственная Комиссия (ЧГК) по расследованию преступлений фашизма в Крыму.

В Акте ЧГК от 12 июня 1944 г. была зафиксирована ужасная участь керченских евреев: «Евреи уничтожались с особым ожесточением. Их немцы ставили вне закона. Евреи были обязаны носить отличительные знаки на рукаве, и подвергались особым унижениям и оскорблениям. Немецкие палачи истребили все еврейское население города»[3, с. 141]. Но в новом Акте от 24 августа 1944 г. это описание было сокращено и от него осталось только последнее предложение. В Акте не упоминаются и цыгане, арестованные 28 декабря 1941 г. и расстрелянные на следующий день. Вместе с ними были убиты без определения национальности 273 мужчины из поселков Камыш-Бурун и Старый Карантин и несколько задержанных накануне евреев. Отступая из Керчи 30 декабря 1941 г. нацисты убили еще 300 керчан, национальность которых также невозможно установить. Уже в конце мая 1942 г., когда Керчь была снова оккупирована, нацисты опять начали розыски евреев среди местного населения и расстрелы начались снова. Были уничтожены примерно 400 крымчаков, под следствие и расстрелы попали также те лица, кто состоял в смешанных браках или укрывал евреев [3, с. 141].

При повторном взятии Керчи в мае 1942 г. пострадало и нееврейское население. Большое количество мирных жителей было расстреляно в Еникале, Рудниках и Самострое. Тех, кого не расстреляли, нацисты поместили в лагерь под Феодосией [2, с. 22]. Керченская городская ЧГК утверждала, что в период второй оккупации истребление мирного населения носило еще более систематический характер, чем в 1941 г., что не соответствует показаниям

очевидцев. Так, из показаний Т. С. Кузьменко, которая находилась в керченской тюрьме с 10 января по 20 июня 1943 г. следует, что за данный период было казнено около 50 человек. Это были подпольщики, партизаны, коммунисты, несколько женщин-евреек с детьми, дети от смешанных браков, военнопленные евреи и лица, которые похитили имущество оккупантов [3, с. 152]. Из всех заключенных около половины являлось партизанами. В 1943–1944 гг. в Багеровских каменоломнях находилось расположение партизанского отряда «Багеровская шахта». Перед самым освобождением Крыма немцам все же удалось уничтожить большую часть отряда после долгой осады катакомб. Тогда погибло около 220 партизан, остальным удалось успешно избежать газовой атаки и через лабиринты каменоломен выйти недалеко от Керчи, куда уже подходили советские части, освобождавшие полуостров от нацистов [8, с. 244]. Среди керчан Акт ЧГК определил 14 687 жертв насильственных репрессий среди мирного населения, из них примерно 7 тыс. погибли в Багеровском рву [3, с. 174].

Все самые кровавые и жестокие преступления нацистской Германии и её союзников против мирного населения Крымского полуострова были представлены на Нюрнбергском процессе. «Документ СССР-63» – такое название носил приобщенный к обвинительному заключению акт Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немцев в городе Керчи [7, с. 44]. Во время следствия было установлено, что организатором массовых расстрелов в Багеровском рву был фельдмаршал Эрих фон Манштейн. В 1941 г. он был командующим 11-й армии, которая вела бои в Крыму. После окончания войны как военный преступник он был приговорен британским трибуналом к 18 годам тюремного заключения «за недостаточное внимание к жизни гражданского населения». В 1953 г. его освободили «по состоянию здоровья», после чего он работал военным советником в правительстве Западной Германии [10, с. 189]. Таким образом, наказание Манштейна было несоизмеримо с совершенными под его непосредственным руководством кровавыми и жестокими

преступлениями, жертвами которых стали десятки тысяч жителей Крымского полуострова. Чудовищные зверства в Керчи оккупанты начали с убийства 245 детей школьного возраста. Часть была расстреляна из пулеметов, часть отравлена. Тела детей были погружены и вывезены на грузовиках за 8 километров от города, где находился большой противотанковый ров. Этот ров и стал местом массовой казни жителей Керчи. Последующие три дня сюда свозили на автомашинах людей из города и округи, обреченных на смерть [9, с. 22].

В 1946 г. на месте, где немецко-фашистские оккупанты производили массовые расстрелы мирных жителей, был установлен памятник, который в 1985 г. в связи его неудовлетворительной сохранностью был заменен. Памятник сооружен в виде трех пилонов, установленных на основании под углом 120° друг к другу и с тремя звездами в верхней части. На основании укреплен мемориальная доска с текстом: «Здесь, в Багеровском противотанковом рву, в ноябре–декабре 1941 года фашистскими варварами было расстреляно более семи тысяч мирных советских граждан: женщин, стариков, детей. Вечная память жертвам фашизма». В 2010 г., по инициативе Керченской еврейской общины «Гешер», к празднованию 65-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне был сооружен ещё один памятник, специально посвященный погибшему еврейскому населению. Памятник представляет собой вертикальную стелу на основании, на лицевой стороне которой установлена наклонная плита с мемориальным текстом на четырех языках: «Здесь, на этом месте, в декабре 1941 года в Багеровском противотанковом рву были уничтожены с ужасной жестокостью, руками немецких палачей и их помощников, убийц из других народов, тысячи евреев: мужчины и женщины, девочки и мальчики, юноши и девушки, старики и младенцы, которые жили в городе Керчи и окрестностях. Их уничтожили, чтобы искоренить еврейский народ, стереть память еврейства и прикончить всякого, кто называется именем Израиля. И, да, будет их память светлой, и выстоят они в судьбе своей до конца дней».

Увековечены также и другие места массовых расстрелов в окрестностях Керчи, в частности на месте массовой гибели мирных жителей и советских военнопленных в Аджимушкайском рву. Здесь сооружен памятник в виде четырехгранного обелиска, на лицевой стороне которого установлена мемориальная доска с текстом: «Здесь, в районе Аджимушкайского рва в период фашистской оккупации 1942–1943гг. расстреляно и захоронено 2269 мирных жителей, в числе которых крымчакское население г.Керчи и советские военнопленные. Этого забыть нельзя» [11, с. 184].

Список использованных источников

1. Вольфсон Б. Кровавые преступления немцев в Керчи [текст] // Исторический журнал. – 1942. – № 8 (Август). – 36 с.
2. Выгон М.И. Еврейское счастье в степи под Джанкоем [текст]. – Б.м., 2004. – 157 с.
3. Дашичев В.И. Стратегия Гитлера путь к катастрофе, 1933-1945: Исторические очерки, документы и материалы [текст]. – Т. 3. – М.: Наука, 2005. – 606 с.
4. Книга Скорби Украины: Автономная Республика Крым [текст]. – Симферополь: Таврида, 2001. – 464 с.
5. Коротков И.С., Колтунов Г.А. Освобождение Крыма (краткий военно-исторический очерк) [текст]. – М.: Воениздат, 1959. – 102 с.
6. Круглов. А. Без жалости и сомнения. Документы о преступлениях оперативных групп и команд полиции безопасности и СД на временно оккупированных территориях СССР в 1941–1944 гг. – Днепропетровск: Центр "Ткума", 2010. – 240 с.
7. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов [текст]. – Т. 2. – М.: Юридическая литература, 1988. – 672 с.
8. Поляков В.Е. Партизанское движение в Крыму 1941–1944гг. [текст] – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2013. – 488 с.
9. Реабилитированные историей. Автономная республика Крым: Книга вторая [текст]. – Симферополь: ООО «Антиква», 2006. – 392 с.
10. Честмир Аморт. Нацистские планы порабощения и истребления народов СССР (по документам секретного архива Генриха Гиммлера) // История СССР. – 1966. – № 2. – 268 с.
11. Памятники и памятные места в Республике Крым, связанные с событиями Великой Отечественной Войны в 1941-1945 годов [текст]. – Симферополь: Таврида, 2015. – 496 с.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЯЗЫК: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИИ

Кравинская Ю. Ю.,

старший преподаватель, ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского»

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос роли языка в формировании национальной идентичности. Подчеркивается, что исследование национальной идентичности имеет междисциплинарный характер. Проводится краткий обзор различных подходов к изучению национальной идентичности.

Ключевые слова: национальная идентичность, язык, постструктурализм, междисциплинарный подход

NATIONAL IDENTITY AND LANGUAGE: INTERDISCIPLINARY APPROACH IN THE RESEARCH

Summary. The question about the role of the language in the national identity formation is considered in the article. It is stressed that the research of national identity has interdisciplinary nature. A brief survey of various approaches to the study of national identity is made.

Key words: national identity, language, poststructuralism, interdisciplinary approach

В современной отечественной научной мысли изучение идентичности ведется в контексте социологических, литературоведческих и культуроведческих исследований, психологии, политологии, философии. Сконцентрировавшись на изучении вопроса национальной идентичности в рамках литературоведения невозможно отбросить междисциплинарные связи с другими направлениями. Так, например, актуально для исследования текстовой презентации национальной идентичности изучение на стыке психологии и социологии, которое, в свою очередь, ищет гносеологическую опору в философии. Исследователи в области клинической психологии и психоанализа Е. И. Рассказова, А. Ш. Тхостов отмечают наличие философской платформы в

вопросе определения идентичности как «... те знания, представления и переживания, которые задают основу самоидентичности, о которых человек может сказать «это я» [10]. Если обратиться к философской трактовке понятия, Ю. Д. Гранин характеризует идентичность как: «... индивидуальные и групповые конструкты – вербализованные результаты отнесения к «воображенным общностям» (Б. Андерсон), определяемые, в свою очередь, предшествующим воспитанием, образовательным и культурным «багажом» и наличествующим в данный момент «окружением»...» [2, с. 143]. Иными словами, национальная идентичность не что иное, как совокупность личностного и коллективного опыта, что перспективно и для литературоведческого анализа текстовой презентации идентичности.

В социологии также актуальным представляется анализ идентичности как «...соотнесение личности с группой, представления о группе, социальные механизмы самоопределения индивидов в многообразных группах... Каждая из них включает в себя индивидуальную и коллективную идентичности разного масштаба и содержания» [3, с. 336]. В процессе самоидентификации необходим социум, национальная группа, с которой индивидуум себя отождествляет, отвечает для себя на вопросы: «Кто я?»; «Что значит родина для меня?». Осознание себя частью нации порождает явление национального самосознания, коллективной национальной идентичности. Отечественный литературовед М. К. Попова пишет: «Коллективная национальная идентичность вырабатывается в ходе саморефлексии нации... и заключается в осознании нации как таковой, признании себя нации обладающей определенными признаками» [9, с. 16]. Соотнесенность результатов исследования в социологии и литературоведении еще раз доказывает междисциплинарную природу национальной идентичности.

Рефлексия индивида о национальной принадлежности не может происходить без институциональной платформы, языкового кода, с помощью которого выражены результаты данного процесса. Социолог Евсеева Л. Н. отмечает: «Язык играет важную роль в национальной и этнической

дифференциации, так как он охватывает своим влиянием не только духовное бытие той или иной общности, но и обеспечивает ощущение взаимной комплиментарности и отличия от других наций и этносов» [4, с. 3]. В вопросе формирования образа единой нации и поиска национальной идентичности роль языка фундаментальна. В начале 19-го века была сформирована теория о роли языка в восприятии мира и формировании поведенческих стереотипов в зависимости от национальной принадлежности. В. фон Гумбольдт, И. Г. Гердер соотносили разницу между языковыми системами с национальными отличиями, которые зависят от семантической модели. Данная теория получила развитие в лингвофилософии (Й. Л. Вайсгербер, Г. В. Ф. Гегель). Среди отечественных исследователей сходных идей придерживались А. А. Потебня, теоретики славянофильской школы К. С. Аксаков, А. С. Хомяков, Ю. Ф. Самарин, И. В. Киреевский, С. Н. Булгаков. Во 2-й половине 20-го века получает развитие дискурсивный подход к языку как инструменту для передачи национального и социального послания. Дискурсивная теория семантического знака рассматривается в работах Р. Барта, М. Фуко, Ю. Хабермаса, П. Серио. Среди отечественных исследователей следует упомянуть Ю. С. Степанова, Е. Н. Шапинскую. Также, М. М. Бахтин разрабатывал концепцию дискурса, и утверждал: «Организирующий центр всякого высказывания, всякого выражения – не внутри, а вовне: в социальной среде, окружающей особь» [1, с. 102].

Подтверждением первичности роли языка в процессе познания сознания и в формировании национальной идентичности, как неотъемлемой части, может служить идея Жака Лакана: «бессознательное выстроено как язык» [7, с. 25], которая стала основой структурного психоанализа. Также, Лакан утверждает, что «Язык с его структурой возникает раньше, чем конкретный субъект на определенной стадии своего умственного развития в него входит» [8, с. 56]. Сконцентрировавшись на роле бессознательного, Лакан видит язык как совокупность означающих (материальная часть знака) и характер их взаимосвязи доминирует над означаемым (референтом), над самим субъектом.

Соответственно, для осуществления процесса саморефлексии о том «Кто я в национальном отношении?» необходим язык как инструментальный, содержащий множество означающих, которые способствуют выражению отношения индивида к действительности. Текст - носитель означающих, уже систематизированных авторским образом, с помощью которого мы передаем необходимую информацию для последующих поколений, и они пройдут свой путь в осознании собственной идентичности, базируясь на идентификационном опыте предыдущих поколений. В дальнейшем, постструктуралисты подчеркивали текстуальную обоснованность сознания: «...любой индивид... неизбежно находится "внутри текста", т.е. в рамках определенного исторического сознания, что якобы и определяет границы "интерпретативного своеволия" любого индивидуального сознания, в том числе и сознания литературного критика» [5, с. 21].

Вопрос о роли языка в процессе формирования национальной идентичности актуален в современных исследованиях не только лингвистической и литературоведческой направленности, но и во всем гуманитарном спектре научных изысканий. Междисциплинарный подход открывает новые перспективы изучения языка и текста в качестве его непосредственной имплементации как инструмента и носителя соответственно. Анализ художественного текста позволит выявить презентацию самоидентификации индивидуума, кризисных явлений, возникающих в национальной идентичности, таких как отрицание идентичности, постколониальная идентичность, гибридная идентичность.

Список использованных источников

1. Волошинов В. Н. (Бахтин М. М.) Марксизм и философия языка: основные проблемы социологического метода в науке о языке. М.: Лабиринт, 1993. 190 с.
2. Гранин Ю. Д. Глобализация: Эрозия национальной идентичности // Век глобализации. 2015. № 1. С. 142-153.
3. Дробижина Л. М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. 376 с.
4. Евсеева Л. Н. Роль языка в формировании национальной идентичности: дисс. ... канд. филос. наук. Архангельск, 2009. 22 с.

5. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996. 253 с.
6. Ильин И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М.: Интрада, 1998. 114 с.
7. Лакан Ж. Четыре основные понятия психоанализа (Семинар, Книга XI (1964)). / [пер. А. Черноглазова]. М.: «Гнозис», «Логос», 2004. 304 с.
8. Лакан Ж. Изнанка психоанализа (Семинар, Книга XVII (1969-1970)). [пер. А. Черноглазова]. М.: «Гнозис», «Логос», 2008. 272 с.
9. Попова М. К. Национальная идентичность и ее отражение в художественном сознании. В.: Изд. Воронежского гос. ун-та, 2004. 170 с.
10. Тхостов А.Ш., Рассказова Е.И. Идентичность как психологический конструкт: возможности и ограничения междисциплинарного подхода // Психологические исследования. 2012. Т. 5, № 26. С. 2. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 13.10.2017).

**«ПИТОМЦЫ МУЗ»
В ЭПИГРАФИКЕ И МЕМОРИАЛЬНОЙ СКУЛЬПТУРЕ СЕВЕРНОГО
ПРИЧЕРНОМОРЬЯ**

Лейбенсон Ю. Т.,

ассистент, ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского»

Аннотация. В античной литературе, в том числе жанре эпитафии, подчеркивается связь интеллектуала с Музами. Идея о философах, поэтах, ученых как о «друзьях Муз» отразилась и на мемориальном портрете эллинистического и римского времени. Цель работы заключается в рассмотрении упоминаний Муз в эпитафиях, происходящих из северопричерноморских античных колоний, а также иконографического типа интеллектуала; сопоставлении их с аналогичным материалом крупных античных центров.

Ключевые слова: античные колонии Северного Причерноморья, иконография интеллектуала, античное искусство.

**«THE APPRENTICES OF MUSES» IN EPIGRAPHY AND MEMORIAL
SCULPTURE OF NORTHERN BLACK SEA COAST REGION**

Summary. The main thesis of this article it is that in ancient literature, including an epitaph genre, communication of the intellectual with Muses is emphasized. The idea about philosophers, poets, scientists as about "friends of Muses" was reflected also in a memorial portrait of the Hellenistic and Roman time. The purpose of scientific research consists in consideration of mentions of Muses in the epitaphs coming from states of the Northern Black Sea Coast region and also iconographic type of the intellectuals and in their comparison to similar material from the major ancient cultural centers.

Keywords: antique states of Northern Black Sea Coast region, iconography of intellectuals, ancient art.

Идея о том, что Музы покровительствуют деятелям искусства получила развитие уже в эпической поэзии архаического периода (Hom. Il. I. 1; Od. I. 1; Hes. Op. 1; Theog. 1). Связь творца с Музами многократно подчеркивалась впоследствии в эпитафиях и псевдоэпитафиях известным поэтам. Так, в

псевдоэпитафиях Гомеру классического и эллинистического времени говорится, что его уста равны Музам; Великий Слепой назван «светочем Муз» (*Μουσῶν φέγγος Ὅμηρος* – AP. VII. 1, 2, 2b, 5, 6). Орфей, сын Эагра и Каллиопы – оплакан дочерьми Мнемосины, то есть Музами (*σὲ δὲ πολλὰ κατοδύραντο θύγατρεις Μναμοσύνας* – AP. VII. 8). О поэтессе Эринне писали, что она «присоединилась к танцу с Музами», «собирала цветы Муз» (AP. VII. 12, 13). Носсиду называли соловьем девяти Муз (AP. VII. 414). Сапфо – чтится наравне с бессмертными Музами как смертная Муза; в приписываемой Платону эпиграмме Сапфо названа *δεκάτη Μοῦσα* – «десятой Музой» (AP. VII. 14, 407; AP. IX. 506).

Служителями, друзьями, усладителями Муз (*φίλτατος Μούσαις, τερπνότατος Μοῦσιν*) в античной литературной эпиграмме называли Гесиода (AP. VII. 45), Алкмана (AP. VII. 18, 19), Анакреонта (AP. VII. 24, 31), Пиндара (AP. VII. 34, 35), Архилоха (AP. VII. 71), Софокла (AP. VII. 21, 22), Еврипида (AP. VII. 44), Антимаха (AP. VII. 409), Каллимаха (AP. VII. 41, 42). Иногда сам поэт говорил о себе как о любимце Муз (например, Леонид Тарентский – AP. VII. 715).

Этот образ сохранился даже в византийской эпиграмме: в VI в. Павел Силенциарий писал о Гомере как об устах, которыми говорили Музы (AP. VII. 4). Агафий Схоластик в эпитафии певице Иоанне, назвал ее десятой Музой – очевидно, по аналогии с Сапфо (AP. VII. 612). Тот же Агафий Схоластик в эпитафии своей сестре Евгении (при жизни она упражнялась в поэзии и в юридических науках) отметил: «на ее могиле Муза, Фемида и Афродита вместе остригли свои волосы» (AP. VII. 593).

Мы видим, что в античной литературе связь какого-либо лица с Музами подчеркивается для того, чтобы указать на приверженность его искусству, науке, образованию. Музам служили не только поэты и музыканты, но также и философы. В «Федоне» Сократ утверждает, что его делом было «творить на поприще Муз, ибо высочайшее из искусств – это философия» (Phaed. 61a). В литературе римского времени этот тезис снова встречается у Лукиана (de Merc. conduct. 25).

Что касается частной метрической эпитафии, известной по эпиграфическим памятникам, она демонстрирует ту же закономерность: упоминание Муз в эпитафии означает прижизненную приверженность умершего искусству, наукам, образованию. В эпитафиях Афин, Рима, городов Малой Азии первых веков новой эры умершие названы «угодными Музам» [13, № 474а], «друзьями Муз» [13, №№ 100, 614]. В текстах таких эпитафий подчеркивается, что они занимались поэзией и декламацией [13, №№ 101, 415], риторикой и философией [13, №№ 105, 613], преподаванием [13, № 616]; вообще были людьми мудрыми [13, №№ 273, 413]. Музы могли быть упомянуты также в эпитафиях детям [13, №№ 617, 226] и юношам-эфебам [13, № 231] – очевидно, это должно было подчеркивать, что при жизни они приобщались к наукам в процессе обучения. Особенно интересно, что упоминание о Музах можно встретить и в эпитафиях женщинам: самосская эпитафия говорит о «рожденной славой и Музами Тиринне» [13, № 224], Аквилейская эпитафия называет «десятой Музой» мимическую актрису Басиллу [13, № 609]. В двух римских эпитафиях специально указано, что женщины, которых поэты сравнивали с Музами, играли на музыкальных инструментах [13, №№ 551, 560 – в этом случае отмечается также *σωφροσύνη* – рассудительность умершей].

Римский саркофаг М. Семпрония Никократа, названного в эпитафии «искусным мужем» (*μουσικὸς ἀνὴρ*), по описанию Г. Кайбея, содержит рельеф, «изображающий поэта и Музу» [13, № 613]. Такое совпадение неслучайно: в Риме первых веков новой эры были широко распространены погребальные рельефы, представлявшие мудреца, поэта или актера, беседующего с Музой или стоящего в окружении Муз. Так, например, в собрании М. Вегнера насчитывается 73 таких памятника [14] (Рис. 1). Конечно, нельзя видеть в каждом подобном памятнике свидетельство о некоем профессиональном и признанном философе или литераторе – от такого вывода предостерегают, например, саркофаги с изображениями младенцев среди Муз. Однако появление на погребальных памятниках рельефов с Музами, так же как и упоминание Муз

в текстах эпитафий, подчеркивало любовь умершего (или его семьи) к наукам и искусству.

Скульпторы «саркофагов с Музами» в передаче фигуры умершего не изобретали новых типов, но использовали иконографический тип интеллектуала, появившийся еще в эллинистическое время. Он представлял собой изображение мужчины, одетого в гражданский плащ (*ἰμάτιον*, *pallium*), часто со свитком в руке; интеллектуал изображался либо стоящим в ораторской позе, либо сидя – в последнем случае он мог подпирать голову рукой, остальные же атрибуты совпадали с изображением стоящей фигуры (Рис. 1, 2). Так были представлены в живописных, мозаичных, скульптурных портретах многие известные философы, риторы, поэты, а также частные лица в своем мемориальном портрете (обычно скульптурном; особенно такой мемориальный портрет был распространен в полисах Малой Азии II – I в. до н. э. По всей видимости, именно малоазийский рельеф в значительной степени повлиял на римские рельефы саркофагов и надгробий).

Рис. 1. Саркофаг с изображением Музы и философа. Середина III в. н. э. Музеи Ватикана, Григорианский музей светского искусства.

Рис. 2. Надгробие из Смирны. Деталь. II–I вв. до н. э.
Государственный музей Лейдена.

Как в эллинистической, так и в римской скульптуре со свитком или даже в качестве Музы могли изображать женщину, что, надо полагать, подчеркивало ее образованность (проявляющуюся, разумеется, главным образом, в частной жизни) и авторитет, которым пользовались науки и искусства в ее семье (Рис. 3, 4).

Рис. 3. Надгробие из Смирны. II в. до н. э. Балтимор, Художественный музей Уолтерс.

Все описанные выше тенденции в стихотворном и портретном изображении интеллектуала встречаются в искусстве античных колоний Северного Причерноморья.

Рис. 4. Саркофаг-стригилато с изображением времен года и портретом покойной в клипеусе. Деталь. 270-е гг. н. э. Остия, Археологический музей.

В трех метрических эпитафиях из Пантикапея и двух из Херсонеса упоминаются Музы.

Пантикапейская эпитафия Смикру (IV в. до н. э.) называет его «питомцем Муз» (*Μοῦσαι παιδεύσαν*) [5, № 118]. Из содержания можно заключить, что Смикр, «учивший на перекрестках и давший согражданам наилучший образ мысли» был философом сократического толка. Другая эпитафия (II в. н. э.) из боспорской столицы говорит о Саббионе, сыне Стефана, которого «усплаждали Музы» [5, № 146]. В эпитафии перечислены и другие качества Саббиона, казалось бы, вполне характерные и для других эпитафий: добрый нрав (*ἡθoς*), ум (*νοῦς*), расцвет (*ἀκμῆ*). Но все эти характеристики объединены словом *ἀρετῆ* – доблесть, добродетель. Оказывается, что главной доблестью Саббиона, которого усплаждали Музы, в пору его расцвета были не воинские подвиги, а нравственное состояние и ум. В этом можно видеть характеристику интеллектуала. Поэт,

посвятивший стихотворную эпитафию Феофиле, дочери Гекатея (I в. до н. э. – I в. н. э.), назвал ее «десятой Музой» [5, № 130] – очевидна аналогия с приведенными выше эпиграммой в честь Сапфо и эпитафией Басиллы. Однако в эпитафии говорится лишь о красоте и добродетели умершей и ничего – о ее мудрости, рассудительности или занятиях искусствами.

Херсонесская эпитафия I в. до н. э. – 1-я пол. I в. н. э. называет Ксанфа, сына Лагорина, «*τὸν σοφὸν ἐν Μούσαις*» («сведущий в таинстве Муз» – пер. К. М. Колобовой, «искусный в Музах» – пер. И. А. Макарова) [3]. В эпитафии отмечена молодость умершего; по всей видимости, Музы упоминаются в связи с обучением Ксанфа – как в аналогичных случаях в эпитафиях из Рима, Хиоса, Малой Азии [13, №№ 226, 231, 617]. Другая херсонесская эпитафия, датирующаяся II в. н. э., обращается к умершей девушке Ойнанфе: *ἄ βάλε τοι Μοῦσαι σὰ χαρεῖσια* – «лучше бы Музы воспели твои радости» (пер. И. А. Макарова) [4].

Впрочем, изображений Муз или иконографического типа интеллектуала на херсонесских надгробиях, содержащих рассмотренные эпитафии, не находим. Рельеф стелы Ксанфа ограничивается двумя розетками, стелы Ойнанфы – двумя фигурами: женщины в позе скорби и служанки. К сожалению, вовсе не сохранились изображения на пантикапейских стелах с эпитафиями Смикра, Феофилы, и Саббиона. Однако для последней сохранилось описание, сделанное до утраты памятника: Ю. Ю. Марти свидетельствовал, что рельеф представлял собой изображение стоящего мужчины в плаще, с короткой бородкой и со свитком, рядом – слуга [6, № 7]. Если это описание верно, то стела Саббиона, сына Стефана, – пока единственный известный памятник античного Северного Причерноморья, демонстрирующий связь упоминания Муз и интеллектуальных занятий умершего в его эпитафии с иконографическим типом интеллектуала в мемориальной скульптуре.

Однако иконографический тип интеллектуала в Северном Причерноморье был достаточно широко распространен. 7 рельефных надгробий из Херсонеса

представляют этот тип: мужчина в ораторской позе, в гиматии, со свитком в руке; еще 5 – портрет умершего без свитка, но в ораторской позе, с ораторским жестом. Эти памятники относятся к I в. до н. э. – IV в. н. э., наибольшее количество их приходится на I – II вв. н. э. (Рис. 5).

Рис. 5. Херсонесское надгробие. I в. н. э. «Государственный историко-археологический музей-заповедник "Херсонес Таврический"».

Еще больше подобных памятников происходит из городов Европейского и Азиатского Боспора: 23 надгробия, где мужчина держит свиток; в 67 случаях представлен гражданский плащ и ораторская поза. Боспорские памятники весьма разнообразны по исполнению (некоторые стелы Азиатского Боспора – весьма примитивны), композиции (например, многоярусные рельефы), представленным деталям портрета (стелы Европейского Боспора содержат изображения варварских элементов костюма). Время бытования таких памятников – III в. до н. э. – II в. н. э.; наибольшее распространение, как и в Херсонесе, приходится на I – II вв. н. э. (Рис. 6).

Рис. 6. Надгробие из Горгиппии. I–II вв. н. э. Анапский Археологический музей-филиал ГБУК КК «Краснодарский Государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына».

Важно, что иконографический тип интеллектуала в надгробном рельефе Боспора еще в нескольких случаях совпадает со сведениями эпитафии о характере занятий умершего. В четырех метрических эпитафиях I в. до н. э. – II в. н. э. сообщается, что Фарнак, сын Фарнака, был педотрибом; Стратоник, сын Зенона писал и издавал собственные книги; Гекатей обладал самобытной мудростью; Авл Ситесий был последователем философско-медицинской школы эмпириков [5, №№ 121, 129, 145, 655]. Во всех этих случаях (правда, на стеле Гекатея – лишь предположительно) на рельефе видим типичное изображение интеллектуала.

К сожалению, все эти памятники до сих пор не получили подробного рассмотрения в литературе, посвященной культуре и искусству Северного Причерноморья. Можно найти лишь упоминания о схожести отдельных скульптурных изображений из Северного Причерноморья с известными античными памятниками, представляющими интеллектуалов [7, с. 116; 8, с. 41, 81; 9, с. 127; 10, с. 205–207; 11, № 96, с. 94; 12, с. 314–315, 460]. Предлагалось даже рассматривать свиток в руках у изображаемого лица в качестве матримониального символа [1, с. 121; 2, с. 57].

Однако упоминание муз и широчайший круг аналогий – в литературе, эпиграфике, скульптуре – как думается, позволяет уверенно отнести

северопричерноморские стелы к иконографическому типу интеллектуала (настоящего или мнимого), распространенного и в других античных центрах. Таким образом, целый ряд херсонеситов и боспорян позднеэллинистического и римского времени предстает перед нами в качестве «питомцев Муз».

Что касается женского мемориального портрета Северного Причерноморья, аналогий портрету образованных гражданок малоазийских городов или Рима, пока не известно. Только одна пантикапейская статуя-полуфигура, датируемая I – II вв., держит в руке нечто похожее на два цилиндрических предмета, однако с уверенностью считать это изображением свитка нельзя (КЛ-74, Рис. 7).

Не совсем ясно и упоминание Муз в херсонесской эпитафии Ойнанфы, а также причина, по которой боспорский поэт назвал Теофилу «десятой Музой». Возможно, новые находки и поиск аналогий позволят пролить свет на вопрос об образованных жительницах северопонтийских античных городов.

Рис. 7. Женская надгробная статуя-полуфигура из Пантикапея. I–II вв. н. э. Лапидарий ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник»

Список использованных источников и литературы

1. Алексеева Е. М., Галут О. В., Мельникова И. Н., Хачатурова Е. А. Анапский археологический музей-заповедник // Античное наследие Кубани: В 3-х т. Т. 3. М.: Наука, 2010. С. 98–145.
2. Алексеева Е. М. Интерпретация комплекса анапских склепов 1975 г. – Древности Боспора. Т. 20. 2016. С. 34–67.
3. Древние Надписи Северного Причерноморья: Электронная публикация 3-го издания Корпуса древних надписей Северного Причерноморья – *Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae* (IOSPE³). URL: <http://iospe.kcl.ac.uk/3.195-ru.html>
4. Древние Надписи Северного Причерноморья: Электронная публикация 3-го издания Корпуса древних надписей Северного Причерноморья – *Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae* (IOSPE³). URL: <http://iospe.kcl.ac.uk/3.196-ru.html>
5. Корпус боспорских надписей / Ред. В. В. Струве. М.; Л.: Наука, 1965. 951 с.
6. Марти Ю. Ю. Поздне-эллинистические надгробия Боспора как историко-культурный документ // СА. 1941. № 7. С. 31–44.
7. Матковская Т. А. Особенности композиционного решения боспорских надгробных рельефов первых веков н. э. // Население и культура Крыма в первые века н. э. / Отв. ред. Т. Н. Высотская. Киев: Наукова думка, 1983. С. 114–136.
8. Скржинская М. В. Образование и досуг в античных государствах Северного Причерноморья. Киев: Ин-т истории Украины НАНУ, 2014. 250 с.
9. Соколов Г. И. Античное Причерноморье: Памятники архитектуры, скульптуры, живописи и прикладного искусства. Л.: Аврора, 1972. 192 с.
10. Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев: Наукова думка, 1973. 283 с.
11. Соломоник Э. И. Каменная летопись Херсонеса: Греческие лапидарные надписи. Симферополь: Таврия, 1990. 112 с.
12. Херсонес Таврический в I в. до н.э. – VI в. н. э.: Очерки истории и культуры / Отв. ред. В. М. Зубарь, С. Д. Крыжицкий, Л. В. Марченко и др. Харьков: Майдан, 2004. 732 с.
13. *Epigrammata Graeca* / Ed. G. Kaibel. Berlin: G. Reimer, 1878. 703 p.
14. Wegner M. *Die Musensarkophage*. Berlin, 1966. URL: [http://arachne.uni-koeln.de/browser/index.php?view\[layout\]=sarkophag](http://arachne.uni-koeln.de/browser/index.php?view[layout]=sarkophag)

ОСОБЕННОСТИ ТВОРЧЕСКОГО МЕТОДА С. РУШДИ

Никейцева О. Н.,

старший преподаватель, ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского»

Аннотация. Целью настоящей работы является определение особенностей литературного направления, в русле которого работает современный британский писатель С. Рушди. С постановкой научной проблемы в работе соотносится выбор комплекса литературоведческих методов: компаративного, исторического и метода мотивного анализа произведения. В ходе предпринятого исследования было выявлено, что С. Рушди работает в русле «магического» реализма. При этом его произведения, ориентированные на классические образцы данного направления, не лишены авторского новаторства и уникальности, а также содержат множественные элементы эстетики литературного постмодернизма.

Ключевые слова: «магический» реализм, постмодернизм, творческий метод, британская проза.

FEATURES OF THE CREATIVE METHOD S. RUSHDI

Summary. The present paper aims at defining the peculiarities of the artistic movement of contemporary British writer Salman Rushdie. The stated scientific issue determines the choice of methods: comparative, historical and motive analysis. It is identified that Salman Rushdie writes in the line with magical realism with the elements of postmodern literary aesthetics.

Key words: Magical Realism, Postmodernism, Artistic Method, British Prose.

Вопрос о творческом методе писателя (здесь под творческим методом подразумевается система ценностей автора и творческий инструментарий, управляющие процессом создания художественных произведений) преимущественно остается на периферии внимания литературоведов. Это обстоятельство обусловлено тем, что с момента вхождения С. Рушди в большую литературу в научно-критической мысли за ним прочно закрепилась репутация ярчайшего представителя современного «магического» реализма. Такой подход к творчеству одного из самых значимых и провокационных литераторов современности и все обусловленные этим отношениями выводы об особенностях

тематики, проблематики и формальной организации его произведений остаются доминирующими и сегодня.

В то же время наметившаяся в современной филологической науке тенденция к переоценке такого явления, как взаимопроницаемость границ литературных направлений и следующий за этим синтез художественных методов в рамках творчества одного автора дает возможность рассмотреть особенности творческих установок современного классика в более широком литературном контексте.

Анализ научной литературы по предложенной теме позволяет сделать вывод о том, что проблема творческого метода С. Рушди крайне редко связывается учеными с господствующим литературным направлением современного искусства – постмодернизмом.

Безусловно, такие романы С. Рушди, как «Дети полуночи» и «Стыд» несут на себе неизгладимый отпечаток классического «магического» реализма и испытали на себе заметное влияние творчества ярчайшего представителя этого направления Г. Г. Маркеса. Так, Н. З. Шамсутдинова отмечает, что из всех современных литераторов, работающих в русле данного художественного метода, именно творчество С. Рушди оказалось наиболее восприимчивым к традиции, родоначальником которой является латиноамериканский классик [3, с. 282].

Рушди сохраняет в своих произведениях все особенности, присущие традиции «магического» реализма. К их числу можно отнести: 1) гуманистический пафос творчества; 2) экзистенциальные проблемы, составляющие основу романов (оппозиция добра и зла и их соотношение в мире, сложность человеческих отношений, вопрос о разном образе жизни и отличии менталитетов и т. д.); 3) подробное описание деталей (как бытовых, так и событийных); 4) племенное, семейное деление романного мира на «своих» и «чужих»; 5) наличие в текстах магических, сверхъестественных элементов,

которые органично вплетаются в повествовательную канву и выглядят естественно как для персонажей произведений, так и для читателя.

Несмотря на обилие аутентичных для данного направления элементов в романной прозе С. Рушди, сложности творческого и мировоззренческого самоопределения писателя позволяют говорить о новом восприятии им традиции классического «магического» реализма. А. В. Биякаева видит новаторство писателя в рамках обозначенного течения в сужении области конфликта и отсутствии необходимости «придерживаться исторической и географической специфики» [1, с. 38] при сохранении масштаба мировоззренческо-культурной глубины повествования. Кроме того, усиление национального (расово-этнического) компонента, повышенная достоверность исторических событий, которым уделяется немалое внимание автора, а также постоянно присутствующий вопрос о соотношении западного и восточного мировых начал делают прозу С. Рушди уникальной в пределах избранного им литературного течения и позволяют говорить о новом, современном варианте обозначенного реалистического направления.

Нельзя не отметить тот факт, что в литературоведении последнего времени наметилась тенденция относить всех писателей XXI века к числу постмодернистов, объясняя это особенностью состояния искусства и путей его развития в условиях современности. Если следовать этому принципу, то романы С. Рушди также логично вписать в постмодернистскую картину мирового литературного творчества, как это успешно делают некоторые ученые.

Как известно, в первую очередь интертекстуальность является основой постмодернистской культуры, важнейшим приемом создания современного художественного текста, поскольку «постмодернизм – опыт непрерывного знакового обмена, взаимопровокаций и перекодировок» [2, с. 114].

Именно система аллюзий, реминисценций и заимствований становится элементом, образующим формальную и сюжетную структуру произведений британского романиста. К примеру, главного героя романа «Стыд» зовут Омар-

Хайям, что отсылает читателя к личности великого поэта и дает возможность деконструкции исторического литературного образа. Кроме того, весь текст произведения пронизан отсылками к роману Г. Г. Маркеса «Сто лет одиночества», а сам мотив одиночества в нем из понятия и образа трансформируется в полноценный концепт, поскольку вбирает в себя множество смыслов и обрастает все новыми коннотациями, ведь почти все герои чувствуют гнет одиночества: преждевременно осиротевший Реза, его жена Билькис, учитель Эдуардо Родригеш и Рани Хараппа. Описание семьи Резы Хайдара почти в точности повторяет рассказ о многочисленном семействе Буэндиа, один из членов которого, подобно герою Рушди, также участвует в кровопролитном конфликте и совершает героический поступок. Если мотив воздаяния за грехи рода в семье Буэндиа воплотился в детях, которые рождаются с уродствами в виде поросячьих хвостов, то в семье Резы первый ребенок рождается мертвым. Явная реминисценция на роман Маркеса читается и в образе старца Дауда, который однажды появляется в жизни Резы, начинает учить его и давать советы, подобно кочующему Мелькиадесу, завоевавшему и поглотившему рассудок главы семейства Буэндиа. В романе Рушди присутствуют мотивы незаконной любви, воплощенной в образах Омара-Хайяма и Суфии (по аналогии с Ремедиос и Аурелиано в «Сто лет одиночества»), и неодухотворенной красоты (Арджуманд и Ремедиос).

При этом важно понимать, что С. Рушди не просто использует образы, сюжеты и мотивы, заимствованные у предшественника, он вводит их в текст намеренно, в качестве элементов литературной игры с подготовленным читателем, что также является характерной чертой иронического мировосприятия эпохи постмодернизма.

Основываясь на предшествующих примерах, можно сделать следующий вывод: особенностью творческого метода С. Рушди является синтез в нем традиции «магического» реализма с ориентацией на классические образцы признанных предшественников и элементов постмодернизма, дающее нам право

определить литературный метод писателя как «магический» реализм обновленного характера.

Список использованных источников

1. Биякаева А. В. Современный магический реализм: вариация видов конфликта и возможность его генерализации. Новаторство «Флорентийской чародейки» Салмана Рушди и «Кубинских сновидений» Кристины Гарсиа [Текст] // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – Раздел 1. Филологические науки. – Омск, 2017. – С. 35 – 39.
2. Курицын В. Н. Русский литературный постмодернизм [Текст]. – М.: ОГИ, 2000. – 286 с.
3. Шамсутдинова Н. З. Сквозные темы и аналогии героев в произведениях «магического» реализма [Текст] // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. – Казань, 2008. – Том 150, кн. 2. – С. 282 – 290.

УДК: 335/359;908

**ПО СООБЩЕНИЯМ НАШЕЙ АГЕНТУРЫ...
АГЕНТУРНО-ОПЕРАТИВНАЯ РАБОТА ОРГАНОВ
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ
(1941-1944 ГГ.)**

Омельчук Д. В.,

доцент, ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского»

Аннотация: рассматривается деятельность органов НКГБ по подготовке агентуры для работы в районах, захваченных немецкими оккупантами, некоторые особенности ее предстоящей легализации, а также результаты деятельности после освобождения советской территории.

Ключевые слова: резидент, агент, осведомитель, изменник родины.

**BY MESSAGES OF OUR AGENCIES ...
AGENT-OPERATIONAL WORK OF STATE SECURITY BODIES IN THE
OCCUPIED TERRITORY
(1941-1944)**

Summary. The activity of the NKGB authorities in training agents for work in the areas occupied by the German invaders, certain features of its forthcoming legalization, as well as the results of activities after the liberation of the Soviet territory are considered.

Key words: resident, agent, whistleblower, traitor to the homeland.

В истории Великой Отечественной войны, несмотря на огромное количество публикаций, в том числе и весьма значимых, вышедших в последние годы, все еще остается немало страниц, о которых почти ничего не известно не только широкой общественности, но и профессиональным исследователям. К таким, в частности, относится работа агентуры органов госбезопасности на временно оккупированной территории СССР. Разведывательно-диверсионная деятельность в целом исследована и представлена в ряде публикаций. А о деятельности агентурно-осведомительной

сети неизвестно практически ничего. Это не удивительно. Специфика выполняемых функций предполагает высокий уровень секретности. К тому же, многое из того, что делалось в годы войны, продолжает сохранять актуальность и в настоящее время. Практически полное отсутствие источников по данной теме стало причиной существенного пробела в истории Великой Отечественной войны. Только в последние годы были рассекречены и опубликованы некоторые документы, позволяющие частично пролить свет на эту немаловажную страницу в истории войны.

О наличии внутри страны разветвленной агентурно-осведомительной сети органов госбезопасности (вне зависимости от названия: ЧК, ВЧК, ОГПУ, НКВД) в советское время не упоминалось вообще. В постсоветский период при изучении политических репрессий агентурно-осведомительная сеть представлялась исключительно в негативном свете, как «сексоты», ставшие причиной многих трагедий невинно пострадавших советских граждан. В то же время, агентурная работа является неотъемлемой частью деятельности спецслужб во всех странах и во все времена. В СССР эта работа была гипертрофирована, что может объясняться неверием в прочность советской власти, опасением, что проводимая ею политика вызывает опасное недовольство со стороны широких масс населения. Насколько такая позиция была обоснованной – тема отдельного исследования. Фактом остается наличие в Советском Союзе широкой осведомительной сети НКВД.

С первых же дней Великой Отечественной войны работа агентурно-осведомительной сети была нацелена на выполнение новых задач, возникших в военное время. Уже 22 июня 1941г. в 9 часов 10 минут Народный комиссар Государственной безопасности СССР В.Меркулов подписывает директиву № 127/5809 в которой среди первоочередных мероприятий значится: «мобилизовать внимание всей агентурно-осведомительной сети на своевременное вскрытие и предупреждение всех возможных вредительско-диверсионных актов в системе народного хозяйства, и в первую очередь – на

предприятиях оборонной промышленности и железнодорожного транспорта». [1, с. 25]. Через два дня, 24 июня Директивой НКГБ СССР о задачах органов госбезопасности прифронтовых областей агентура нацеливается на то, чтобы « в случае отхода наших войск, оставаться на местах, проникать вглубь расположения войск противника, вести подрывную диверсионную работу». [1, с. 28-29]. При всей правильности своевременности поставленных задач, следует признать, что в реальности было мало шансов, что они будут выполнены. Остаться на местах агенты, конечно, могли, а вести « подрывную диверсионную работу» вряд ли. Они должны были быть этому обучены, а в мирное время перед ними ставились совершенно иные цели. Кроме того, в рядах агентуры было немало женщин, вообще неосведомленных о военном деле. Директивой совершенно не определялось материальное снабжение предполагаемых диверсантов, обеспечение их средствами связи и т.д. Вероятно, это понимали и в ведомстве. Подтверждением может служить очередная совершенно секретная директива НКГБ СССР о развертывании агентурно-оперативной работы органов госбезопасности от 1 июля 1941 г.

Ставилась задача: «Весь негласный штатный аппарат НКГБ, сохранившийся от расшифровки, подготовить для оставления на территории, в случае занятия ее врагом, для нелегальной работы против захватчиков. Способы связи (радио, шифры, оказии и пр.) должны быть заблаговременно определены. Перед резидентурами поставит задачу организации диверсионно-террористической и разведывательной работы против врага. В целях зашифровки должным образом этих работников необходимо заранее снабдить соответствующими фиктивными документами, средствами борьбы (оружие, взрыв вещества, средства связи и т.д.).

В качестве одного из методов зашифровки агентуры, оставляемой на занятой врагом территории, практиковать фиктивные аресты и заключение в тюрьму якобы за антигосударственные преступления отдельных влиятельных

агентов и осведомителей». [1, с. 38-39]. Как известно, с началом войны органы безопасности активизировали аресты потенциальных врагов.

Следовательно, среди репрессированных в июле-августе 1941 г. в Крыму тоже могли быть эти самые «влиятельные агенты»? Как сложилась их судьба? Смогли ли они выполнить поставленные перед ними задачи? Среди арестованных в этот период известно несколько случаев освобождения «за недоказанностью». В иные периоды до двадцати процентов арестованных по подозрению в антигосударственной деятельности освобождали «за отсутствием состава преступления» или «за недоказанностью обвинения». С началом войны таких случаев стало значительно меньше. Но они были. Так, слесарь Симферопольского завода им. Куйбышева А. Ильницкий был арестован 25 июня 1941 г. «за контрреволюционную агитацию». Она заключалась в том, что, по словам свидетелей, слесарь выражал сомнение в том, что Красная Армия сможет победить немецкую, так как та уже завоевала всю Европу. Других за такое расстреливали, но А. Ильницкому повезло: в его словах не нашли такого состава преступления, за которое можно было бы судить и 16 августа его освободили.[2, с. 374].Таких случаев было несколько. Логично предположить, что в числе таких были и агенты НКВД, которых готовили для работы в тылу врага.

Насколько успешно они действовали? Ответа на этот вопрос нет. Документы об этом наверняка есть, но остаются недоступными для исследователей. Мы можем косвенно судить об этом из достаточно обширной литературы, посвященной партизанскому движению и деятельности подпольщиков в Крыму. В советский период обязательным было показывать роль Коммунистической партии в сопротивлении оккупантам. Роль спецслужб, НКВД в том числе, не освещалась. Сегодня есть возможность увидеть картину более полно. Ведь кроме диверсионно-подрывной работы агенты вели разведывательную деятельность и собирали информацию о лицах, перешедших на сторону врага. Впоследствии эти сведения оказались очень востребованными.

Интерес представляют три документа, введенных в научный оборот во второй книге Крымского тома научно-документальной серии «Реабилитированные историей». Это отчеты НКВД Крыма за 1942 г. [2, с.53-61]. В нем, в частности, отмечается, что на освобожденной территории восстановлена связь с 266 агентами, среди них было выявлено 26 предателей, с немцами бежало 7 агентов-изменников. Активная агентура оказывала чекистам неоценимую помощь в выявлении предателей родины – старост, бургомистров, полицейских, других лиц, запятнавших себя пособничеством оккупантам.[2, с.57 – 58].

Еще большую пользу принесла информация уцелевшей агентуры (она тоже понесла немалые потери в период оккупации) о коллаборационистах после освобождения Крыма в 1944 г. Особенно ценными были сведения о деятельности сети разведшкол Абвера на территории полуострова, оставленных ими агентах в тылу Красной Армии и о создании немцами различных антисоветских организаций. [2, с. 63]. В дальнейшем агентура НКВД продолжила выполнять свои функции уже в условиях мирного времени.

Список использованных источников:

1. Госбезопасность в битве за Москву. Документы, рассекреченные ФСБ России [Текст] /Ответ.ред. В.С. Христофоров; составители Жадобин А.Г., Н.М. Перемышленникова, Хохлов Д.Ю. – М.: Издательский дом «Звонница – МГ», 2015. – 526 с.
2. Реабилитированные историей. Автономная Республика Крым: Книга вторая. – Симферополь: Издательство «Антиква», 2006. 392 с.

ПЕРВЫЕ ПОЛЕТЫ АЭРОПЛАНОВ В НЕБЕ КРЫМА

Скоробогатов С. Б.,

аспирант, ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского»

Аннотация. В статье освещен переходный период от теории воздухоплавания на аппаратах тяжелее воздуха – аэропланах к их практическому применению в России. Показан вклад С.Ф. Дорожинского, М.Н. Ефимова и С.И. Уточкина в становление воздухоплавания в Крыму.

Ключевые слова: аэроплан, воздухоплавание, отдел воздушного флота.

THE FIRST FLIGHTS OF AIRPLANES IN THE SKY OF CRIMEA

Summary. The article deals with the transitional period from the theory of aeronautics on devices heavier than air - airplanes to their practical application in Russia. The contribution of S.F. Dorozhinsky, M.N. Efimova and S.I. Utochkina in the formation of aeronautics in the Crimea.

Key words: airplane, aeronautics, air fleet department.

15 февраля 2010 г. комиссией по общественным медалям и памятным знакам учреждена юбилейная медаль «100 лет воздушному флоту России». На аверсе (лицевой стороне) изображен летчик в форме времен начала XX века на фоне самолета и надпись: «С.Ф. ДОРОЖИНСКИЙ»; «М.Н. ЕФИМОВ». По канту вверху расположена надпись: «100 ЛЕТ ВОЗДУШНОМУ ФЛОТУ РОССИИ», внизу - «1910-2010».

Целью данной статьи является определить и обосновать значение даты 1910 год – как зарождение авиации в России и раскрыть вклад С.Ф. Дорожинского и М.Н. Ефимова в становление авиации в Крыму.

Необходимость преобразования теории воздухоплавания в практику привела в 1878 г к основанию «Русского общества воздухоплавания», первым почетным членом которого стал феоносиец вице-адмирал Н.М. Соковнин [2].

Сообщения об успешных полетах на планере Отто Лилиенталя, а также выступления в России многих энтузиастов, таких как аэронавты-парашютисты Юзеф и Станислав Древницкие, все больше привлекали внимание к полету человека. На черноморском флоте, в Севастополе по предложению лейтенанта Н.Н. Шрейбера проводились опыты по подъему наблюдателей с кораблей посредством воздушных змеев в 1897-1898 гг. Эти испытания позволили в 1900 г. организовать в Севастополе Воздухоплавательный парк Черноморского флота, первого в России и второго в мире (после французского).

В августе 1903 г. был совершен испытательный полет аэростата «Кобчик» Воздухоплавательного парка Черноморского флота, а в январе 1904 г. впервые в мире линейный корабль «Синоп» был приспособлен как аэростатоносец в Севастополе [2].

Однако, по истечению 10 лет материальная база Воздухоплавательного парка Черноморского флота не получила достойного развития. В таких неблагоприятных условиях начальник Службы связи Черного моря В.Н. Кедрин обратился к командованию с просьбой выделить средства на приобретение за границей летательного аппарата тяжелее воздуха – аэроплана. Вопрос его покупки для Морских сил Черного моря представлял большую сложность не только по причине дороговизны мероприятия, но и из-за ограниченного количества построенных на то время в мире самолетов. Всего, к тому времени, во всем мире существовало не более 80 аэропланов [5]. Причем большинство из них были построены в единичных экземплярах энтузиастами самоучками и только несколько конструкций были испытаны и строились небольшими сериями.

Несмотря на многочисленные трудности, В.Н. Кедрин добился разрешения купить за рубежом такой летательный аппарат. Для выбора и покупки самолета за границу был командирован С.Ф. Дорожинский, стоявший в то время во главе Воздухоплавательного парка. Выбор лейтенанта пал на двухместный самолет французской фирмы «Антуанетт». За 12 тысяч рублей фирма обязалась

изготовить самолет, обучить пилота и одного механика. Обучаясь на «Антуанетте» С.Ф. Дорожинский совершил более ста полетов. Блестяще выдержав испытания, он получил международный диплом пилота-авиатора под номером № 125 (1910 г.) [1; 2]. Таким образом, С.Ф. Дорожинский стал четвертым дипломированным летчиком Российской империи (после М. Ефимова, Н. Попова, В. Лебедева) и первым среди дипломированных военных авиаторов России и отечественных морских летчиков.

В марте 1909 г. был основан Севастопольский аэроклуб. Председателем комитета этого аэроклуба был начальник службы связи морских сил Черного моря капитан 2-го ранга В.Н. Кедрин. Основной целью аэроклуба было оказание посильного содействия развитию авиации в интересах флота и армии, а также подготовка опытных летчиков. Хотя в аэроклубе имелся воздушный шар, на котором совершались полеты над Севастополем, было решено приобрести аэроплан во Франции. Аэроклуб не располагал средствами для приобретения аэроплана, так как существовал на взносы своих членов (среди первых тридцати членов клуба было собрано всего 650 рублей). На самолет пожертвовал 1200 рублей известный промышленник и меценат Поляков, а Великий князь, Александр Михайлович Романов отпустил из собственных средств вдвое большую сумму [4]. В результате летом 1910 г. аэроклуб поручил С.Ф. Дорожинскому, находившемуся на тот момент во Франции, приобрести для клуба самолет. Выбор С.Ф. Дорожинского остановился на одноместном Блерио-ХІ, поскольку на этой модели конструктор и летчик Луи Блерио установил рекорд дальности, впервые перелетев из Франции в Англию через Ла-Манш.

В июне 1910 г. приобретенные самолеты были доставлены в Севастополь. В течение лета их собрали и проверили на земле. Для первого в Крыму аэродрома был выбран плац Брестского пехотного полка на Лагерном поле (Куликово поле).

Сделав всего два круга над Лагерным полем на высоте около 50 метров, лейтенант С.Ф. Дорожинский успешно приземлился. Таким образом, 29

сентября 1910 года стало датой первого в истории русского военного флота полета на самолете морского ведомства и первый полет аппарата тяжелее воздуха – аэроплана, в небе Крыма! Кроме того С.Ф. Дорожинский 10 октября 1910 г. совершил полет над морем - над эскадрой, стоявшей на рейде. После таких полетов он был награжден памятным золотым жетоном. Так пришла к нему всероссийская слава. Кроме того В.Н. Кедрин и С.Ф. Дорожинский за проявленную инициативу. стали кавалерами ордена св. Станислава 2-й и 3-й степени соответственно.

11 ноября 1910 года в Севастопольской авиационной школе Отдела воздушного флота началась подготовка летных кадров Российской Империи. Школа готовила авиаторов, как для армии, так и для флота. Председателем совета школы был назначен В.Н. Кедрин.

Главным инструктором Севастопольской авиационной школы был М.Н. Ефимов, прославившийся тем, что 21 марта 1910 года осуществил первые публичные полеты на территории Российской империи (Одесса) и стал первым российским дипломированным летчиком [3]. За эту работу М.Н. Ефимову присвоили чин Поручика авиационных войск и удостоили звания почетного гражданина Севастополя.

С появлением самолетов оживилась деятельность аэроклуба, число желающих попасть в члены клуба и желающих научиться летать росло — к концу 1910 г. в клубе числилось уже девяносто членов. Занятия в аэроклубе проводились под руководством С.Ф. Дорожинского.

Важно подчеркнуть, что первым летчиком, пролетевшим над городом Симферополь стал С.И. Уточкин (1910 г.), ставший вторым пилотом Российской империи.

Таким образом, 1910 стал началом практического применения аэропланов в Российской империи. В этом году полеты на аэропланах впервые состоялись не только в крупнейших городах России, но и в Крыму. Эту дату по праву можно считать началом воздушного флота России.

Список использованных источников:

1. Баженов В.П. Крым авиационный. Симферополь. – 2005. – 56 с.
2. Горохов В.Д. Икары крымского неба. Феодосия – 2006. – 216 с.
3. Грибанов С. В. Пилоты Его Величества. – М.: Центрполиграф, 2007. – 382 с.
4. Пиджаков А.Ю. Зарождение авиационных обществ и авиационного образования в дореволюционной России / А.Ю. Пиджаков, В.А. Хороших // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2011. №2. – С.60-70
5. Соболев Д.А. История самолетов. Начальный период. РОССПЭН, 1995 г. – 344 с.

**АНАЛИЗ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
ПОТРЕБНОСТЕЙ (FOS) СТУДЕНТОВ НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ
«ТУРИЗМ» И «ГОСТИНИЧНОЕ ДЕЛО»**

Томичева И. В.,

преподаватель, ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского»

Аннотация. Целью данного исследования является анализ языковых профессиональных потребностей студентов направления подготовки «Туризм» и «Гостиничное дело» с точки зрения конкретной профессиональной подготовки на французском языке. Анализ результатов опроса обучающихся этого направления подготовки выявил потребности при изучении французского языка. Результаты привели нас к выводу о необходимости разработки курса изучения французского языка, адаптированного к особенностям этой аудитории. Они сформулированы как «туристический модуль», который фокусируется на развитии профессиональных навыков студентов, связанных со сферой туризма и гостиничного бизнеса.

Ключевые слова: французский профессиональной направленности (FOS – Français Objectifs Professionnels), туризм и гостиничное дело, профессиональная подготовка, модуль, опрос.

**ANALYSIS OF THE PROFESSIONAL LINGUISTIC DEMANDS (FOS)
OF STUDENTS DIRECTION OF TRAINING "TOURISM" AND "HOTEL
BUSINESS"**

Summary. The purpose of this study is to analyze the language professional needs of students in the areas of training "Tourism" and "Hotel Business" in terms of professional training in French. The analysis of the results of the survey of students in this area of training identified needs in the study of French. The results led us to the conclusion about necessity of development of the course of study of the French language, adapted to the characteristics of this audience. They are formulated as a "tourist module", which focuses on the development of professional skills of students related to the field of tourism and hotel business.

Key words: French of professional orientation, tourism and hotel business, professional training, module, survey.

В последние годы международный и в том числе франкоязычный туризм стал активно развиваться в современном Крыму. Это явление требует особого взгляда на изучения иностранного языка, разработки специализированных учебных курсов французского языка профессиональной направленности (FOS). FOS представляет собой отдельную ветвь французского языка, изучаемого как иностранный (FLE – Français langue étrangère), со своими специфическими особенностями с точки зрения аудитории обучающихся, конкретных потребностей, ограниченной продолжительности обучения и профессиональной мотивации обучающихся. Эта ветвь ориентирована на обучающегося и считается отправной точкой всей образовательной деятельности. По словам Г. Хольцера, это «неспециалисты во французском языке, которым необходим этот язык в иных, не лингвистических, целях». Целью данного исследования является анализ языковых потребностей студентов, изучающих французский язык в области туризма и гостиничного дела. Необходимо проанализировать следующие аспекты:

- уровень владения французским языком студентами направления подготовки «Туризм» и «Гостиничное дело»;
- навыки, которыми необходимо овладеть студентам в конце обучения;
- наиболее подходящий для данной аудитории курс французского языка.

FOS отличается некоторыми характеристиками, на которые должен обратить внимание преподаватель, разрабатывающий так называемый «конкретный» курс изучения французского языка. Этими основными характеристиками являются неоднородность аудитории, конкретные лингвистические потребности данной целевой аудитории, мотивация к изучению французского языка и продолжительность обучения.

Неоднородность целевой аудитории является одной из основных особенностей обучения и изучения FOS. Студенты не являются специалистами во французском языке, более того, все они имеют разный уровень владения иностранным языком в общем и французским языком в частности.

Целевая аудитория FOS характеризуется специфическими языковыми потребностями, которые должны быть основными целями любого обучения. Таким образом, два важных параметра должны быть направлены на определение цели, которая должна быть достигнута, и скорость достижения этой цели. Другими словами, ограниченность времени обучения требует тщательного подбора материала и форм его подачи. Обучение должно быть сосредоточено прежде всего на коммуникативных ситуациях, с которыми сталкиваются студенты в своей профессиональной деятельности. Еще один момент, связанный с FOS - это весьма ограниченное время, отводимое на его изучение. Изучение FOS мотивировано конкретной общепрофессиональной целью. Эта мотивация в какой-то мере зависит от социально-экономических изменений.

Конкретный характер любого обучения требует разработки программы на индивидуальной основе. К разработке курса FOS следует подходить, учитывая основные этапы:

- Анализ потребностей обучающихся: преподаватель идентифицирует и анализирует лингвистические потребности в обучении. Эти потребности могут быть идентифицированы с помощью опроса, анкетирования, аналитических таблиц и т. д. Это самый важный этап в разработке любого курса FOS. Именно на этом этапе идентифицируются языковые ситуации, в которых обучающиеся могут находиться после завершения курса обучения.

- Подбор материала: преподаватель должен подобрать наиболее подходящий материал, на котором будет основываться разработанный им курс.

- Анализ материала: необходимо тщательно проанализировать собранный материал, чтобы определить компоненты различных коммуникативных ситуаций, с которыми преподавателю и обучающимся придется иметь дело.

- Выбор видов деятельности: преподаватель рассматривает коммуникативные ситуации, связанные с профессиональной деятельностью обучающихся, социокультурные аспекты, требующие обязательного освещения, и языковые навыки, которыми обучающиеся должны овладеть.

Методология сбора данных основана на вопроснике, предназначенном для студентов направления подготовки «туризм и гостиничное дело». Его целью было выявить и определить профессиональные ситуации, в которых обучающиеся могут оказаться после завершения обучения. Анкета написана на французском языке с переводом на русский язык для удобства понимания и предназначена для выборки из 12 студентов. Она состоит из трех разделов:

- Студенческий профиль: целевая аудитория, а именно группа студентов 3 курса направления подготовки «Туризм» и «Гостиничное дело» Крымского Федерального Университета. Это помогло определить средний возраст, доминирующий пол, академическую ориентацию обучающихся.

- Отношение к французскому языку: этот раздел позволил узнать, с одной стороны владеет ли наша аудитория французским языком; с другой стороны, есть ли соприкосновение студентов с французским языком вне университетского контекста.

- Языковое и профессиональное образование: мы сосредоточились на трех аспектах: во-первых, на знаниях, которые студенты хотели бы приобрести в процессе изучения французского языка профессиональной направленности; во-вторых, на важности овладения французским языком для последующей работы в сфере туризма в Крыму; и, наконец, на предложениях и пожеланиях обучающихся по содержанию программы FOS.

Анализ результатов данного опроса основан на наблюдениях, касающихся трех разделов вопросника, упомянутых выше. Большинство студентов младше 20 лет (80%), преимущественно девушки (86%). Этот результат может быть непосредственно связан с традиционной структурой туристического бизнеса, в котором работает большое количество девушек и женщин. Что касается образовательной ориентации студентов, то некоторые из них являются представителями семейных династий, работающих в гостиничной индустрии (14%). Это говорит о том, что у них есть уже базовые знания и навыки в области туризма и гостиничного дела. Результаты, связанные с уровнем владения

студентами французским языком, показывают, что подавляющее большинство студентов (92%) не изучали французский язык до университета, т.е. студенты анкетированной группы являются настоящими новичками. Отсюда следует потребность в чередовании общеязыковой и профессиональной языковой подготовки. Раздел, посвященный языковому и профессиональному обучению, преследует две цели. Во-первых, необходимо четко сформулировать какими навыками студенты должны овладеть на устном и письменном уровнях, во-вторых, нужно понять все основные моменты, которые необходимо проработать в процессе специализированного обучения французскому языку туризма.

Результаты показывают реальную мотивацию студентов на прохождение специальной подготовки на французском языке. Это подтверждается желанием приобрести устные и письменные навыки (82%). Действительно, это позволило бы некоторым из них в дальнейшем иметь более широкий профессиональный выбор и уверенней продвигаться вперед в сфере своей профессиональной карьеры. Понимание обучающимися важности изучения французского языка профессиональной направленности также стимулирует их мотивацию, которая должна способствовать достижению целей этой подготовки. Мы заметили, что студенты мотивированы как на изучение французского языка профессиональной направленности, так и на общее изучение французского языка в целом. Они хотят иметь возможность общаться в профессиональных ситуациях, а также в ситуациях повседневной жизни. Мотивация на овладение профессиональными навыками довольно высока на уровне письменной речи, в частности, с целью переписки с профессионалами своей отрасли. Удивление вызвал тот факт, что социокультурный аспект не вызывает большого интереса у студентов (26%). Мы обязаны довести до их сознания важность этого аспекта в профессиональной сфере. Знание собственной культуры и целевой культуры (франкоязычной) является важным аспектом, который вносит значительный вклад в облегчение отношений. Возможность свободно общаться с туристами и франкоязычными специалистами - это основная цель, указанная в ответах респондентов. Они

хотели бы пройти тренинги, ориентированные на практику и общение в ситуациях, непосредственно связанных с их будущей профессией. Первой целью обучающиеся указали профессиональные беседы с туристами (72%), а затем приобретение словарного запаса по специальности. Этот момент связан с предложениями студентов, указывающих на то, что они хотели бы пройти стажировку (50%) с франкоязычными профессионалами, с целью приобретения и улучшения профессиональных навыков.

Основываясь на результатах нашего опроса, мы предлагаем разработать модуль FOS для студентов в сфере туризма и гостиничного дела. Модуль должен быть нацелен на развитие профессиональных навыков обучающихся посредством постоянных коммуникационных ситуаций в сфере туризма. Что касается языковых и культурных навыков, они должны изучаться в тесной связи с профессиональными навыками. Следует отметить, что культура играет важную роль в обучении французскому языку туристического бизнеса. В дополнение к социально-историко-географическим знаниям, студенты должны уметь пользоваться инструментами так называемыми, по мнению Ришера, «невидимыми свидетельствами, являющимися неотъемлемой частью культуры и оставляющими особый отпечаток особенный отпечаток во временном и пространственном контексте, отражающимися на социальных отношениях и являющимися порой причиной культурных потрясений и дисфункций в профессиональном мире» [5].

Описание модуля.

Целевая аудитория: модуль должен быть рассчитан на обучающихся, получающих образование в области туризма и гостиничного дела. Он предназначен, в частности, для студентов начального уровня обучения французскому языку.

Цель: модуль направлен на приобретение профессиональной и функциональной компетенции во французском языке, ориентированном на сферы туризма. По окончании изучения этого модуля студент должен быть

относительно способен вступить в контакт с франкофоном, проанализировать его требования и запросы, ответить на поставленные вопросы или оказать соответствующую услугу.

Содержание: модуль должен относиться к трем полям, туризму, гостиницам и ресторанам. Содержание должно быть основано на ряде коммуникативных и общих ситуаций, с которыми студенты смогут справиться, пользуясь французским языком, в конце изучения этого модуля. Студенты смогут дать представление о своей работе и своем туристическом бизнесе. С другой стороны, в работе с франкоязычными туристами они должны научиться выполнять различные задачи, такие как подготовка экскурсий, руководство и комментирование туристического маршрута. Что касается гостиничной индустрии, обучающиеся должны прежде всего освоить механизм и особенности встречи и приёма гостей, так как это обеспечивает первый прямой контакт с клиентами. Для достижения этой цели они должны будут приобрести основные навыки работы гостиничного администратора и регистратора, а именно умение оказать должный приём, понять пожелания клиента, правильно заполнить его данные с одной стороны и предложить все существующие услуги с максимальной корректностью и дружелюбием с другой. Например, чтобы оказать услугу по резервированию номера в телефонном или электронном режиме, будущим специалистам туристического бизнеса необходимо владеть достаточным объёмом соответствующей лексики и языковых клише. Они должны уметь предоставить всю запрашиваемую клиентом информацию, такую как описание номера, его оснащение и цена. В контексте приветствия туристов в отеле студенты должны будут освоить основные приёмы управления запросами клиентов с точки зрения бронирования номеров, выставления счетов, предоставления информации о местных предложениях, особенно досуге, культурной программе и т. д. С точки зрения общественного питания, студентам необходимо будет овладеть навыками, включающими в себя приветствие,

размещение клиента за столом, его ознакомление с меню, умение принять заказ, подготовить и предоставить клиенту счёт.

Обращаем внимание на то, что содержание должно быть сосредоточено на укреплении профессиональных навыков студентов параллельно с языковыми навыками. Цель этого модуля должна заключаться в расширении самостоятельности и профессионализации студентов. Обучение должно основываться главным образом на задачах, которые позволят максимально использовать язык в аутентичной деятельности и тесно связаны с будущей профессией студентов. Это может осуществляться путём стимуляции взаимодействия обучающихся на занятиях, основанного на ролевых играх и симуляциях, для создания аутентичных коммуникационных ситуаций, оставляя волю их спонтанности в обмене информацией и взаимной консультации. Грамматические аспекты также должны быть проработаны: рассмотрены поэтапно, когда они наиболее актуальны при выполнении каждой из поставленных коммуникативных задач. Методы оценивания могут основываться на двух типах измерений. Первый - итоговая оценка на основе общего зачёта или экзамена, охватывающего весь курс для оценивания навыков, умений и знаний, полученных обучающимися. Второй тип - формативное оценивание в течение всего семестра.

Наша цель состояла в определении языковых профессиональных лингвистических потребностей студентов, получающих образование в сфере туризма и гостиничного бизнеса с тем, чтобы предложить, при необходимости, специальный модуль, направленный на изучение французского языка для будущих менеджеров данного направления, способных справиться с запросами франкоязычных клиентов, используя французский язык. Были представлены рамки нашего исследования, в которых нас интересовал французский язык профессиональной направленности (FOS) в сфере туризма и гостиничного дела. Была подчеркнута важность определения языковых потребностей обучающихся перед началом любой подготовки FOS. В целом, было отмечено, что FOS

отвечает на конкретный запрос конкретной аудитории. Потребности последней определяются в соответствии с языковыми целями, которые должны быть достигнуты в процессе изучения французского языка и согласованы с дисциплинарной сферой. Были проанализированы результаты опроса, проведенного в университете. Анализ результатов этого исследования выявил несколько фактов. Во-первых, подавляющее большинство студентов никогда раньше не изучали французский язык. Этот результат напрямую связан с их мотивацией к изучению французского языка профессиональной направленности. Они продемонстрировали мотивацию как в изучении общего французского языка, так и практической и коммуникативной стороны языка, который тесно связан с их будущей профессией. Этот результат подтолкнул к возможности разработки модуля французского языка в сфере туризма и гостиничного дела, который подчеркивает коммуникативный и профессиональный аспект профессии. Однако этот модуль является лишь началом подготовки крымских специалистов. Таким образом, мы выражаем надежду на введение более долгосрочного курса обучения иностранного языка профессиональной направленности, а также укреплению культурного и профессионального обмена между Францией и Крымом в сфере туризма.

Список использованных источников

1. Образцов П.И., Иванова О.Ю. профессионально-ориентированное обучение иностранному языку на неязыковых факультетах вузов. Орёл: ОГУ, 2005. 114 с.
2. Гальская Н.Д. Современная методика обучения иностранному языку: Пособие для учителя. М.: АРКТИ - Глосса, 2000. 165 с.
3. Courtillon J. Elaborer un cours de FLE.- Paris: Hachette, 2003. – 160 p.
4. Margiante J., Parpette C. Le Français sur objectif spécifique: de l'analyse des besoins à l'élaboration d'un cours.– Paris: Hachette, 2004. – 161 p.
5. Richer J. Le FOS est-il soluble dans de FLE? Pour une didactique spécialisée du Français sur Objectifs spécifiques (F.O.S.) [Ressource électronique] // Mode d'accès: http://resources-cla.univ-fcomte.fr/gerflint/Perou_2/Richer.pdf - 30.03.2018

УДК 811.133.1'373.21

СОБЫТИЯ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ 1853-1856 ГГ. В РЕГИОНАЛЬНОЙ ТОПОНИМИИ ФРАНЦИИ

Зайнутдинова В. Р. (обучающаяся),

Зайнутдинова В. Р. (обучающаяся),

Томичева И. В. (преподаватель)

ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского»

Аннотация. Целью данного исследования является освещение Крымской войны 1853-1856 гг. с политической, религиозной и, прежде всего, топонимической точки зрения. Были рассмотрены её причины, результаты и значение в европейской и мировой истории. Исследование заключается в выявлении отражения событий Крымской войны в истории и особенно топонимии французских городов. При работе с материалом были применены сравнительно-исторические и описательные подходы, а также методы научного познания: анализ и синтез. В работе были использованы источники из научной и художественной литературы, исторические исследования, воспоминания современников и публицистические материалы.

Ключевые слова: крымская война, топонимия, названия, бульвар, станция метро, след в истории.

EVENTS OF THE CRIMEAN WAR OF 1853-1856 IN REGIONAL TOPONYMY OF FRANCE

Summary. The purpose of this research is the coverage of the Crimean war 1853-1856 in terms of political, religious foremost toponymical viewpoint. Its reasons, results and significance in European and world history were considered. The research consist in discovering the reflections of the Crimean war events in history and especially in French cities toponymy while working with data the comparative – historical and descriptive approaches, as well as scientific cognition methods such as analysis and synthesis were applied. The sources from scientific and belles-lettres literature, historical researches, contemporary memoirs and feature material were used in the research.

Key words: Crimean war, toponymy, names, boulevard, metro station, a mark in history.

Крымская война протекала с 1853 по 1856 годы. Она столкнула Россию со странной коалицией, объединившей Францию, Великобританию, Турцию и королевство Сардинию. В июле 1853 года, после нескольких месяцев политических и военных манёвров, Россия попыталась захватить Молдавию и Валахию, уже пришедшие в упадок балканские провинции турецкой империи. Это не обрадовало Францию Наполеона III и Британию королевы Виктории. Французский император недавно захватил власть в результате государственного переворота, к чему Англия относилась весьма настороженно. Он намеревался успокоить англичан и поддержать их, когда те объявят о готовности вступить в войну, столкнувшись со вторжением Российской империи на территорию Турции.

К началу Крымская война в 1853 году, уже несколько лет существовала напряженность между французскими католиками и русскими православными христианами, защищавшими святыне места, в том числе Иерусалим. Отказ султана признать русского царя официальным защитником православных Османской империи влечёт за собой оккупацию дунайских княжеств российскими войсками, что вызывает недовольство Лондона и Парижа. Пока царь тешил себя призрачной надеждой на поддержку англичан, в 1854 году к Порте присоединяются Франция и Великобритания, а в следующем году - Пьемонт-Сардиния; Австрия принимает вооруженный нейтралитет. То, что должно было стать российско-турецким конфликтом, превратилось в российско-европейскую войну: борцы за православие, русские были шокированы союзом ислама с католическим и протестантским христианством.

Латентный конфликт между Россией с одной стороны и Францией и Великобританией с другой, своего рода холодная война, который продлится в течение всего XIX века и получил название «Большая игра». Россия отчаянно пытается расширить своё пространство и власть, чтобы стать мировой державой. Для этого она должна получить доступ к тёплым морям. Сделать это она может в Азии или на Средиземном море. Великобритания, чья колониальная держава

почти достигла своего пика, в свою очередь, намерена сорвать амбиции россиян. Захватив Балканы, в долгосрочной перспективе русские нацелены на контроль проливов Босфор и Дарданелла, блокирующих доступ их флоту из Черного моря в Средиземное. Именно поэтому Великобритания решает мчаться на помощь туркам, которую поддерживает Франция, стремящаяся извлечь из этого свою выгоду. Для императора Наполеона III это является возможностью получить военный престиж, необходимый его режиму, ослабить могущественную Россию и наладить связи с англичанами

Война завершится осадой Севастополя капитуляцией российских войск 11 сентября 1855 года. В этот день генерал МакМахон взял редут Малахова кургана, не оставив защитникам города выбора. Мирный договор был подписан 30 марта в 1856 году, фиксируя поражение русской империи и оставляя Чёрное море нейтральным. Целостность Османской империи гарантировалась в обмен на равные права христиан империи, что на практике оказалось невозможным.

Итог войны был ужасен: союзники потеряли 120000 человек, 90000 из которых французы, русские -150000 человек. Однако стоит отметить, что три четверти смертей вызваны болезнями, в том числе смертельно опасной холерой. Это военный конфликт впервые в истории был проиллюстрирован фотографиями. Яркая форма получила широкое распространение по всему миру: многие станут «зуавами» среди них добровольцы, участвовавшие в гражданской войне в Америке (1861-1865).

Почти забытая война между англо-французской коалицией и российским экспансионизмом в 1853-1856гг., оставила много персонажей, памятников и эпизодов во французской истории, от зуавов до «натиска лёгкой бригады» и осады Севастополя.

Бытует легенда о том, что во времена Второй Империи, когда осада Севастополя ещё не завершилась, некий посетитель парижского кафе, раздосадованный тем, что ни один официант к нему не подходит, чтобы принять заказ, воскликнул « Ah ca! Mais on ne peut donc rien prendre ici, c'est comme a

Sebastopol! « Ну да! Мы же ничего не можем здесь взять, как и в Севастополе!» Смех с соседних столиков прекратился, когда полицейский в штатском представился и препроводил шутника в ближайший участок, чтобы устроить тому взбучку. Шутником оказал широко известный в то время комик Грассо. Точно также как это имя, сама Крымская война мало известна современным французам: её причины, имена, даты, начала и окончания. География является слабой стороной французов и до нашего времени, до Крымской весны, большинство из них имели весьма смутное представление даже о том, где находится Крым.

Эта война оставила достаточно следов и нашла своё отражение в истории современной Франции, оставила богатую топонимию.

Парижский бульвар, получивший название *boulevard de Sebastopol*, отделяет 1-й и 2-й, с одной стороны, и 3-й и 4-й районы, с другой. Севастопольский бульвар простирается от улицы Риволи до коммерческого суда. 1332 метра в длину и 30 в ширину, он начинается от площади дю Шатле и тянется на север до бульвара Страсбур. Название этого бульвара увековечивает память об осаде Севастополя во время Крымской войны. Севастопольский бульвар является одним из самых важных маршрутов, проложенных Хаусманном во время преобразования Парижа в XIX веке. Это ключевой элемент новой главной оси север-юг, идущей центр Парижа к Восточному Вокзалу (Gare de l'Est). Сначала он назывался «*boulevard du Centre*», но был переименован в «*boulevard de Sebastopol*» через несколько дней после победы войск Наполеона III 8 сентября 1855 года. Надо отметить, что *boulevard de Sebastopol* упоминается в песне «Viens Fifine», исполненной Жаном Габеном, а также вдохновил Жана-Роже Косимона и Лео Ферре на написание в 1957 году песни «Mon Sebasto».

Reaumur-Sebastopol- это станция 3^{ей} и 4ой линий парижского метро, расположенная на границе 2-го и 3-го округов Парижа. Она была открыта под названием Rue Saint-Denis 19 ноября 1904 года со вводом в эксплуатацию

первого участка 3^{ей} линии между станциями Вилье и Пер-Лашез. Свое нынешнее название станция получила 15 октября 1907 года. Название соотносится с улицей Реомюр и Севастопольским бульваром, которые пересекаются над станцией.

Самая длинная улица Парижа, находящаяся в 19ом округе, называется *rue de la Crimée* (2,540 м). До неё можно добраться с нескольких станций метро. В частности со станции *la Crimée*, которая была открыта 5 ноября 1910 года. Происхождение названия этой станции также относится к событиям Крымской войны (1855-1856 гг.). На этой улице можно увидеть замечательные здания и памятные места, к примеру, по адресу 93, *rue de la Crimée* находятся православная церковь Святого Сергия и Институт православного богословия.

Известна станция *Alma-Marceau*, расположенная на 9ой линии парижского метрополитена, на границе 8го и 16го округов французской столицы. Своё название она получила по расположенным рядом мосту Альма и Авеню Марсо. В свою очередь, их названия относятся к битве при реке Альма, франко-британской победе над русскими войсками в 1854 году в Крыму, одержанной генералом Франсуа-Севереном Марсо-Дегравье. Мост Альма знаменит своим Зуавом (*Zouave*), который раньше сопровождался тремя другими статуями, изображающими солдат, сражавшихся в Крыму в те далёкие годы. Статуи были разбросаны после реконструкции моста, проходившего с 1970 по 1974 годы: Егерь (*Chasseur à pied*) сейчас находится в Венсенне, Артиллерист (*Artilleur*) в городе Фере (гарнизонном городе артиллеристов), а Гренадёр (*Grenadier*) в Дижоне.

В честь генерала Мишеля Бизо, погибшего во время осады Севастополя, был назван проспект и станция метро в 12ом округе Парижа. Генерал Тири свидетельствует: «Этот бедный генерал Бизо получил ужасную травму три дня назад 11-го числа этого месяца (апрель 1855 г.). Он хотел узнать, продвигается ли работа англичан; поэтому он спустился в окопы; но эти дьяволы ничего не делают; они только отдыхают. Когда командиры проходят мимо них, они

кланяются, а затем, когда те уходят, ложатся. Бизо, вероятно, не пригнулся ... Я часто видел его неосторожную смелость. Однако, может быть, он действительно допустил какую-то оплошность и дорого заплатил за это. Пуля угодила ему за правое ухо, прошла по небу и подошла к скуле левой щеки, там и застряла. Он был убит на месте".

Город *Malakoff* в Верхней Сене получил своё официальное название в 1883 году в честь редута, защищавшего Севастополь. Его захват французскими генералами Мак-Махона в сентябре 1855 года был одним из самых важных событий Крымской войны. В этот день маршал МакМахон сказал «J'y suis! J'y reste» «Я там был! Я там остаюсь!». Этот великий мыслитель, будущий второй президент третьей республики также произнёс « La fièvre typhoid, soit on en meurt, soit on en reste totalement idiot. Je le sait, je l'ai eue» «Тифозная лихорадка. Можно умереть, а можно остаться полным идиотом. Я это знаю, со мной это было». Чтобы отметить значимость этой битвы, Наполеон III дал название *Malakoff* новому городу, который в тот момент строился к югу от Парижа, и его планировали называть Новая Калифорния.

Станция метро была также была названа *Malakoff*, а «Малаховские башни» появились повсюду во французских провинциях в честь солдат, погибших в Крымской войне.

В британской армии в крымской компании насчитывалось две тысячи швейцарских легионеров и, вероятно, несколько сотен во французской армии. Солдаты готовили обёрнутые в тесто кусочки сыра в котлах на кострах. По возвращении домой швейцарцы встречались и в память об их биваках и делились приготовленным на костре жареным сыром. Они называли его «Малакофф». В 1890 года по случаю приема в замке Пранжен, на который были приглашены ветераны крымской войны, супружеская пара, состоящая на службе принца Джерома Бонапарта, владельца этого места, подала кусочки груйера, покрытого тестом и обжаренного во фритюре. Блюдо оценили по достоинству. Признанный, рецепт утвердился в меню гостиницы Eysuns. Салат, корнишоны и

маленький лук довершили блюдо, успех которого заставил забыть суровую зиму Севастополя, где это блюдо родилось.

В меню многих стран мира утвердилось также и «барбекю». Его появление связано с тем, что франко-британские войска, размещенные в Варне, получали мясо от крестьян Добруджи на Дунае. На румынском языке овец называют «berbec». Отсюда же происходит и «barbaque», употребляемое с тех пор во французском языке при разделке мяса низкого качества.

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что Крымская война была одним из самых важных и решающих событий середины XIX века, оставив неизгладимый след в истории. Война жила и живет по сей день в массовом сознании жителей стран, полтора века назад участвовавших в этой войне. Большинство мемориальных объектов, в честь событий или участников Крымской войны, улицы, мосты и другие места получили свои названия в ближайшие годы после её окончания. Из этого можно сделать вывод, что власти этих стран стремились закрепить память о своей победе в сознании своих граждан.

Если сравнить память о Крымской войне в массовом сознании населения стран-участниц, то можно сделать два основных вывода. Во-первых, в проигравшей войну России события и героев Крымской войны помнят лучше, чем в странах-победительницах. Во-вторых, в странах западной Европы память о Крымской войне носит, зачастую, более неформальный, чем в СССР, а впоследствии и в современной России, характер.

Список использованных источников

1. Багдасарян В. Э., Толстой С. Г. Русская Война: столетний историографический опыт осмысления Крымской кампании. М., 2005.
2. Виноградов В. Н. Русско-турецкая война 1877-1878 годов и великие державы. // Новая и Новейшая история. 2009. № 1.
3. Матвеев, А. К. Топономастика и современность / А. К. Матвеев // Вопросы ономастики. - Свердловск, 1974, № 8-9, С.11.
4. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. – 2-е изд. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

5. Толстой Л. Н. Севастопольские рассказы [Электронный ресурс].- Режим доступа: <http://www.ilibrary/text/1161/p.1/index.html> - 30.03.2018
6. Bouvier C., Guillon J.- M. La toponymie urbaine. Significations et enjeux.- L'Harmattan, 2003. – 176 p
7. Fénie J.-J. Dictionnaire des pays et provinces de France.- Bordeaux: Editions Sud-Ouest, 2000. – 349 p
8. Gouttman A. La Guerre de Crimée 1853-1856 la première mondiale.- Paris: Perrin, 2003. – 438 p.

УДК: 908

КРЫМСКИЕ ТОПОНИМЫ В «ГЕОГРАФИИ» СТРАБОНА: ПРОБЛЕМЫ АТТРИБУЦИИ

Карашайски К. М. (обучающаяся),

Шульман К. Д. (обучающаяся),

ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского»

Аннотация. Большое значение для изучения исторической географии Крыма имеют труды античных авторов, среди которых наиболее подробным и ценным признано описание, сделанное Страбоном, ученым I в. до н. э. – нач. I в. н. э. в его 17 книгах «Географии», где описанию Крыма посвящена VII книга. До настоящего времени невыясненными оставались вопросы местонахождения многих географических объектов, упомянутых географом. Цель работы заключается в рассмотрении на основе историко-лингвистического анализа части страбоновых топонимов, использованных для описания прибрежной полосы Тавриды, способом сопоставления/сравнения трактовок и локализаций их с объектами на местности, сделанных исследователями, путешественниками и естествоиспытателями с XVIII в. до наших дней.
Ключевые слова: историческая топонимика Крыма; Страбон, Северное Причерноморье.

CRIMEAN TOPONYMS IN THE STRABON'S "GEOGRAPHY": PROBLEMS OF ATTRIBUTION

Summary. Of great importance for the study of the historical geography of the Crimea have a works of ancient authors, among which the most detailed and valuable is the description made by Strabo, a scientist of the first century BC - beginning I century AD in his 17 book "Geography", where seventh book is devoted to the description of Crimea. Until now, the question of the location of many toponyms used by them remained unclear.

The purpose of scientific research consists in comparing of Strabo toponyms interpretations and localizations them with objects on the terrain, made by explorers, historians, travelers and naturalists from the 18th century to the present day.

Key words: historical toponymy of the Crimea; Strabo, Northern Black Sea Coast.

Большое значение для изучения исторической географии Крыма имеют труды античных авторов. Первым, кто описал северопонтийские земли и – частично – Крым, был Геродот Галикарнасский, в V в. до н. э. побывавший в Ольвии (территория нынешней Николаевской области). А вот был ли «отец истории» в Крыму – вопрос по сей день дискуссионный. За Геродотовым описанием географии Северного Понта последовали описания в трудах эллинистических (Арриан, Псевдо-Скимн, Скилак, Полибий) и римских авторов (Помпоний Мела, Плиний Старший). Но наиболее подробным и ценным для изучения истории и географии Крыма в античную эпоху признано описание, сделанное Страбоном, ученым I в. до н. э. – нач. I в. н. э.

О Страбоне известно довольно мало. Из содержания его единственного сохранившегося сочинения, «Географии» в 17 книгах, можно установить, что Страбон родился в Амасии (в северной части Малой Азии) в 50-х гг. I в. до н. э. и прожил до 20-х гг. I в. н. э. Он с юности много путешествовал, и сам свидетельствовал об этом так: «я повидал мир от Армении до Сардинии, от Черного моря до Эфиопии». Долгое время ученый жил в Риме, где, по-видимому, приобщился к весьма популярной в это время стоической философии. Страбон считал себя стоическим философом и упражнялся в различных науках: известно, что помимо «Географии» он был автором исторического сочинения, куда большего, в 37 книгах (к сожалению, оно не сохранилось). Страбон первым из античных географов представил цельную картину населенного мира, опираясь на достижения предшественников, географов и историков эпохи эллинизма. Ценность его труда возрастает еще потому, что большинство трудов предшественников до нас дошли только в пересказе Страбона. Авторитет Страбона был столь высок, что его труд в средние века и Новое время считался классическим произведением по географии, а Страбона называли просто Географом.

Однако сочинение Страбона в наиболее интересной для нас части, в VII книге, где он касается Крыма, таит ряд сложностей для исследователей. К

примеру, мы не знаем, был ли Страбон в Крыму лично и насколько были точны его источники. Если в ряде случаев описание Страбона мы с легкостью можем сопоставить с конкретным местом на карте, то некоторые топонимы у Страбона до сих пор вызывают жаркие дискуссии.

Сапра. Как пример простого и понятного топонима у Страбона можно привести *σαπρὰ λίμνη* (оз. Сапра, по-гречески это значит «гнилое»). Географ описывает его так: «Здесь находится перешеек, отделяющий от моря так называемое озеро Сапра; в ширину он 40 стадий и образует так называемый таврический, или скифский, Херсонес. По словам некоторых, ширина этого перешейка 360 стадий. Хотя озеро Сапра имеет, как говорят, 4000 стадий, но является собственно только западной частью Меотиды, с которой оно соединено широким устьем. Оно весьма болотисто и едва судоходно для сшитых из кожи лодок, так как ветры легко обнажают мелкие места и затем снова покрывают их водой; поэтому болота непроходимы для больших судов» (Strab. VII. 4. 1 – здесь и далее в пер. Г. А. Стратановского).

Вполне очевидно, что под Сапррой, западной частью Меотиды, то есть Азовского моря, может иметься в виду только оз. Сиваш. Стадий Страбона, составлял около 185 м, таким образом, выходят значения: Перекопский перешеек в ширину – между 7,4 (40 стадий) и 67 км.кв (360 стадий) (современные данные – 30 км.), оз. Сапра – 740 км². Современные данные показывают около 2 560 км² для площади Сиваша, из которых около 100 км² приходится на острова и 560 км² на участки, которые лишь периодически покрыты водой. Возможно, неточность данных у Страбона можно пояснить тем, что он привел площадь только части Сиваша – например, Восточного и Центрального, а также тем, что уровень Черного моря видоизменялся на протяжении 2000 лет, и очертания озера были несколько иными [6]. Однако расположение оз. Сапра однозначно совпадает с расположением Сиваша. Интересно, что и современное название озера – Сиваш – происходит от тюркского «грязь».

Сюмболон Лимен. Не вызывают сомнений и некоторые другие топонимы. Например, так описывает Страбон Юго-Западное побережье: «В 100 стадиях (*т. е., около 18 км*) перед городом (*Херсонес*) находится мыс, названный по имени этого божества Парфением, с храмом божества и его статуей. Между городом и мысом 3 гавани. Затем следуют Древний Херсонес, лежащий в развалинах, и потом гавань с узким входом, где тавры (скифское племя) обычно собирали свои разбойничьи банды, нападая на тех, кто спасался сюда бегством. Эта гавань называется Симболон Лимен (*Συμβολων Λιμῆν*)» (Strab. VII. 4. 2).

Эта гавань, судя по всему, именуется сегодня Балаклавской бухтой. Название можно перевести либо как «Гавань символов», либо как «Сигнальная гавань». Это имя известно было и после Страбона: в I в. н. э. Плиний Старший в «Естественной истории» при перечислении окрестных городов Херсонеса называл это место *Symbolum portus* (Plin. N. H. IV. 86). Один из первых ученых, в новое время исследовавших Крымский полуостров, П. И. Кеппен, уже не сомневался, что Гавань Символов – это Балаклавская бухта. Отметим, что и современная карта может с легкостью это подтвердить: расстояние между городищем Херсонес и Балаклавой составляет как раз 18 км. Советский исследователь античной исторической географии М. В. Агбунов считал, что бухта чрезвычайно удобна, как и писал Страбон, для таврских пиратов. Впрочем, сам вопрос о морском разбое у этого племени является довольно спорным [1, с. 208–209].

Криуметопон. Гораздо сложнее дело обстоит с другими топонимами у Страбона. Еще одно описание прибрежной части Крыма: «Перед таврическим побережьем находится мыс, далеко выдающийся в море на юг, в сторону Пафлагонии и города Амастриды, под названием Криуметопон (*Κριού μετόπον – Бараний Лоб*). Против него — мыс пафлагонцев – Карамбий, который делит Евксинский Понт на два моря сжатым с обеих сторон проливом. От города херсонесцев Карамбий находится в 2500 стадиях (*ок. 450 км*), а от Криуметопона гораздо ближе. Во всяком случае, многие мореходы, которые проходили по это-

му проливу, говорят, что одновременно видели оба мыса на обеих сторонах» (Strab. VII. 4. 3).

Путешественники и исследователи пытались разрешить вопрос о расположении мыса Криуметопон еще в конце XVIII – начале XIX в. Само существование мыса в античное время было отмечено не только в труде Страбона, но и у Помпония Мелы и Плиния Старшего, которые обозначали его в качестве самой южной части Таврики. Тот же Страбон называл мысы со сходными названиями на о. Крит и в качестве современного мыса Карадже на Херсонесе Фракийском (п-ов Галлиполи в Дарданелльском проливе).

П. С. Паллас в «Путешествии по югу России» 1793–1794 г. писал, что Криуметопон располагался «на высоких горах в окрестностях Алупки» [8, с. 147].

Английский путешественник Дж. Уэбстер, в 1827 году посетивший Крым в ходе своего вояжа по Европе, Турции и Северной Африке, писал: «Есть мнение, что гора Аюдаг (Алушта) – это Криуметопон, фигурирующий в произведениях древних авторов; генерал Бороздин с этим не согласен, считая, что Криуметопон – это самая южная точка Крыма (мыс Сарыч). Полагаясь на описания Страбона, он утверждает, что этот мыс вместе с соответствующим ему на противоположной стороне мысом Серамбис (совр. Керемпе-Бурун) делит Эвксин на две части» [5, с. 123]. Внешне Аю-Даг действительно можно сравнить не с привычными нам очертаниями медведя, а с контурами бараньего лба с закрученными витыми рогами.

И. П. Бларамберг (в перв.пол XIX в.) тоже помещал мыс на Аю-Даг. Того же мнения придерживался В. Н. Дьяков (сер. XX в.) [5, с. 196–197].

Исследователи второй половины XX в., О. И. Домбровский, И. А. Баранов помещали Криуметопон на м. Ай-Тодор, о котором писали Арриан, Псевдо-Арриан, Скимн Хиосский, Псевдо-Скилак, Псевдо-Плутарх и Птолемей. В. Ф. Гайдукевич обозначал в качестве Бараньего Лба мыс Сарыч. М. В. Агбунов выдвинул предположение, что под названием Бараний Лоб могут скрываться

сразу два мыса – и Сарыч, и Ай-Тодор. Но только Аю-Даг мог выполнять функцию ориентира для греческих мореходов, в отличии от невысоких Сарыча и Ай-Тодора [1, с. 209 – 211]

Парфений. Загадочным остается описание у Страбона некоего «мыса Девы»: «В 100 стадиях перед городом (*Херсонесом*) находится мыс, названный по имени божества Парфением, с храмом божества и его статуей. Между городом и мысом 3 гавани» (Strab. VII. 4. 2).

Новороссийский генерал-губернатор граф А. Ф. Ланжерон, опираясь на свидетельство Страбона, утверждал, что храм стоял на мысу в одной версте (*1.06 км*) от Георгиевского монастыря, на высоте более 400 саженей (*853 м*) от уровня моря, в том месте, где из вод поднимаются два утеса в виде продолговатых конусов. Бларамберг помещал храм на горе Аюдаг, близ которой сохранилось название местечка Партенит [2].

И. М. Муравьев-Апостол в 1820-х гг. вступил в полемику с П. С. Палласом, побывавшим на этих местах около полувека назад: «Но вот что всего важнее: между городом и мысом Партенионом считается три бухты. Посмотри на карту, только не на турецкую Пейсонелеву, и ты сочтешь эти три бухт: 1-я – за развалинами древнего Херсона, Стрельская; 2-я – круглая; 3-я – Козацкая совокупно с двойною , или, как я называю их общим именем, Тройная, а за сею мыс... – какой же? Конечно Партенион, нашими моряками мысом Херсонесом называемый, и на коем теперь вместо капища стоит маяк» [7, с. 290]. И. М. Муравьев-Апостол доказывал на основании пошаговых наблюдений и визуального анализа побережья Крыма в этом районе, что из рядом стоящих двух мысов Палласом один был принят неверно за Парфений: «Паллас говорит, что он видел на востоке Георгиевского монастыря над берегом морским развалины строения. Таким образом, Паллас полагает мыс Партенион в полутора верстах на восток от Георгиевского монастыря, где, собственно, нет мыса [...] он совершенно в превратном порядке, миновав мыс настоящий, а не мнимый, миновав развалин древнейшего Херсона, ищет Партениона на месте,

которое, если именовать мысом, то не будет ни одной излучины берега морского, которая не имела бы права на подобное название, и это все для того только, что Ая-Бурун значит Святой мыс, и что расстояние от развалин близ одного находящихся до стены городской соответствует ста стадиям, назначенным Стравоном» [7, с. 296]. Уже Муравьев-Апостол заметил, что большинство путаницы, возникающей при локализации Парфения, связаны с неверной интерпретацией слов Страбона: «Всею этой запутанности причиною, кажется мне, название мыса Девиным и капище на оном некоего божества. Всякий человек с пылким воображением, с начитанностью, невольно нападает на мысль об Ифигении, когда речь задет о капище некоего божества Девы, в Тавриде, так точно и Паллас завлечен был, и, что всего удивительнее, самим Стравоном, у которого и в помине не было говорить о дочери Агамемновой». Позже о том же скажет и Александр Львович Бертье-Делагард, описывая некоторые заблуждения, связанные с историей Георгиевского монастыря на мысе Фиолент [2].

У Страбона далее (Strab. VII. 4. 5) встречается такой же топоним *Παρθέμιον*, который на сегодняшний день локализован недалеко от крепости Еникале на Керченском полуострове. Однако уже в XVIII в. П. И. Сумароков в своих «Путешествиях по всему Крыму и Бессарабии» и вышеупомянутый Муравьев-Апостол называют его или Портмионом или Порфмием, что и сохранилось в сегодняшней историографии и литературе, а также на картах, в том числе и учебных [7, с. 190, с. 286].

Сегодня так и не установлена точная локализация страбонова Парфения. Остатки языческого святилища на м. Фиолент также пока неизвестны. Современному туристу остается разве что довольствоваться воображением, представлять, что именно в окрестностях Севастополя происходили события драмы «Ифигения в Тавриде» и повторить вслед за А. С. Пушкиным:

К чему холодные сомненья?

Я верю: здесь был грозный храм

Где крови жаждущим богам

Дымились жертвоприношенья... [9, Т. 4, с. 45]

Скифские крепости. Наконец, неясной остается локализация упомянутых Страбоном скифских крепостей. По сообщению Страбона, в Крыму находилась резиденция царя скифов Скилура и его сына Палака, здесь были царские крепости Палакий, Хаб и Неаполь (Strab. VII. 4. 7). Эти же пункты (Хаб-Хабей), а также крепость Напит упоминаются в херсонесских надписях конца II в. до н. э. Впервые название скифской крепости Хабей появляется в херсонесском декрете в честь полководца Диофанта. Декрет называет Хабей и Неаполь «царскими крепостями», расположенными где-то в середине Скифии (IOSPE. I². 352).

Некоторые исследователи считали, что Хабей расположены на крымском побережье. Например, И. П. Бларамберг и П. И. Кеппен искали их в восточном Крыму, в районе Феодосии – однако там до сих пор не обнаружены скифские памятники. По мнению А. И. Соболевского, Хабей находились недалеко от современной Евпатории, у Донузлавского озера. А. И. Тюменев полагал, что Хабейми называлось поселение к северу от Херсонеса, у впадения в море реки Альмы, остатки которого известны сейчас как Усть-альминское городище [12].

Однако, по словам декрета в честь Диофанта, составленного самими херсонеситами, которые, конечно, прекрасно знали географию Скифии, Хабей находились где-то в ее глубинных районах. Именно так и рассуждал Д. С. Раевский, предположивший, что «Хабейми» называлась одна из трех крупнейших позднескифских крепостей, расположенная в среднем течении реки Булганак, у современного с. Пожарское. Эту гипотезу можно было бы считать доказанной, если бы на Булганакском городище удалось обнаружить надпись или другой документ с именем Хабеев. Сейчас нам известны три крупнейшие крепости Крымской Скифии – Керменчик, Кермен-кыр и Булганакская. По всей вероятности, именно они были известны древним под

именем Палакия, Хаба и Неаполя, но как именно соотносятся эти названия с археологическими памятниками – пока загадка [12].

По предположению Т.Н. Высоцкой, греческие войска, разбив скифов на западном побережье, по сухопутью от моря двинулись к Неаполю, и тут на их пути оказалась крепость Хабеи — Кермен-Кыр [4].

Наряду с Хабеями, Неаполь - одна из двух «царских крепостей» в Крымской Скифии, упомянутых в декрете в честь Диофанта. Вероятно, в Неаполе располагалась одна из резиденций скифских царей. Есть основания думать, что позднескифские крепости возникли гораздо раньше эпохи Скилура (вт. пол. II в. до н. э.), а Страбон лишь попытался связать известную ему крепость с именем знаменитого скифского царя. Скорее всего, греки слышали название этой крепости на скифском языке и переделали его на свой манер, превратив в понятное им слово «Неаполь».

Большинство современных ученых отождествляет Неаполь с городищем Керменчик на окраине современного Симферополя, на месте которого некогда располагалась столица позднескифского царства. Однако с тем же успехом «Неаполем» могло называться и одно из двух других крупнейших поселений центральной части крымской Скифии – Булганак или Усть-Альма, а Керменчик в древности – носить имя Хабеев, Палакия или Напита [10].

По словам Страбона, Палакий построил великий скифский царь Скилур для борьбы с греками. Возможно, он назвал ее в честь своего сына Палака. Вероятно, Палакием называлось одно из позднескифских укреплений – Керменчик, Кермен-Кыр, Булганакское или Усть-Альминское городище на берегу моря [11].

Раскопками установлено, что Усть-Альминского городище возникло в III–II вв. до н. э., т. е. до Диофантовых войн. Его жители могли участвовать в войне с греками. И если Неаполь и Хабеи, как говорится в декрете в честь Диофанта, находились в срединной Скифии, то на побережье мог быть Палакий. Мы не знаем пока в юго-западном Крыму и на западном побережье ни одной скифской

крепости, возникшей до Диофантовых войн, за исключением Усть-Альминского городища [4].

Как мы можем видеть, даже такой хорошо известный источник по исторической географии Крыма, как труд Страбона, таит в себе множество загадок. Поэтому новое прочтение и комментированный перевод «крымской» части VII книги «Географии» может стать весьма полезным и перспективным для историков, археологов и географов, изучающих полуостров.

Список использованных источников

1. Агбунов М. В. Античная география Северного Причерноморья. М.: Наука, 1992. 240 с.
2. Бертъе-Делагард А. Л. К истории христианства в Крыму: Мнимое тысячелетие // Бертъе-Делагард А. Л. Избранные труды по истории христианства в Крыму. Т. 2. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2011. – 274 с.
3. Бларамберг И. П. О предполагаемом местонахождении Дианина храма в Тавриде // Одесский альманах на 1831 год. 1831. С.299–307.
4. Высотская. Т. Н. Поздние скифы в юго-западном Крыму // Киев: «Наукова думка». 1972. 192 с.
5. Крымские путешествия: Джеймс Уэбстер и его вояж по Крыму в 1827 году / Под. ред. Э. Б. Петровой. Симферополь: Бизнес-Информ, 2016. 224 с.
6. Михайлов В. А. Использование данных ДЗЗ для изучения динамики берегов залива Сиваш // Фундаментальные исследования. 2012. № 9-4. С. 831-834.
7. Сентиментальные путешествия в Тавриду / П. И. Сумароков, И. М. Муравьев-Апостол; подгот. И. С. Абрамовская, А. А. Охременко; науч. ред. В. А. Кошелев. Великий Новгород; Симферополь; Н. Новгород: Растр, 2016. 507 с.
8. Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / Пер. с нем. М.: Наука, 1999. 246 с.
9. Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 томах. М., 1958–1962.
10. Храпунов Н. И. Керменчик. [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.chersonesos.org/?p=out_ant_kermench&l=rus, дата посещения 06.06.2018.
11. Храпунов Н. И. Палакий. [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.chersonesos.org/?p=out_ant_palakiy&l=rus, дата посещения 06.06.2018.
12. Храпунов Н. И. Хабеи. [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://www.chersonesos.org/?p=out_ant_habei, дата посещения 06.06.2018.

ИЗУЧЕНИЕ КРЫМСКИХ КЛАССИЧЕСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ: ЭТАПЫ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Кочетова Т. А. (обучающаяся),

Леонов Л. Л. (обучающийся),

Фокин К. О. (обучающийся),

Чебышев Г. С. (обучающийся),

Шульман К. Д. (обучающаяся)

ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского»

Аннотация. Крымская земля с давних времен была объектом пристального изучения и исследования специалистов, историков и археологов, а также путешественников и любознательных местных жителей. В статье дан анализ становления профессионального изучения античных древностей полуострова, истории учреждений, занимающимся обработкой и экспонированием объектов классической древности, этапам развития, проблемам и перспективам, открывающимся перед исследователями крымских классических древностей в XXI веке.

Ключевые слова: античность, Таврида, история музейного дела в России, Херсонес, Боспор.

STUDY OF CRIMEAN CLASSICAL ANTIQUITIES: STAGES, PROBLEMS, PROSPECTS

Summary. Crimean land has long been an object of close study and researching of specialists, historians and archaeologists, guest travelers and curious locals. The article analyzes the formation of a professional study of the ancient antiquities of the peninsula, the history of institutions engaged in processing and exhibiting objects of classical antiquity, the stages of development, problems and perspectives, which opening up for researchers of Crimean classical antiquities in the 21st century.

Key words: classical antiquities, Tavrida, history of museum business in Russia, Khersones, Bospor.

Первые описания крымских классических древностей, сделанные путешественниками. Огромный интерес к изучению крымских древностей

появился у профессионалов и любителей буквально сразу после присоединения полуострова к Российской империи. Просвещенный российский подданный, в общем-то, знал о крымской древней истории не особенно много. Конечно, всем были известны легендарный сюжет из Еврипида (Ифигения в Тавриде), люди с гимназическим образованием читали римских и греческих авторов, сообщавших о Митридате VI Евпаторе и его смерти в Пантикапее. Интерес подогревался популярными драмами «Ифигения в Тавриде» И. В. Гете, «Митридат, царь Понтийский» Ж. Расина, операми К. Глюка и В. А. Моцарта, написанными на основе этих драм.

Уже к концу XVIII – началу XIX в. относится довольно большое количество описаний крымских древностей, выполненных как с научными целями (напр., труд П. С. Палласа), так и в жанре травелогов – «путешественных записок» (П. С. Сумароков, В. В. Измайлов, А. С. Грибоедов, В. Б. Броневский, Г. В. Гераков). Бывало, что автор сентиментальных записок на самом деле преследовал цель максимально подробного изучения древностей – так, И. М. Муравьев-Апостол выучил наизусть 7-ю книгу Страбона, и пытался сверять расстояния на Гераклеяском полуострове с данными античного географа.

Однако как перед профессионалами, так и перед любителями вставала большая проблема: проблема соотнесения. Как увязать друг с другом сообщения античных авторов, из которых следовало, что античные Херсонес и Боспор были процветающими государствами, с тем печальным фактом, что ныне перед учеными и путешественниками открывались в лучшем случае только груды камней?

И если Муравьев-Апостол проводил умозрительные и топографические исследования, то многие его современники просто тешили себя фантазиями на руинах. Вот как описывает П. И. Сумароков древний Херсонес: «наваленные в беспорядке груды тесанные дикие камни, плачевные частички обезображенных стен, изрытые ямы вещали о его существовании и алчном похищении Севастополя. Это молодой и дерзкий тать пришел к гробнице давно

уже погребенного старца и, потревожа прах его, лишил наглою рукою и последних остатков о его воспоминании» [21, с. 203–204].

Казалось бы, «узнать» Херсонес в таком состоянии совершенно невозможно. Тем не менее, крымский судья в силах населить руины образами прошлого: «вот тут, может быть, отправлялись празднества Панатенеи, Тесмофории, Асколии и Оргии. Вот тут в тигровых и козлиных кожах, с вымаранными кровью лицами, толпились суеверные идолопочитатели. Тут, конечно, стояла Палестра. Там в Цирке совершались ристалища. Кто знает, что на сем месте, разнеженная в чувствах, прекрасная гречанка не покоилась ли в объятиях страстного своего любовника...» [21, с. 206–207].

Проблему соотнесения письменных и легендарных сведений о крымской античности с непривлекательными грудками камней на месте бывших древних городов неизбежно должно было решить появление музейных коллекций и развитие профессиональной археологии.

Первые музеи древностей. Первый музей древностей на крымском полуострове был основан в городе Феодосия 13-го мая 1811 г. Инициатором создания выступил тогдашний градоначальник Феодосии – С. М. Броневский, сосланный в Крым с Кавказа ввиду конфликта с руководством. Первая коллекция «собрании древностей» была приобретена у феодосийского купца Джебеварджи. В 1851 г. лишенный финансирования музей передается в ведение Одесского общества истории древностей [18].

Невозможно представить один из старейших сохранившихся городов в истории человечества без музея, повествующего о давних столетиях былой славы Керчи. 31 марта 1826 г. Князь М. С. Воронцов предписывает археологу И. П. Бларамбергу открыть на территории Керчи музей и провести археологические исследования «одного или двух курганов в окрестности» [23, 24]. 2 июня того же года музей был официально открыт. Стоит отметить, что Бларамберг весьма редко появлялся в Керчи и числился директором чисто формально; забота о появившемся музее легла на плечи нового керченского

градоначальника И. А. Стемповского и «смотрителя соляных озёр» П. Дюбрюкса, в чьём доме изначально и расположился Керченский музей древностей [13]. Учитывая сложную ситуацию с местным населением в лице так называемых «счастливиц» (о которых будет сказано далее), коллекции музея древностей несколько лет хранились в здании гаупвахты, одном из наиболее защищённых зданий Керчи. Только в 1835 г. на склоне горы Митридат было построено новое здание музея, выполненное Дж. Торичелли по образцу античного храма Гэфестион, расположенного в Афинах.

Профессиональная археология в дореволюционный период. Начало профессиональной археологии в области крымской античности связано не с Восточным Крымом, а с Херсонесом, привлекавшим исследователей еще с конца XVIII в. Первые раскопки городища начались уже в 1827 г., но тогда они затронули только средневековые христианские памятники. Первые же раскопки античных древностей в Херсонесе принято связывать с именем графа А. С. Уварова [22, с. 511].

Раскопки А. С. Уварова велись с 28 октября по 5 декабря 1853 г. Им был открыт древний некрополь, насчитывавший 40 погребений, отсюда было извлечено свыше 200 памятников античной и византийской эпохи, монеты I в. до н. э. – X в. н. э. Находки были отправлены в Эрмитаж. Стоит отметить, что описи находок составлены Уваровым не по материалу их изготовления, как это было принято в первой половине XIX в., а по погребальным комплексам, что отвечает и современным требованиям [22, с. 528].

Дальнейшие археологические исследования начали проводиться в конце 1880-х гг. под началом археолога К. К. Косцюшко-Валюжинича, посвятившему Херсонесу 19 лет своей жизни. Им была выявлена планировка античного Херсонеса, исследованы более двух километров оборонительных стен; при раскопках некрополя открыто более 2 тысяч погребений, склепов, раскопками открыты жилые кварталы, улицы, культовые постройки, сотни редчайших памятников искусства, тысячи предметов материальной культуры, освещающие

2000-летний период жизни Херсонеса. Были выявлены эпохи в жизни города: греческо-автономная, римская и византийская. Среди эпиграфических памятников античного Херсонеса, открытых К. К. Косцюшко-Валюжиничем, выдающееся место занимает гражданская присяга Херсонеса, найденная в центре городища. В 1892 г. на основе коллекций из найденных, во время раскопок материалов, был создан первый музей Херсонеса – «Склад местных древностей». Сегодня К. К. Косцюшко Валюжинича по праву считается основателем Херсонесского музея, а его могила находится прямо на территории городища [12].

В 1908 году его сменил исследователь Р. Х. Лепер. Проводил он раскопки в Херсонесе в период с 1908 – 1913 гг. Результаты своих исследований он публиковал в изданиях Императорской археологической комиссии. К сожалению, приближение войны, а так же тяжелое материальное положение Лепера замедляло проведение работ. После 1 августа 1914 г. в ближайшие 5 дней, ученый подготовил все находки, а также чертежи и негативы к эвакуации. Музей был закрыт, а дальнейшие археологические работы проводились уже после событий Октябрьской революции [19].

«Счастливики» и вывоз памятников крымской классической древности за рубеж. Помимо развития античной археологии в Крыму, XIX-й век запомнился появлением первых предшественников современных грабителей археологических памятников, занимавшихся разграблением как основным видом промысла. Подобные течения были связаны с проведением первых исследований крымских курганов, где в качестве погребального инвентаря находились различные изделия из золота, выполненные эллинскими мастерами. Наиболее ярким примером служит курган Куль-Оба, случайно обнаруженный в 1830 г. в Керчи. Ночью, когда жандармы покинули из-за непогоды охраняемый ими памятник, практически все население Керчи, наслышанное о несметных богатствах кургана устремилось к захоронению, обнаружив еще неисследованный тайник с уникальными драгоценностями, выполненными в

скифском зверином стиле. Прибывшим утром на место раскопок Стемповскому и Дюбрюксу оставалось лишь лицезреть полностью разграбленный памятник. Пользуясь недостатком кадров и средств у властей для изучения курганов, грабители вихрем проходили по многочисленным памятникам Керченского полуострова, выуживая из захоронений только то, что представляло интерес в глазах копателя. Со временем грабители стали именовать себя «счастливчиками», ведь все-таки негоже заявлять о себе на публике как о расхитителе древностей. Обязательным ритуалом «счастливчика» после очередного «успешного» выхода на «коп» являлась покупка нового костюма. Сохранились следующие воспоминания очевидцев о триумфальном шествии «счастливчика» по случаю продажи награбленных драгоценностей: «...Найдя клад, он шил себе новый костюм, и делал парадный проезд по городу в трех каретах. В первой торжественно ехал его костюм, на специальном тремпеле, что бы его могли обозревать все жители. Во второй везли его шляпу, а в третьей ехал он сам, принимая поздравления и выслушивая похвалы костюму».

Отдельного упоминания заслуживает период Крымской войны (1854-55 гг.), как один из самых трагичных и тяжелых моментов в истории крымской археологии. Учитывая факт того, что часть коллекции была эвакуирована из Керчи еще в 1854 г., большая часть экспонатов или подверглась уничтожению, или же была вывезена британцами. Захватив Керчь, англичане решили воспользоваться подвернувшейся возможностью и исследовать памятники, о которых были хорошо осведомлены. В 1855 г. экспедиция под руководством Д. Макферсона исследует серию из пяти курганов и район в окрестностях горы Митридат. Параллельно другими экспедициями исследовались Херсонес и Балаклава. Находки, полученные в ходе раскопок и разграбления Керченского музея древностей всё еще находятся во многих зарубежных музеях, особенно много их в Британском музее [4].

Войска союзников не остановились на разграблении фондов музея. Обратив своё внимание на здание музея, солдаты начали использовать его в

качестве порохового склада, а затем копия Гефестиона и вовсе была разрушена англо-французскими войсками [24].

Во время Крымской войны территория Херсонесского городища также была занята войсками коалиции. Город был частично перекопан траншеями, а во время отступления британские и французские солдаты прихватили с собой древности, хранившиеся в музее устроенном еп. Инокентием при киновии, а также вещи из проводившихся ими грабительских раскопок, впоследствии переданные в Британский музей [28].

В конце XIX в. деятельность «счастливчиков» начинает постепенно утихать, во многом благодаря усилиям тогдашнего директора Керченского музея древностей Карла Евгеньевича Думберга, который за восемь лет отправил за решетку порядка пяти сотен грабителей, промышлявших на территории города [8]. Это говорит и о масштабах деятельности «счастливчиков». В 1918г. «счастливчики» проворачивают своё последнее крупное дело, заявляя о себе как об отъявленных преступниках. 26-го декабря от рук местных «счастливчиков» погибает директор музея – В. В. Шкорпил, человек несгибаемой воли и непримиримый противник разграбления памятников археологии. Он был убит прямо у входа в музей, места, которое защищал всеми своими силами в тяжелое время революции [9].

Исследования памятников классической древности в русле советской археологии. В ноябре 1920 г. в Крыму окончательно установилась советская власть. Начали создаваться новые органы управления, новое законодательство. Коснулись изменения и научной сферы. Уже 17 ноября 1920 г. в структуре подотдела изобразительных искусств Отдела народного образования Крымского ревкома была образована секция по охране памятников старины и искусства. Позднее она была преобразована в Крымский отдел по делам музеев и охране памятников искусства, старины, природы и народного быта – КрымОХРИС. Возглавил секцию известный антрополог, этнолог, археолог Г. А. Бонч-Осмоловский. На начальном этапе деятельности главной задачей было «изъятие

предметов культурно-исторической ценности, брошенных на произвол судьбы или находящихся в ненадлежащих руках частного владельца, путем реквизиции» [15, с. 74]. В структуре организации было создано шесть уездных секций: в Бахчисарае, Евпатории, Керчи, Севастополе, Феодосии, Ялте.

Проводились исследования и учеными из центров – Москвы и Ленинграда – А. С. Башкировым, К. Э. Гриневичем, И. Н. Бороздиным, В. Д. Блаватским, Г. И. Боровко и др. Их работу курировали Государственная академия истории материальной культуры (ГАИМК, Ленинград), занимающаяся историко-археологическим и искусствоведческим исследованием всех памятников материальной культуры, их охраной и Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН), располагавшаяся в Москве.

Значительную часть археологических исследований проводили музеи.

В 20–30-е гг. на городище Херсонес, а также на территории всего Гераклейского полуострова работали экспедиции Херсонесского музея под началом Л. А. Моисеева, К. Э. Гриневича, Г. Д. Белова, экспедиции Научной ассоциации востоковедения. Были произведены раскопки развалин укреплений на Гераклейском полуострове близ бывшего Георгиевского монастыря у Александриады и в Юхариной балке. Укрепления оказались античными, эллинистического и римского времени. Продолжены исследования на Херсонесском городище близ башни Зенона, где были обнаружены остатки зданий III в. до н. э., IV–V вв. н. э. Около оборонительной стены Херсонеса близ древнегреческих ворот были выявлены остатки фундаментов древнейшей боевой стены городища (начало V в. до н. э.) [30, с. 79–82; 16, с. 192–193].

В 1930 г. К. Э. Гриневич (Институт археологии и искусствоведения РАНИОН) при участии и содействии Экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОН) произвел обследование морского дна у Херсонесского маяка. Выяснилось существование обширных развалин древнего города с башнями, стенами, улицами и площадью.

Специалисты Керченского музея – в первую очередь, директор Ю. Ю. Марти – продолжали раскопки городищ Пантикапей, Киммерика у горы Опук, крепости на горе Опук, Китея и Акры. В 1928 г. особенно значительными стали исследования Китея: было установлено, что город был основан в V в. до н. э. и существовал до V в. н. э. [30, с. 83–92].

Велись раскопки античного греческого поселения Дии (Тиритаки) экспедициями ГАИМК и Керченского археологического музея. Кроме всего прочего, были обнаружены многочисленные обширные рыбозасолочные ванны. Это позволило сделать вывод, что Дия была одним из значительных рыболовных и рыбоэкспортных центров Боспорского царства. Результат раскопок этой же экспедиции другого боспорского города – Мирмекия – свидетельствовал о том, что основной отраслью хозяйства в нем было виноделие.

Значительные археологические раскопки были произведены на городище античной римской крепости Харакс (I–III вв. н. э.) на мысе Ай-Тодор на Южном берегу Крыма экспедицией Московского отделения ГАИМК и Музей изобразительных искусств под руководством профессора В. Д. Блаватского [31, с. 133–139].

В этот же период Л. А. Моисеевым (Евпаторийский музей) произведены разведочные раскопки в Ак-Мечети и обнаружены развалины античного греческого городище V–VI вв. до н. э. – Калос-Лимена [30, с. 92].

Н. Л. Эрнст (Центральный музей Тавриды) исследовал городище Неаполь на Петровских скалах (ныне юго-восточная окраина Симферополя). В результате обнаружены основания большой оборонительной стены, жилых построек, хлебные ямы, печи, много погребений и множество отдельных находок [30, с. 82]. Была проведена первая стратификация культурных отложений городища, появилось понятие «неапольская культура» [14, с. 85].

Начавшиеся в 1929 г. гонения на профессию негативно отразились на исследовании полуострова. Был закрыт РАНИОН. В ГАИМКе, музеях проводились чистки. Под репрессии попали А. С. Башкиров, Г. И. Боровко, В. Ф.

Смолин (директор Херсонесского музея в 1929–1931 гг.), К. Э. Гриневич, Н. Л. Эрнст, И. Н. Бороздин, Л. А. Моисеев и другие [10, с. 84–87; 20, с. 173–177; 25, с. 107, 226–244, 15].

Музеи и объекты археологического наследия во время Великой Отечественной войны. Вторая мировая война привела к гибели огромного количества художественных и исторических памятников. Еще больше культурных сокровищ европейских стран было вывезено в Германию или просто разграблено. Проблема реституции культурных ценностей в нашу страну остается актуальной. Не возвращено на Родину более 300000 предметов. Так, после разгрома гитлеровской Германии часть музейных предметов в 1948 г. была возвращена Керченскому музею – 2837 предметов, некоторая часть вещей ошибочно направлена в другие музеи и там учтена. При распределении огромного количества музейных предметов, когда их сортировали на складах общества «Дерутра» в Берлине для распределения по музеям хранения, произошла путаница в шифрах инвентарных номеров. Одинаковые шифры с буквой «К» были у Керченского, Киевского и Краснодарского музеев. Например, многочисленные предметы из раскопок В. В. Шкорпила после возвращения их из Германии направили в Киев, и теперь они хранятся в Киевском историческом музее [1, с. 2].

На начало 1941 г. в Крымской АССР функционировало 25 музеев: среди которых памятники античности в основном находились в Феодосийском, Керченском и Херсонесском историко-археологических музеях. В середине июля, когда вследствие быстрого продвижения линии фронта над Крымом нависла угроза немецкого вторжения, было принято решение об эвакуации вглубь страны промышленных предприятий и культурных ценностей. Трагическая участь постигла реликвии Керченского историко-археологического музея. В сентябре 1941 г. директор музея Ю. Ю. Марти и представитель Керченского горисполкома Ф. Т. Иваненко вывезли через Керченский пролив на Тамань 1156 наиболее ценных экспонатов, а именно: египетские вещи, чернофигурную и чернолаковую

керамику, терракоту, мраморные статуэтки и рельефы, изделия из стекла, кости, бронзы, серебра, золота и 157 дел музейного архива. Ю. Ю. Марти в дороге заболел и вынужден был остаться в Краснодаре, а Ф. Т. Иваненко сдал груз Армавирскому горисполкому. В августе 1942 г., накануне захвата Армавира немецкими частями, заведующая секретной частью горисполкома А. М. Авдейкина доставила чемодан с золотыми и серебряными монетами, бляшками, браслетами, подвесками, кольцами, пряжками в станицу Спокойную и поместила в местном отделении госбанка, а оттуда они попали в Спокойненский партизанский отряд. Далее их следы теряются. Неизвестна также судьба остальных коллекций Керченского музея. Здания Армавирского горисполкома и склада горздравотдела, где они хранились, были сожжены во время бомбежки [1, с. 6].

19 мая 1942 г. в ведение айнцацштаба перешел Керченский археологический музей, в котором тогда хранилось 5514 экспонатов. Его директором оккупанты назначили А. А. Шевелева, заслужившего их доверие выдачей тайника в подвальном помещении музея, где были спрятаны 16 ящиков со стеклом и хрупкой античной керамикой. Открывшаяся спустя два месяца музейная экспозиция не шла ни в какое сравнение с предвоенной. Единственным приобретением Керченского музея стал мраморный саркофаг весом 5 тонн, перевезенный в июле 1943 г. из Тамани [1, с. 12].

Значительный ущерб оккупанты нанесли Керченскому музею. Старое музейное здание на горе Митридат было разрушено до основания, а находившиеся в нем боспорские стелы сброшены со склонов вниз. В открытом склепе Деметры, использовавшемся во время военных действий под укрытие, от разрыва гранаты пострадала часть росписи. Немецкие артиллерийские снаряды разбили 50 лапидарных памятников, размещенных в Царском кургане. В августе-сентябре 1943 г. немецкий профессор Маттес вывез из музея 45 ящиков с изделиями из дерева, стекла, металла, терракотой, чернолаковой и краснофигурной керамикой, монетами, отобранными для отправки в рейх. Только

в 1948 г. 36 ящиков с археологическими материалами вернулись из Германии обратно в музей [5].

От глаз оккупантов памятники херсонесской эпиграфики и архитектуры спрятали в двух античных цистернах и в земле. Контролировал их сбережение в период оккупации единственный из оставшихся в музее научных сотрудников А. К. Тахтай. Побывавшая в 1944 г. в Севастополе Ольга Бергольц писала, что Тахтай в тяжелые годы оккупации остался верен профессиональному долгу, сохранив руины древнего города. В 1949 г. А. К. Тахтай был репрессирован с формулировкой «за сотрудничество с оккупантами». На свободу вышел только после смерти И. С. Сталина [17].

В конце 1944 г. музей вернулся из эвакуации, а 23 февраля 1945 г. уже открылась временная экспозиция. Первая послевоенная запись в Книге посетителей, оставленная подполковником Е. Ревенко, (ксерокопия этой записи нашла достойное место в завершающем разделе выставки, посвященном восстановлению Херсонеса) звучит так: «Восстановление Херсонеса является культурным вкладом в дело возрождения г. Севастополя».

Прибывший в феврале 1944 г. в Керчь, для эвакуации в Краков коллекций Бахчисарайского, Керченского и Феодосийского музеев, немецкий профессор Штампус присвоил 137 предметов археологического отдела, 160 книг по археологии, 280 фотографий. Из наиболее ценных экспонатов всего было похищено 418 археологических предметов, 100 этнографических, 19 единиц художественной мебели, 1321 книга [1, с. 15].

Исследования крымской античности во второй половине XX в. После Великой Отечественной войны были возвращены вывезенные культурные фонды музеев, а уже с конца 1940-х гг. возобновляются археологические раскопки в которых активно изучаются все виды памятников: города, сельские поселения, могильники и т.д. Большое значение имела организация сектора античной археологии руководителем которой был В. Д. Блаватский.

В 1944 году в ГМИИ им. А.С. Пушкина создается специальный Отдел археологических раскопок и экспедиций, который до 1947 г. возглавляет В. Д. Блаватский. Основными задачами нового отдела становятся исследования крупнейших античных центров Северного Причерноморья – Пантикапея (современная Керчь) и Фанагории, а также Неаполя Скифского (близ Симферополя). Летом 1945 г. объединенная экспедиция Музея и Института истории материальной культуры выезжает в Керчь; с 1958 г. и по сей день ГМИИ им. А. С. Пушкина ведет эти работы самостоятельно, сперва под руководством И.Д. Марченко (1959 – 1976), а затем – В. П. Толстикова (с 1977 г.) [3].

В 1960–1961 гг. херсонесская экспедиция, работавшая под руководством С. Ф. Стржелецкого, исследовала забутовку башни Зенона в которой обнаружила кроме грубого бута, большое количество обломков архитектурных деталей и надгробных памятников с прекрасно сохранившейся разноцветной росписью. Эти памятники позволили по-новому взглянуть на политическую, экономическую, культурную историю Херсонеса эллинистического периода. Большое число имен на погребальных стелах позволило В. Н. Даниленко (историк, археолог, декан исторического факультета СГУ им. Фрунзе) установить состав нескольких аристократических семей.

В 1968 г. античная экспозиция музея была обновлена, и, в общем, оставалась неизменной вплоть до 2000-х. В 1978 г. Херсонес получил статус заповедника. В эти годы исследовались северный, северо-восточный, западный и Портовый районы городища, проводились исследования оборонительных стен, некрополя и хоры; была создана своя школа реставрации; традиционной для многих университетов СССР становятся музейная и археологическая практики студентов.

Большой вклад в изучении памятников античного Херсонеса в области эпиграфики внесла Э. И. Соломоник. Под её руководством в 1957 г. было восстановлено и обустроено помещение лапидария. Кроме того, Э. И. Соломоник удалось выявить большое количество новых неопубликованных надписей

Херсонеса. Прделанная Эллой Исааковной работа раскрыла новые ранее не изведенные страницы крымской классической древности [29].

Раскопки Пантикапея позволили поставить целый ряд проблем социально-экономического характера. На Таманском полуострове полевому исследованию подверглась хора Боспора, которая до того почти не изучалась. Новаторской стала Подводная Азово-Черноморская экспедиция В. П. Блаватского 1957–1965 гг. Ученый установил, что подводный метод исследования сгодится не только для обнаружения затонувших кораблей, но и для обследования прибрежных поселений, ушедших под воду. Так например, две пятых Фанагории оказались под водой [11].

Важную роль в изучении Боспора сыграли исследования В. Ф. Гайдукевича, который проводил раскопки в Тиритаке, увенчавшиеся, в частности, открытием комплекса рыбозасолочных ванн, наглядно демонстрирующих большой размах на Боспоре в первые века н. э. рыбообрабатывающего промысла; Илурата — военно-земледельческого поселения; Мирмекия, который предстал в качестве крупного промыслового центра, специализировавшегося на производстве виноградного вина для рыночного сбыта и культового комплекса.

Своеобразным итогом советской археологии в изучении античного Крыма стал выход коллективной работы «Античные государства Северного Причерноморья». В этом труде были приведены результаты исследований государств Северного Причерноморья и прежде всего Крыма, которые позволили не только обобщить итоги археологических исследований, но и реконструировать картину исторического прошлого этих государств [2].

Исследования крымской античности в настоящее время: направления, достижения, перспективы. С момента присоединения Крыма к России новый статус Крыма облегчил российским археологам работу – так как раньше, являясь гражданами другого государства, вести работы самостоятельно они не имели права и вынуждены были работать через посредство украинских коллег, которые получали лицензию (открытые листы) у властей Украины. С другой стороны,

иностранные миссии, которые раньше работали на полуострове, вынуждены были его покинуть и свернуть свои проекты: речь идет, например, о польских, норвежских экспедициях. Но несмотря ни на что, тесные контакты между российскими, украинскими коллегами и исследователями из других стран все же сохраняются [27].

В Крыму работают сотрудники Государственного Эрмитажа. Они работали в Мирмекийской экспедиции в районе Керчи. Также изыскания проводились на месте древнего города Нимфея и в районе Балаклавы. В Керчи на месте города Пантикапей традиционно проводит свои раскопки Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина под руководством В. П. Толстикова.

Интерес этих работ в том, что им впервые за десятилетие удалось на сравнительно большой площади выявить культурные слои древнейшего города. Находки подтверждают, что Пантикапей был основан в первой четверти VI в. до нашей эры.

Около миллиона важных археологических находок было обнаружено в ходе строительства Крымского моста и трассы Таврида. Крым переживает золотой век археологических исследований [6]. Количество исследований в 3-4 раза превышает лучшие показатели прежних времен. В результате раскопок культурный слой уничтожается, всё ценное для науки из него изымается, а территория передается во власть строителей.

Фактически начата музеефикация Нимфея – расчищена площадь, пропилеи, уже показались ступени храма, и все это можно увидеть своими глазами. Готова к посещению крепость Илурат. К 26-вековому возрасту Керчи и статусу самого древнего города России планируется организовать античный экскурсионный маршрут. Без расширения программы пребывания новыми объектами показа Керчь из города-тупика рискует стать городом-сквозняком, как считают музейные работники [7].

В музее-заповеднике «Херсонес Таврический» после 12 лет ремонта

открылся античный зал, посвященный истории города в древнегреческую и римскую эпоху. Он отражает результаты работы последних десятилетий археологов в Херсонесе. Здесь работали экспедиции из Киева, Харькова, Москвы, Санкт-Петербурга, Остинского (Техасского) университета, польских Варшавского и Познаньского университетов. И конечно, несколько своих херсонесских экспедиций. Ими были найдены, раскопаны и изучены уникальные памятники, ранее никому не известные или не исследованные. К таким можно отнести римский военный лагерь и святилище Юпитера Долихена в районе Балаклавы, городище Страбонов Херсонес на Маячном полуострове, комплекс 151 усадьбы в Юхариной балке и некоторые другие памятники. Находки из этих раскопок существенно скорректировали наши представления о реалиях того времени и дали новые материалы, которые и вошли в экспозицию [26].

Российские экспедиции, которые работают на побережье Черного моря, ежегодно набирают волонтеров, которые участвуют в раскопках и в свободное время отдыхают на крымском побережье. Для полноценного археологического туризма необходимо включить в туристические маршруты места раскопок на площадках строительства инфраструктурных объектов Крыма, поскольку это уникальная возможность прикоснуться к истории.

Наиболее перспективными на сегодняшний день для крымской античной археологии являются такие направления исследований крымской классической древности как археологический туризм, исследования с применением подводных археологических проектов, и междисциплинарные исследования: сочетание археологии, истории, специальных исторических дисциплин с естественнонаучными методами (изотопный, радиоуглеродный анализ, генетические исследования, палеоботаника).

Список использованных источников

1. Андросов С.А. Музеи Крыма в годы Великой Отечественной войны. 15 с. [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://history.org.ua/LiberUA/MuzKrVOV/MuzKrVOV.pdf>
2. Античные государства Северного Причерноморья. М.: Наука, 1984. 392 с.

3. Археологические раскопки ГМИИ им. А.С.Пушкина [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://www.arts-museum.ru/museum/activity/archeology/index.php>
4. Боровкова В. Н. Коллекционеры и торговцы керченскими древностями. Керчь: Деметра, 1999. 160 с.
5. Быковская Н. В. Фондовые коллекции Керченского музея во второй половине XX века // 175 лет Керченскому музею древностей. Материалы международной конференции. Керчь, 2001. С. 115.
6. В зоне строительства Крымского моста обнаружено свыше 1 млн находок /РИА Крым. [Эл. ресурс]. Режим доступа: <https://crimea.ria.ru/society/20180213/1113827679.html>
7. В эпицентре открытий: перспективы «новостроечных» экспедиций в Крыму. [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://crimea.mk.ru/articles/2018/02/18/v-epicentre-otkrytiy-nakhodki-novostroechnykh-ekspeditsiy-v-krymu.html>
8. Город Пантикапей, история раскопок. [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://pantikapei.ru/gorod-pantikapej-istoriya-raskopok.html#wrap>
9. Гражданская война и археологическое дело. Убийство В.В. Шкорпила. [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://tavrida-museum.ru/grazhdanskaya-vojna>
10. Застрожнова Е. Г. Репрессии 1930-х гг. и исследователи античного наследия Крыма // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории. Материалы международной научной конференции, Севастополь, 10–12 октября 2017 года. Саки: ИП Бровка А. А., 2017. С. 84–87.
11. Клейн Л. С. С Венерой и мотыгой: В. Д. Блаватский // Клейн Л. С. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 2. Археологи советской эпохи. СПб.: ЕВРАЗИЯ. С.404–412.
12. Косцюшко-Валюжинич Карл (Николай) Казимирович. [Эл. ресурс]. Режим доступа: https://chersonesos-sev.ru/?page_id=1440
13. Мурзакевич Н. Н. Антон Бальтазарович Ашик // ЗООИД. Т. 5. 1863. С. 915.
14. Непомнящий А. А. К восстановлению географии археологических исследований Н. Л. Эрнста в Крыму // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер.: «Исторические науки». 2011. Т.24 (63), №2: спецвыпуск «История Украины». С. 83–95.
15. Непомнящий А. А. Профессор Николай Эрнст: страницы истории крымского краеведения. К: Стилос, 2012. 464 с.
16. Непомнящий А.А., Акимченков В. В. Из истории археологических исследований крымских музеев в 20-е гг. XX в. // Історія археології: дослідники та наукові центри = История археологии: исследователи и научные центры. Київ, 2012. С. 192–194
17. Непреданный Херсонес [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://www.chersonesos.org/index.php?nid=22>
18. Петрова Э. Б. Античная Феодосия: История и культура. – Симферополь: СОНАТ, 2000. 264 с.
19. Романчук А. И. Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://www.krimoved-library.ru/books/issledovaniya-hersonesa-hersona-raskopki-gipotezi-problemi18.html>
20. Севастьянов А. В. Изучая древность и сохраняя память: проблемы истории материальной культуры и охраны памятников в научном наследии членов Российского общества по изучению Крыма (1922–1932 гг.) // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер.: «Исторические науки». 2010. Т.23 (62), №1: спецвыпуск «История Украины». С. 168–179.
21. Сумароков П. И. Досуги Крымского судьи или второе путешествие в Тавриду Павла Сумарокова. Ч. 1. СПб., 1803. 276 с.

22. Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – сер XIX в.). СПб., 2002г. 676 с.
23. Федосеев Н. Ф. Керченский музей древностей // ВДИ. 2002. № 1. С. 156.
24. Федосеев Н. Ф. Пантикапей и «охрана памятников» в Керчи // Историческое наследие Крыма. 2005. № 9. С. 162–166.
25. Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма: историографические очерки. М.: Знак, 2006. 344 с.
26. Херсонес Таврический. Античная экспозиция. [Эл. ресурс]. Режим доступа: https://chersonesos-sev.ru/?page_id=8884
27. Что копают в Крыму: Археологическая жизнь Крыма после воссоединения с Россией [Эл. ресурс]. Режим доступа: https://www.gazeta.ru/science/2015/03/20_a_6599913.shtml
28. Шаманаев А. В. Вывоз из Крыма археологических находок за рубеж в XVIII – начале XX века: перспективы исследования проблемы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Том 2 (68), № 2. 2016. С. 162–173.
29. Элла Исааковна Соломоник / Сост. И. Лисовый, А. Г. Герцен. Симферополь, 1997. 11 с.
30. Эрнст Н. Л. Летопись археологических раскопок и разведок в Крыму за 10 лет (1921–1930 г.) // ИТОИАиЭ. 1931. Т. IV. С. 72–92.
31. Эрнст Н. [Л.] Археологическое исследование в Крыму в 1935 году // Литература и искусство Крыма. Симферополь. 1936. №2. С. 133–139.

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ТРИКСТЕРА В ИПОСТАСЯХ ЯЗЫЧЕСКИХ БОГОВ ЕВРОПЕЙСКИХ НАРОДОВ

*Кузьмина Т. Н. (обучающаяся),
Витковская Г. В. (старший преподаватель),
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»*

Аннотация. В статье анализируется понятие «трикстер» и его особенности как культурно-мифологического архетипа. Раскрываются основные отличительные особенности и функциональные роли данных персонажей в общечеловеческом мифологическом наследии. Прослеживается история появления данного феномена в поле научной проблематики, анализируется трансформация применяемых исследовательских подходов.

Ключевые слова: трикстер, миф, архетип, образ, языческие боги, европейская культура.

THE MYTHOLOGICAL IMAGE OF THE TRICKSTER IN FORMS OF PAGAN GODS OF THE EUROPEAN PEOPLES

Summary. The article analyzes the concept of «trickster» and its features as a cultural and mythological archetype. The main distinctive features and functional roles of these characters in the universal mythological heritage are revealed. The history of emergence of this phenomenon in the field of scientific problems is traced; the transformation of the applied research approaches is analyzed.

Key words: trickster, myth, archetype, image, pagan gods, European culture.

В культурном наследии различных народов мира одним из интегрирующих факторов и объединяющим началом выступает наличие общих мифологических и фольклорных прообразов, которые принято называть архетипическими, в соответствии с заимствованным из психологии термином «архетип». Под архетипом в данном случае понимается первообраз, являющийся компонентом коллективного бессознательного каждого человека. Известно, что народная культура в целом и мифология различных народов мира, в частности, пропитаны такого рода образами, и одним из наиболее частотных и значимых

персонажей мифологических систем различных народов и культур является «трикстер».

В антропологии, культурологии и литературоведении под «трикстером» (англ. «trickster» – обманщик, ловкач) понимают мифологический межкультурный архетип, который в соответствии с указанным значением на английском языке, обладает лукавством, хитростью, коварством, жестокостью и способностью к перевоплощению [1, с. 12].

Как уже обозначалось выше, «трикстер» – один из наиболее распространённых мифологических образов. Так, воплощения данного архетипа можно обнаружить как среди различных типов мифологических персонажей (богов, героев, антропоморфных духов, зооморфных существ и т.д.), так и в наследии различных народов (североамериканских индейцев, африканских и австралийских племен, большинства народов Европы и Азии). Опираясь на проведенные ранее исследования данного феномена, попытаемся вычленить универсальные дифференцирующие признаки «трикстера» в соответствии с которыми обзорно рассмотрим существующие воплощения трикстеров в божествах мифологии народов, а также выявим общие для них характерологические черты и мифологические сюжеты. Тема не теряет актуальности, поскольку трикстеры, как в мифологии, так и трикстеры сегодня в литературе и киноискусстве имеют те же характеристики и природу. Хитрый, озорной архетип «трикстера» есть в каждой системе фольклора. Изучение столь большого объема культурологического материала – предмет для широкого круга исследований различной методологической и предметной направленности. Однако в рамках данной работы внимание сосредоточено на выявлении трикстеров, воплощенных в образах языческих богов мифологии европейских народов.

Образ «трикстера» как объект научных исследований первоначально возник в области психоаналитики. основополагающей в изучении данного феномена является работа немецкого психолога Карла-Густава Юнга «Душа и

миф: шесть архетипов», который отождествил образ «трикстера» с «Тенью» – одним из описанных им архетипов коллективного бессознательного [9, с. 34]. В культурологический же контекст данное понятие было введено американским антропологом Полом Радином, который исследовал мифологию североамериканских индейцев [7, с. 8].

Важнейший вклад в исследование обозначенной проблематики принадлежит и Жоржу Дюмезилю – французскому лингвисту и мифологу-компаративисту. Исследования, посвященные анализу индоевропейского мифологического наследия, уточняют и упорядочивают имеющиеся представления о персонажах-трикстерах благодаря их сравнительному характеру [4].

Для выявления и описания обозначенного круга персонажей стоит детально обозначить характеризующие их черты. Более конкретно, чем уже было указано в определении, вычленив систему атрибутивных признаков трикстера достаточно затруднительно. Анализ тематической литературы демонстрирует отсутствие единого описания отличительных свойств данного архетипа, которые необходимо для реализации поставленной цели. Однако, изучая работы, как зарубежных, так и отечественных исследователей, можно выявить некоторые наиболее общие дифференцирующие признаки этого культурного архетипического прообраза. В соответствии с ними «трикстер» определяется как, с одной стороны, разрушитель устоявшихся порядков и традиций, аморальный, с точки зрения окружающей его культурной среды, деятель, с другой – созидатель (однако через деструктивные действия), первооткрыватель. Также важными признаками трикстера является склонность к переносу и перевоплощению – как собственной сущности, так и знания – «из области непознанного в область познаваемого» [3, с. 10].

Итак, определив отличительные признаки «трикстера», и вычленив, таким образом, его из массы других мифологических персонажей, можно выделить следующих персонажей-богов индоевропейской мифологической традиции:

Наиболее ярким представителем как божества-трикстера в индоевропейской мифологии, так и трикстера в целом, является Локи – персонаж германо-скандинавской мифологии, описанный в «Младшей Эдде» как «любитель обмана» [8]. Его также называют скандинавским богом огня. Действия этого божества направлены в основном на создание неприятностей для других богов, людей и всего остального мира; он постоянно вмешивается в дела других, преимущественно для собственного развлечения. Локи известен тем, что своими деяниями вызывает хаос и разлад, но также и приводит к положительным изменениям.

В эддических мифах присутствует еще один бог-трикстер – Один, хотя его образ совпадает с классическими характеристиками трикстера в меньшей степени, чем образ Локи. Один является покровителем воинов и победы, однако он помогает побеждать в большей степени хитростью, чем с помощью силы. Более того, помощь в военном деле исходит от Одина не по мотивам справедливости, но потому, что он испытывает влечение к сражениям и убийствам, сам предпочитая в них участия не принимать. Помимо этого, его характеризуют именно как «зачинщика битв и сеятеля раздоров». Также в «Младшей Эдде» присутствует описание того, как Один добывает «мед поэзии» — священный напиток — при помощи коварства [8, с. 36].

В языческом пантеоне близкой к германо-скандинавской славянской мифологии присутствует Велес (Волос) – бог охоты, богатства, наживы и бури, антагонист главного божества – Перуна, у которого он, в частности, обманом похищает скот. Одна из версий происхождения его имени связана с глаголом "велеть". Он может повелевать и нести веления свыше, поскольку обладает знанием и пониманием верховных повелений небес. Некоторые исследователи, и Д. А. Гаврилов в том числе, указывают на сходство данного языческого героя с Одином. Велес выступает покровителем магических искусств, в том числе – оборотничества, а также является «стражем на пути из явного мира в навий мир – мир сакрального» [3, с. 35].

Схожим с Велесом по имени («вестник богов») и мифологическим сюжетам (похищение животных) является Гермес, персонаж древнегреческой мифологии. Гермес – бог красноречия, хитрости, покровитель воров, путешественников и дельцов, а также проводник душ в подземный мир и посланник богов, связывающий разные миры. Аналогичное божество, носящее другое имя – Меркурий, присутствует и в древнеримской мифологии.

В мифологии кельтских народов чертами трикстера обладает Луг – один из самых значительных и древних богов. Это молодой красивый воин с копьем и в шлеме, искусный практически во всех ремеслах, обладающий выдающейся хитростью бог «насмешливого света», являющийся, к тому же, отцеубийцей. Исследователями отмечается его характерологическое и сюжетное сходство с Локи [5].

Данные мифологические персонажи выступают ипостасями трикстеров среди языческих богов европейских народов.

Итак, рассмотрение европейских мифологических систем с целью поиска в данном этнокультурном материале богов-трикстеров демонстрирует следующее. Как видим, божества со сходными «трикстерскими» характерологическими чертами присутствуют в культурной традиции основных европейских народов. Помимо этого, прослеживается некоторая преемственность конкретных мифологических сюжетов; очевидно и явное сходство имен рассмотренных богов. Данные особенности, с одной стороны, подтверждают тезис о распространенности архетипического образа трикстера в мифологии, с другой – демонстрируют преемственность и связанность данных образов, доказывая тем самым корректность выделения трикстеров как отдельной плеяды персонажей мирового мифологического наследия.

Список использованных источников

1. Ахметшин А. Р. Атрибутивные признаки архетипа трикстера [Электронный ресурс] / А. Р. Ахметшин, А. В. Горбатов // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2015. – № 32. – Режим доступа:

<https://cyberleninka.ru/article/n/atributivnye-priznaki-arhetipa-trikstera> (дата обращения: 21.03.2018).

2. Волошина Т. А. Языческая мифология славян / Т. А. Волошина, С. Н. Астапов. – Феникс, 1996. – 448 с.
3. Гаврилов Д. А. Трикстер. Лицедей в евроазиатском фольклоре / Д. А. Гаврилов. – Москва: Социально-политическая мысль, 2006. – 239 с.
4. Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев / Пер. с франц. Т. В. Цивьян // Ж. Дюмезиль. – Москва: ГРВЛ "Наука", 1986. – 234 с.
5. Мамонтова А. Д. Боги-трикстеры и боги магии в славянской и скандинавской мифологии (сходства и различия) / А. Д. Мамонтова // Аналитика культурологии, 2007. – № 7 – с. 24–32.
6. Платицына Т. В. Архетип трикстера в зарубежных исследованиях / Т. В. Платицына // Вестник БГУ, 2013. – № 10. – с. 12–20.
7. Радин П. Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев (с комментариями К. Г. Юнга и К. К. Кереньи) / П. Радин. – Санкт-Петербург: Евразия, 1998. – 288 с.
8. Стурлусон С. Младшая Эдда / С. Стурлусон. — Ленинград : Наука, 1970. – 239 с.
9. Юнг К. Г. Душа и миф. Шесть архетипов / К. Г. Юнг. – Киев: Гос. б-ка Украины для юношества, 1996. – 384 с.

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО ВИДА АНГЛИЙСКОГО ДИАЛЕКТА В КИТАЕ. ФЕНОМЕН CHINGLISH

Ломакина Д. А.,

обучающаяся, ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»

Аннотация. Китай занимает первое место по изучению английского языка как иностранного. Смесь китайского и английского привела к появлению нового диалекта английского языка на территории Китая. Целью работы является рассмотрение феномена Chinglish на территории КНР, определение исторических, географических и языковых причин его формирования, анализ самых распространенных ошибок, возникающих у граждан КНР в английском языке, которые и будут являться отличительными особенностями феномена Chinglish.

Ключевые слова: китайский язык, феномен Chinglish, грамматические и синтаксические конструкции, диалект.

THE FORMATION OF A NEW ENGLISH DIALECT IN CHINA. THE PHENOMENON OF CHINGLISH

Summary. China takes the first place in the study of English as a foreign language. A mixture of Chinese and English has resulted in the occurrence of a new dialect of English in China. The aim of the work is to study the Chinglish phenomenon in the territory of the People's Republic of China, examine the historical, geographical and linguistic reasons for its formation, analyze the most common mistakes in English that occur among Chinese citizens, which will be the distinguishing features of the Chinglish phenomenon.

Keywords: Chinese, Chinglish phenomenon, grammatical and syntactical structures, dialect.

Английский язык получил статус международного в 1945 г., и спустя 73 года его непрерывного развития и вращения в высших кругах общества, вся мировая элита на сегодняшний день стала говорить именно на английском языке.

Согласно статистике, около 2,5 млрд. человек на планете изучают английский. И из этого числа 600 млн. являются гражданами Китайской Народной Республики. Если задуматься, то это количество равняется всему населению России, Германии, Испании и Франции в сумме. Однако из-за такого количества обучающихся и малого числа чисто и правильно говорящих носителей языка, изучение протекает по принципу "испорченного телефона" и, как следствие, происходит формирование особой лингвистической группы, которую представители других стран стали называть Chinglish.

Цель работы: рассмотреть смесь китайского и английского языка как разновидность нового вида английского диалекта; изучить историю формирования феномена Chinglish на территории Китайской Народной Республики; определить исторические, географические и языковые причины зарождения этого феномена; на основе сравнения китайской и английской грамматики выделить самые распространенные ошибки, возникающие у граждан КНР в английском языке, которые и будут являться отличительными особенностями феномена Chinglish.

Зарождение этого феномена относят к 1637 году, задолго до того, как английский язык получает популярность в Европе. В это время британские купцы доплывают до берегов Гуаньчжоу, Макао [2]. Таким образом, у китайцев были объективные причины начать изучать язык партнеров. Но стоит заметить, что эта задумка не носила государственный характер, и людям, работающим в сфере торговли, приходилось осваивать его самостоятельно, собственно поэтому владение языком не достигало высокого уровня. Однако, так было не везде. Примером служит Гонгконг, который до 1997 был колонией Великобритании, и к обучению иностранному языку здесь на протяжении многих лет относились всерьез. В равнозначном положении находилась и Тайвань, правительство которой подписало согласие о ненападении и взаимной обороне с Соединенными Штатами Америки до 1979 года, и где уровень знания английского был сравнительно высок [2].

Стоит заметить, что английский развивался быстрее всего в прибрежных городах, которые являлись в то время экономическими и торговыми центрами. Происходило смешение двух языков, а ошибки разговорной речи постепенно закреплялись как новые синтаксические конструкции. В конце концов результатом многолетнего формирования «особого» вида английского языка на территории Китая, становится Chinglish. Современный китайский лингвист Ли Вэнчжун, говоря об этом феномене, охарактеризовал его, как сильно деформированный посредством использования грамматических структур и правил китайского языка, английский [1]. Даже название феномена объединило в себе один китайский иероглиф 荆 (ching), означающий «менять, изменять что-то, переворачивать», и последние буквы слова English (lish).

Отличительной особенностью феномена Chinglish является, в первую очередь, произношение граждан Китая. Дело в том, что, как в русском языке, так и в английском, элементарной единицей является буква, а в китайском - слог. Поэтому при произношении английских слов они стремятся «разбавить» две стоящие рядом согласные гласными звуками. В некоторых случаях результатом такого произношения становится транслитерация слов английского языка. К примеру, популярную сеть Facebook в Китае в шутку прозвали (fēi sǐ bù kě), что дословно переводится «нельзя не умереть».

Помимо того, китайцы часто строят предложения, используя порядок слов собственного языка. Согласно правилам английского языка, дополнение следует после сказуемого, а в китайском при наличии предлога оно может стоять перед сказуемым, и даже перед подлежащим. Помимо того, в английском обстоятельство может находиться в любой части предложения, в то время как в китайском оно занимает позицию перед или после подлежащего [3,4 с.56-58].

К тому же, один китайский иероглиф имеет массу значений и может применяться в разных контекстах. Например, иероглиф 走(zǒu) имеет значение: ходить, уезжать, переезжать, терять, утратить. В английском языке этим

значениям соответствуют разные глаголы: go, leave, move/run over, lose. Такой выбор усложняет подбор верного эквивалента. Места, где вы можете наткнуться на Chinglish, приехав в Китай, это, конечно же, центр города и оживленные улицы. Здесь Chinglish вас встретит на вывесках магазинов, на витринах и даже на предупреждающих знаках: написано deformed men toilet вместо disabled men toilet, do not breath under water вместо do not dive under water.

Феномен Chinglish широко закрепился на территории данного государства на сегодняшний день. Мы можем выделить основные причины сложившейся ситуации:

- во-первых, Chinglish формировался среди населения на протяжении 4 веков, что представляет огромный отрезок времени, в сравнении с Европой, где люди стали его изучать лишь в 40-х годах прошлого столетия;
- во-вторых, не менее важной причиной является географический фактор распространения языка в Китае, ведь все англоязычное население сосредоточилось в крупных городах и приморских торговых центрах. В то время, как люди, проживающие на остальной территории не имели возможность услышать правильную речь и произношение и обучались иностранному языку от второстепенных лиц, неносителей языка.
- в-третьих, Китай занимает первое место в мире по численности населения (1.34 млрд человек) и первое место по изучению английского как иностранного языка (600 млн.). При таком количестве людей скорость распространения информации и обмена знаний очень велика. И изначально неправильные лексические и грамматические обороты быстро укореняются, а язык приобретает новый вид, форму и качество.

Неправильные конструкции используются китайцами при разговоре друг с другом, при этом между собой они находят понимание, так как строят

предложения на основе правил своего родного языка, а сформированные ими ошибки закрепляются в речи, меняя при этом привычные формы английского.

Вывод: В ходе исследовательской работы была рассмотрена смесь китайского и английского как разновидность нового диалекта английского языка, существующего на территории Китайской Народной Республики. На основе полученной нами информации мы можем сделать вывод о том, что помимо существования 8 утвердившихся диалектов: британского, шотландского, уэльского, ирландского, новозеландского, австралийского, канадского и американского, необходимо внести девятый или китайский диалект. Ведь даже все население, говорящее на известных 8 диалектах, не превысит суммы людей, говорящих на Chinglish.

Список использованных источников

1. Белов Д. Н. Английский язык в Китае // Молодой ученый. — 2016. — №17. — Режим доступа: URL <https://moluch.ru/archive/121/33418/> (дата обращения: 05.03.2018).
2. Васильев Л.С. История Востока. В 2 т. Т. 2: Учеб. по спец. «История». - М.: Высш. шк.,1994. - 495 с.
3. Фролова М. Г., Барабошкин К.Е. Китайский язык. Большой справочник по грамматике (3-е издание). М.: «Живой Язык», Москва, 2016.- 224 с.
4. Цавкелов А. Г. Китайский язык для начинающих. М.: «Айрис Пресс», Москва, 2013. - С. 56-58.

ЛИЧНОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ В ОБРАЗЕ ЮДИФЬ В ПЬЕСЕ ГОВАРДА БАРКЕРА «ВОЗМОЖНОСТИ»

Нечипас П. Ю.,

обучающаяся, ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского»

Аннотация. В данной статье рассматривается сцена из пьесы современного английского драматурга Говарда Баркера «Возможности». Выявляются личные и социальные аспекты образа Юдифь в рассматриваемой сцене. Делается вывод о том, что Юдифь в интерпретации Говарда Баркера лишена тех благородных черт и качеств, которые присущи данной героине в библейских сюжетах.

Ключевые слова: Говард Баркер, деконструкция, драма, современная английская драматургия.

PERSONAL AND SOCIAL ASPECTS IN THE CHARACTER OF JUDITH IN THE PLAY “THE POSSIBILITIES” BY HOWARD BARKER

Summary: This article considers the scene from the play of the modern English playwright Howard Barker *The Possibilities*. Personal and social aspects in the character of Judith in the scene under consideration are identified. The conclusion is made that Judith in the interpretation of Howard Barker is deprived of those noble features that are inherent in this heroine in biblical stories.

Key words: Howard Barker, deconstruction, drama, modern English drama.

Говард Баркер – известный британский драматург, сценарист и поэт, родился 28 июня 1946 года в Лондоне, Англия. Как драматург Говард Баркер дебютировал в 60-х годах, а уже в 80-х годах стал известен как автор таких популярных пьес как «Возможности», «Европейцы» и другие. Творчество Баркера можно с уверенностью отнести к «Театру катастрофы». По Александру Сергиевскому, творчество Говарда Баркера относится к пост-брехтовской и после-бондовской драме, так как именно в таких драмах действующие лица пьесы обращаются к публике, вовлекая их в самую театральную постановку [1, с.3]. Его пьесы изображают существование, выживание людей в условиях

идеологического и политического насилия. Черный юмор и отрицание любой идеологии – вот основные черты творчества Баркера.

Пьеса «Возможности» состоит из 10 различных по содержанию пьес, несвязанных между собой ничем, кроме главного приема автора – деконструкции общепринятых идеологий, устоявшихся литературных образов и т.д. Деконструкция в литературе – это самостоятельность текста по отношению к автору, а также индивидуальное восприятие содержания произведения. Другими словами – это выявление слабых мест в произведении. В своих пьесах Баркер отвергает любую навязываемую идеологию и высмеивает ее за счёт использования деконструкции в самом сюжете повествования. Среди 10 пьес входящих в книгу «Возможности» наше внимание привлекала сцена под названием «*Непредвиденные последствия патриотического акта*», повествующая о подвиге Юдифь, библейском персонаже и израильской героини, являющейся воплощением всех благородных личных и социальных качеств.

Таким образом, **цель данной статьи** заключается в определении личных и социальных моментов в сцене «*Непредвиденные последствия патриотического акта*» Говарда Баркера.

Актуальность работы обусловлена новизной самого изучаемого материала, малоизученностью довольно широко представленного жанра современной драматургии, новизной предлагаемой концепции.

Методы, использованные в написании данной статьи, следующие: метод текстового анализа, метод стилистического анализа, метод вербального анализа, метод структурного анализа, метод "тщательного прочтения".

Прежде чем приступить к исследованию образа Юдифь в пьесе Баркера «Возможности», стоит рассмотреть данную фигуру как библейского персонажа. Юдифь известна как еврейская героиня, спасшая Иерусалим от нашествия ассирийцев, отрубив голову их полководцу Олоферну. Юдифь нарядилась для того, чтобы произвести впечатление на полководца и обольстить его. Воспользовавшись тем, что Олоферн напился вина и уснул, Юдифь

обезглавливает его. Данный подвиг, ровно, как и бесстрашная девушка, совершившая его, стали излюбленной темой в искусстве эпохи Возрождения. Юдифь, или Иудифь, считается неким предшествующим прообразом Девы Марии [3, с.6] . Она – символ чистоты, патриотизма, смелости, смирения, правосудия, поставившая интересы своего государства выше своих собственных принципов и убеждений. Олоферн же олицетворяет все земные грехи: распутство, властность, пьянство, гордость. Иудифь становится символом сопротивления, иудейского в частности, позже — вообще патриотического. В эпоху Возрождения история вдовы стала примером мужества местных жителей перед лицом иностранной интервенции [3].

Возвращаясь к персонажу Юдифь в интерпретации Говарда Баркера, нельзя не заметить разительных противоречий с общепринятым образом еврейской героини. И в этом заключается отличительная черта творчества Баркера. Отрицая предлагаемую идеологию, даже некий культ спасительницы Иерусалима, Баркер применяет в своей пьесе деконструкцию, т.е. переосмысляет образ Юдифь и интерпретирует его совершенно в ином русле. Если в ветхозаветной версии Юдифь поступилась своими личными интересами ради спасения своего государства и жизней множества горожан, то в пьесе Баркера Юдифь дает понять, что ее личные интересы значат для нее куда больше:

Юдифь (после паузы). Мне было тогда все равно — убей он моего отца, разбей головы детям, покори хоть весь Израиль... [1, с.11]

Юдифь. А израильтяне... в тот момент я напрочь забыла о них [1, с.11].

Читатель понимает, что Юдифь действительно совершила подвиг, но не, потому что стремилась спасти народ и страну, а потому что это было ее личным, эгоистичным желанием.

В самом начале пьесы Юдифь произносит весьма ироничную фразу, ставя под сомнение авторитет и могущество армии израильтян:
Юдифь. Поскольку израильтяне не смогли одержать победу над врагом, чья

изобретательность исключала возможность взять над ними верх силой оружия, они и послали меня соблазнить его [1, с.11].

Читателю не представляет никакого труда прочитать между строк истинный смысл слов Юдифь: насколько же слаба армия израильтян, что, имея при себе оружие, они не смогли разбить вражескую армию, переложив эту заботу на хрупкие плечи молодой девушки? Таким образом, можно с уверенностью сказать, что в данной пьесе Юдифь едва ли благоговеет перед своим государством, напротив она относится к нему с некоей долей иронии.

***Женщина.** Ты выглядишь такой счастливой.. Однако нельзя ставить свое личное счастье выше всего прочего [1, с.12].*

Обратите внимание на то, как женщина отзывается о важности интересов общественности по сравнению с личными интересами людей. Из ее уст это звучит как некий запрет, а не вовсе вежливое замечание или дружественное наставление.

Юдифь выхватывает из-под одежды кинжал и отсекает ей руку.

***Юдифь.** Я отсекала жест любви и доверия. Предала, наконец-то предала [1, с.12].*

В данном отрывке мы видим, как Юдифь отрубает руку женщине, предлагающей ей вернуться в город, чтобы народ воздал ей должное за совершенный подвиг. И, несмотря на все слова Юдифь о том, что в ее подвиге не было ни капли патриотизма, а лишь чистой воды выгода, женщина, кажется, не внемлет ее доводам. И только причинив вред лично женщине, Юдифь, наконец, избавляет себя от образа героини.

Таким образом, можно сделать вывод, что в пьесе «Возможности» в сцене «Непредвиденные последствия патриотического акта», Баркер создает образ Юдифь с помощью приема деконструкции. Переосмысляя общеизвестный образ еврейской героини, Баркер создает совершенно иную Юдифь: более мирскую, лишенную образа героини. Юдифь в интерпретации Баркера ставит свои

личные интересы превыше государственных и совершает подвиг не из патриотических соображений, а преследуя личные цели.

Список литературы:

1. Баркер Г. Возможности. Пьеса в десяти сценах. – М.: Иностранная литература, 2014. – 14с.
2. Дроздов, Николай Михайлович. «Исторический характер книги Иудифь», 1876.
3. Юдифь. [Электронный ресурс] // 2018 – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Юдифь>

УДК: 712.3 (= 133.1)

**ФРАНЦУЗСКИЙ РЕГУЛЯРНЫЙ СТИЛЬ САДА:
АНДРЕ ЛЕНОТР И ЕГО НАСЛЕДИЕ В ЕВРОПЕЙСКОЙ И
РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ**

Поездник В. В. (обучающийся),

Томичева И. В. (преподаватель),

ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Аннотация. Данное исследование посвящено изучению французского стиля садово-паркового искусства в целом и паркового творчества Андре Ленотра в частности. Установлены основные характерные черты регулярного парка и проведение параллелей между парками Франции, России и Крыма. Целью данной статьи является сравнение регулярных парков России и регулярных парков Франции, определение схожестей и отличий как основных черт, так и деталей. Прослежен путь данного стиля со времен Людовика XIV до наших дней.

Ключевые слова: регулярный стиль, французский парк, ландшафтное искусство, классический парк.

**FRENCH REGULAR GARDEN STYLE: ANDRÉ LENOTRE AND HIS
HERITAGE IN THE EUROPEAN AND RUSSIAN CULTURE**

Summary. The research is dedicated to the study of the French style in the landscape architecture as a whole and one of Andre Le Notre in particular. The specific features of a regular park are highlighted and the parallel between the parks of France, Russia and the Crimea is fulfilled. The goal of the article is the comparison of regular parks of Russia and ones of France, similarities and differences determination either basic elements or details. The development of the style is traced from the period of Louis XIV up to the present day.

Key words: regular style, the French park, landscape architecture, classical park.

Одним из самых интересных стилей ландшафтного искусства по праву считается классический, он же регулярный или французский. При сравнении главных парков России и Франции, анализ и обобщении специальной тематической литературы, изучении архитектурных планов исследуемых

объектов, были выявлены основные закономерности, свойственные классическому французскому парку. Для этого стиля характерны строгие симметричные композиции, представленные различными геометрическими формами, демонстрирующими власть человека над дикой природой. Регулярный ландшафтный дизайн требует зрительного расширения пространства, достигаемого за счёт умелой работы с перспективой, ровного рельефа, системы длинных аллей, которые сходятся у строения как у центра композиции, а ярко выраженная главная ось делит все пространство на две симметричные части.

Для регулярного стиля характерны также такие детали как партеры, кружевные партеры, лабиринты, декоративные водоёмы, античные скульптуры, боскеты, живые изгороди с нишами, а также уютные беседки.

Партер (parterre) подразумевает собой четырехугольный газон (gazon), в центре которого находится клумба, скульптура или бассейн с фонтаном. Сам партер окружен бордюром (bordure) из подстриженных деревьев. Кружевной партер (patterned parterre) - тот же партер, но с вьющимся декоративным узором, который создавался из тисового дерева и самшита или из цветного песка.

Еще одной отличительной особенностью классического французского сада являются боскеты (bosquet). Это замкнутые пространства правильной геометрической формы, со всех сторон огороженные часто посаженными деревьями. Пространство внутри носит название зеленого зала или кабинета. Между боскетами прокладываются дорожки, покрытые гранитом или галькой.

Самыми известными представителями этого классического французского движения в садово-парковом искусстве были Жак Буасо, Антуан-Жозеф Дезалльер д'Аргенвилль, Клод Молле. Самым блистательным представителем стиля французского парка является Андре Ленотр, создатель садов Версаля, по праву считающихся жемчужиной французских садов.

Андре Ленотр (1613-1700) крупнейший и известнейший мастер регулярных садово-парковых ансамблей, ведущий мастер нового стилистического направления, позднее классицизма, во Франции. Строитель

множества загородных резиденций, а так же парков Фонтенбло, Сен-Клу, Сен-Жермен и Версаля. В Париже он создал Большие бульвары, сад Тюильри и Елисейские поля. В 1637 году занял место своего отца, служившего главным садовником при дворе Людовика XIII в Тюильри. Изучив принципы архитектуры, он в совершенстве овладел законами перспективы и оптики, успешно используя в своих проектах. Он меняет планировку садов Тюильри, создав великолепные аллеи. В 1656-1661 Ленотр проектирует парк Во-Ле-Виконт, умело используя рельеф, выделив перспективу и заострив внимание на системе фонтанов. Король Людовик оценил результаты работ Андре Ленотра и привлёк его к планированию садов в Версале, занимающих 6000 га, которые в последствие стали самым известным его трудом. Преобразовав грязное болото в прекрасный парк, он улучшил архитектуру королевского дворца и ещё более возвысил великолепие дворца Людовика XIV. Талант Андре Ленотра был востребован не только во Франции, а пользовался успехом во многих европейских столицах. Его ученики и помощники во многом способствовали распространению садово-паркового искусства по всей Европе. Именно благодаря Андре Ленотру регулярный парк дошел до Европы, а позднее до России и Крыма.

Ленотр оставил в наследство десятки прекраснейших парков и садов. Три самых известных- это парки Во-Ле-Виконт, сад Тюильри и, конечно, Версальский парк.

Парк Во-Ле-Виконт считается предшественником Версаля. Он был сооружён для Николя Фуке – министра финансов, воплотившего свою мечту: построить замок, достойный самого короля, такой, чтоб увидев его, запомнить на всю жизнь. Он хотел слить воедино природу и архитектуру, создать возле дворца парк невиданной красоты. Для исполнения этой мечты пришлось радикально изменить ландшафт, снести три деревни, изменить русло реки, направив его к множеству искусственных водоемов и фонтанов. Над этой задачей трудилось более 18 тысяч рабочих. Для осуществления своего желания

Фуке привлек к работе трёх уже заслуживших признание современников: художника-декоратора Лебрена, архитектора Луи Лево и Андре Ленотра. На плечи Ленотра легла основная задача: создать единый ансамбль, включающий в себя все строения усадьбы. Результатом его работы стал первый французский классический парк, спланированный до мелочей, начиная от общего впечатления, заканчивая размерами каждого объекта. Главная планировочная ось пересекает всю территорию и систематизирует пространство, проходя через центр парадного двора и Овальный зал дворца, продолжается Водной и центральной аллеями и замыкается у подножия статуи Геркулеса. Ленотр использует особый прием подчёркивания важности места, в которое стекаются все дороги. Он начинает и заканчивает перспективу трёхлучием дорог, расходящихся в стороны других населённых пунктов. Главную ось разбивают ещё три перпендикулярные ей оси, делящие весь парк на четыре части. Первая ось проходит через анфилады парадных залов, отрезая парадный двор, дворец, трёхлучие подъездных дорог от парковой зоны. Вторая ось разделяет первую и вторую террасу партера аллей. Третья проходит по каналу и является водным партером, отделяющим вторую террасу от финишного момента ансамбля - холма со статуей Геркулеса и Грота Речных Богов. Увы, к несчастью Фуке, невиданная роскошь и богатство парка и замка возмутила Людовика XIV, ведь на тот момент усадьба была самой роскошной во всем Париже. Вскоре последовал приказ об аресте Фуке и министр финансов был осуждён на пожизненное заключение в одиночной камере крепости Пиньероль. Все ценные вещи усадьбы были перенаправлены в Лувр, а после перевезены в Версаль. Усадьба начала приходить в запустение. Однако, для создателей парка и дворца все закончилось не так трагично, как для Фуке. После посещения усадьбы, Людовик XIV заразился мечтой своего бывшего министра финансов. Все творцы дворцово-паркового ансамбля в Во-Ле-Виконте были приглашены королем для строительства королевской резиденции в Версале. Уже сработавшийся

коллектив мастеров занялся работой над новым объектом, прославившим их имена на века.

Стоит отметить, что Ленотр занимался не только частными усадьбами представителей власти, как может показаться на первый взгляд. Примером тому являются сад Тюильри - общественный парк в центре Парижа. Его площадь составляет 25 гектаров и вместе с Лувром и дворцом Тюильри, разрушенным в 1871 году. Он являет собой единый дворцово-парковый ансамбль. Ранее на этом месте был отнюдь не парк, а городская свалка, мастерские и карьер по добыче глины. Сад создавался для Екатерины Медичи, скучавшей по зелёной Тоскане. Сейчас сад выглядит совсем не так, как раньше, ведь каждый правитель переделывал его на собственный лад, однако, свой окончательный вид он приобрёл именно благодаря Ленотру. Он решил не использовать свои прежние приемы завершения перспективы, а... не завершать ее вообще. Он продлил аллеи парка на запад, где позже возникли Елисейские поля. По сторонам парка он сооружает террасы с лестницами, подпорными стенами и пандусами. Конечно же, парк не всегда был открыт для публики. Это произошло лишь при Короле-Солнце (Людовике XIV). Парк очень быстро стал модным местом для прогулок со своими широкими, обсаженными каштанами аллеями, копиями скульптур из Версаля, дворца Марли и искусственным водоёмом. Перепланировка парка Ленотром добавила ему чёткости и гармоничности, что сделало его прекрасным образцом классического стиля, хотя изначально он разбивался в итальянском.

Однако, не смотря на великолепие описанных выше парков, не они стали главными шедеврами Ленотра. Речь, разумеется, пойдёт о Версале. Версаль возник в качестве охотничьего замка в 18 километрах от Парижа, но его становление дальше замедлилось, так как песчаная почва и почти безлесая местность не обладали благоприятными условиями для создания парка. На то, чтобы победить природу, окружающую Версаль, было затрачено такое колоссальное количество средств, что, как отмечал Вольтер, затрать Людовик

XIV хотя бы пятую часть потраченных средств на Париж, он был бы так же хорош, как хорош он около Пале-Рояля и Тюильри. Хоть во всех своих главнейших частях Версаль и строился в течение нескольких лет, он представляет собой единое целое, позволяя рассматривать его, не разделяя на отдельные хронологические участки. Его композиция, как и композиция парка Во-Ле-Виконт, начинается тремя лучевыми проспектами, ведущими в Париж, Сен-Клу и в местечко Со. Регулярно спланированный парк Версаля пересекается лучевыми проспектами, которые образуют возле королевского дворца огромную площадь Армии, построенную для военных парадов. Прототипом данной площади является площадь дель Пополо в Риме. Однако среди специалистов в области архитектуры и ландшафтного дизайна бытует мнение, что площадь в Риме выглядит выигрышней, нежели более просторная площадь в Версале благодаря верно спланированным архитектурным вертикалям. Перед садовым фасадом дворца находится «Водный партер» имеющий форму двух восьмиугольных бассейнов, растянутых по композиционной оси парка. По сторонам «Водного партера» располагаются цветники; с севера - бассейн Нептуна, с юга – оранжерея. Первая часть парка - Дворцовая терраса, за ней уже располагаются сады с затейливыми переплетениями аллей, кружевными партерами, среди которых выделяется партер с фонтаном Латоны и «Зелёный ковер». «Зелёный ковер» - это главная аллея с партером, имеющая длину 300 метров и около 50 метров в ширину. Ранее, пока деревья еще не разрослись, контрасты узких поперечных дорожек с широким «Зелёным ковром» приводили в восхищение даже самых прихотливых ценителей паркового искусства. «Зелёный ковер» приводит нас к бассейну колесницы Аполлона. Тут кончается вторая часть парка и начинается третья и последняя - лесопарк, основным центром которого является большой крестообразный канал, похожий на зеркало в бархатной раме. Он имеет протяжённость в 1,5 километра. К нему сходятся геометрически правильные лучи аллей. Великолепия и шарма Версалю добавляет множество боскетов, партеров, водоёмов, фонтанов, греческих

скульптур и аккуратно стриженных зелёных насаждений. Весьма непросто описать на словах грандиозность паркового ансамбля Ленотра. Это один из шедевров, который нужно увидеть собственными глазами, пройтись по тенистым аллеям, окунувшись во времена правления Людовика XIV.

Из описания парков Ленотра можно сделать общее заключение об основных чертах регулярного парка. Это прямые протяженные аллеи, клумбы, деревья, водоёмы правильной формы. Водоёмы и фонтаны всегда делают центром какой-то композиции, а беседки на пересечении дорожек. Подходит этот стиль для больших участков, не менее 15 соток. Цвета используются любые, но исключительно мягких оттенков, задействуя любые природные материалы. Предпочтения отдаются топиарным растениям, иногда используют плодовые, высаживая их в виде аллеи. Беседки всегда имеют круглую форму. В качестве украшений в парках используются античные скульптуры, колонны, каменные шары, вазоны и арки.

Стиль Ленотра поступательно распространился во множество стран: Англия, Италия, Германия, Австрия, Испания, а вскоре и Россия. Регулярный парк в Россию принес Петр I, им, конечно, стал известный всем Петергоф. Более того, Петр I даже считается первым архитектором Петергофа, ведь он лично создавал наброски и чертежи будущего парка. Работы в парке получили свой особый размах после побед русской армии над Швецией и последовавшего за этим посещения царём Франции. Петр I уделил особое внимание загородным королевским резиденциям Трианону, Марли, Шуази и Версалю, заинтересовавшись техническими деталями устройства парков и фонтанов, подробностями архитектурами павильонов и дворцов. К моменту возвращения царя в Петербург, в Петергофе уже активно трудился французский архитектор Жан-Батист Александр Леблон. Из Парижа так же прибыл итальянский известнейший скульптор граф Бартоломео Карло де Растрелли. С ним прибыл так же его сын, архитектор Николо Микетти и «фонтанные мастера» Джулиано и Джованни Бараттини. В итоге Петергоф раскинулся на 800 га. Парк условно

делится на 2 части: Верхний и Нижний сад, а между ними располагается Большой дворец в стиле «зрелого барокко». Верхний сад строго выдержан в регулярном стиле: чёткая симметрия плана, фигурная стрижка деревьев, партеры со сложнейшими рисунками, скульптуры, множество беседок. Украшают Верхний сад 5 фонтанов в одном стиле. Нижний сад вызывает безграничное восхищение. Разбегающиеся аллеи, узорчатые цветники, зеркальная поверхность канала, золочёные скульптуры, анфилада каскадов и фонтанов – все это придаёт особое настроение парку, где регулярный стиль так гармонично соседствует с пейзажным.

Отличным примером регулярного парка так же является Константиновский (Стрельнинский) парк. Изначально, именно этот парк должен был стать «вторым Версалем в России», но сложный рельеф не угодил Петру I: строительство фонтанных комплексов обошлось бы очень дорого, и царь переключился на Петергоф. Парк занимает площадь в 132 гектара и состоит из средней и боковых частей. Отличительная черта средней части, занимающей 45 гектаров – наличие каналов. По главной оси дворца располагается Средний канал, направляющий перспективу. Два параллельных ему канала Восточный и Западный определяют края прямоугольной территории. Круглый Петровский остров обрамляется кольцевым каналом. Во всю эту водную оправу вписываются четыре боскета, пронизанные множеством аллей. За счет боскетов, примыкающих к Петровскому острову, создан весьма оригинальный мотив приморского регулярного сада. Более того, каналы предназначены еще и для прогулок по ним на маленьких судах, что только прибавляет им значимости. Каналы, помимо всего прочего, обладают значительным декоративным эффектом. Их перспектива, уходящая вдаль, будто бы соединяет парк и море в одно целое. Парк в Стрельне хоть и выполнен в регулярном стиле, как и многие другие, но, благодаря необычности замысла, не имеет аналогов в европейском парковом искусстве.

Однако нас, жителей Крыма, зачастую, интересует больше то, что окружает именно нас. Увы, у нас нет таких огромных и роскошных парков, как Во-Ле-Виконт, Версаль или Петергоф. Нет и парков, выполненных целиком и полностью в регулярном стиле, но это отнюдь не означает, что в нашем парковом искусстве этот стиль не встречается вовсе.

Возьмем, к примеру, такие парки как Массандровский, Парадиз и Никитский ботанический сад.

Массандровский парк устроен в традициях Англии и Франции и создавался довольно долгое время. Начало работ над парком положил ещё граф Воронцов. Он хотел максимально сохранить естественный вид ландшафта, убрать ненужную растительность, добавив при этом экзотических растений из разных стран. Такую задачу он и поставил перед талантливым садоводом, имя которого Карл Кебах. С задачей мастер справился прекрасно. Весь парк условно поделён на две части. Часть, находящаяся ближе к дворцу, выполнена в регулярном французском стиле: строгая и ухоженная, носящая название Верхняя Массандра. Нижняя Массандра выполнена уже в более свободном стиле и напоминает самый настоящий лес.

Парк Парадиз является одной из главных достопримечательностей Партенита и принадлежит лечебно-оздоровительному комплексу «Айвазовское». Парк занимает площадь в 25 га и представляет собой необычное, однако, гармоничное сочетание различных стилей паркостроения. Парк был заложен в 1964-1966 годах. Однако, вскоре густо посаженные деревья сильно разрослись без должного ухода и сложные парковые композиции утратили свои эстетические качества. Только в 2003 парк реконструировали, и он приобрёл свой нынешний вид. Парк удивителен своим контрастом стилей. Так пейзажный английский сад контрастирует с регулярным, а мексиканский сад с японским. Из регулярного стиля в парке мы можем наблюдать обилие изящных скульптур, озера, классический стиль в деталях и круглые беседки. Он не бросается в глаза

так явно, как в Массандровском парке, но проигнорировать его присутствие невозможно.

Такая же ситуация наблюдается и в случае известного всем нам Никитского ботанического сада. Если Вы посмотрите на его план, наверняка скажете: «Да где же тут регулярный стиль?». Стоит учесть, что большой парк нельзя рассматривать целиком. Он состоит из целой группы парков, которые композиционно обособлены друг от друга: Нижний, Верхний и Приморский парки, можжевельниковый заповедник и парк Монтедор.

Наиболее приближен к регулярной планировке Нижний парк. В его планировке четко прослеживаются две композиционные оси. Для парка характерны замкнутые камерные пространства за счет высоких деревьев, бассейны, малые архитектурные формы и несколько прямых аллей. Густая сеть дорожек и троп, имеющих свободные очертания в плане, подчинена рельефу местности.

На наш взгляд, из всех перечисленных выше парков этот парк меньше всего соответствует регулярному. Даже при более пристальном взгляде регулярный или французский стиль с трудом узнаваем.

Чтобы хоть немного приобщиться к регулярному стилю, совсем не обязательно ехать в другой город или даже в другую страну. Известный всем жителям Крыма Воронцовский парк – это один из крупнейших парков Симферополя. Он занимает площадь в 42 га и выполнен в двух стилях: в уже хорошо знакомом нам регулярном и в ландшафтном стилях. Ландшафтный стиль несколько преобладает над регулярным. Большую часть парка занимает дендрарий со своей коллекцией древесно-кустарниковых видов. К регулярным посадкам можно отнести, в первую очередь, аллеи, украшающие сад: ореховая, кедрово-сакуровая, туевая, каштановая и другие. Так же стоит отметить розарий. Он имеет сложную форму, пересекаемую множеством прямых аллей, которую можно назвать геометрической, что, как говорилось ранее, является чертой французского стиля. Именно благодаря гармоничному сочетанию двух стилей,

обилию зелени и разнообразной растительности был достигнут высокий художественный и архитектурный эффект, позволивший разнообразить территорию.

Идеи и труды Андре Ленотра, минуя века, дошли до наших дней и оказались в России и в Крыму. Как говорил Фабьен Белла, доктор истории искусств университета Парижа: «Ce sont des idées qui étaient de qualité. C'était des idées solides qui marchent. Comme toutes les bonnes idées elles survivent à travers les siècles, elles changent, elles se transforment, s'adaptent a une nouvelle culture, a une nouvelle technologie.» Что в переводе с французского: «Это были идеи качества. Твердые идеи, которые работают, которые, как и все хорошие идеи, выживают на протяжении веков, трансформируются и приспособливаются к новой культуре и технологиям». Стиль великого мастера паркового искусства и в наше время встречается повсеместно, стоит только внимательно посмотреть по сторонам.

Список использованных источников

1. Бунин А.В., Саваренская Т.Ф. История градостроительного искусства. Градостроительство рабовладельческого строя и феодализма. Том первый – М.: Стройиздат, 1979 – 496 с.
2. Архитектура. Краткий справочник/ Гл. ред. М. В. Адамчик: Гл. научн. ред. В. В. Адамчик и др.- Мн.: Харвест, 2004. - 624 с.
3. Боговая И.О., Фурсова Л.М. Ландшафтное искусство: Учебник для вузов. М.: Агропромиздат, 1988. –233 с.
4. Лихачев Д.С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. – М.: «Согласие», ОАО «Типографские новости», 1998. – 356с.
5. Baridon M. Les jardins: paysagiste, jardinier, poète – Paris: Robert Laffont, 1998 – 1239 p.
6. Mosser M., Teysot M. Histoire des jardins de la Renaissance à nos jours – Paris: Flammarion, 1991 – 542 p.

ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Соловьева К. К. (обучающаяся),

Петренко Д. А. (заведующий кафедрой немецкой филологии),

ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского»

Аннотация. Теоретическая ценность данной работы заключается в ее малоизученности и можно с уверенностью полагать, что собранный материал может стать в дальнейшем базой для проведения более глубоких исследований и изучений немецкого языка на территории Южной Америки. Цель работы заключается в выявлении отличительных особенностей немецкого языка на территории Бразилии, Чили и Парагвая, путем использования методики сравнительного анализа и описательного метода. Полученные результаты могут быть использованы в дальнейших теоретических и практических разработках.

Ключевые слова: немецкий язык, диалект, хунсрюкский, Южная Америка, Launa-Deutsch, Hochdeutsch.

PECULIARITIES OF THE GERMAN LANGUAGE IN LATIN AMERICA

Summary. The theoretical value of this work lies in its poorly studied and it can be assumed that the collected material could later become the basis for more in-depth researches and studies of the German language in South America. The aim of the work is to identify the distinctive features of the German language in Brazil, Chile and Paraguay, using the method of comparative analysis and descriptive method. The obtained results can be used in further theoretical and practical developments.

Key words: German, Dialect, Hunsrückisch, South America, Launa-Deutsch, Hochdeutsch.

В современном мире по различным статистическим данным насчитывается до шести тысяч языков, но стоит отметить, что лишь несколько десятков являются языками мирового значения [7]. Немецкий язык уже на протяжении многих лет входит в это небольшое количество языков. Согласно последним

проведенным исследованиям в 2017 году, немецкий язык является родным для 77 миллионов человек, в 6 странах является официальным и 5,6% от всего количество веб-сайтов были созданы именно на немецком языке [7].

Известно, что немецкий язык уже давно определяют как один из самых многообразных языков Европы, следовательно, лингвисты определяют данный язык полицентрическим, так как он широко распространен в нескольких относительно независимых друг от друга сообществах-государствах [1]. Так, например, немецкий язык используется в Германии, Австрии, Швейцарии, Чили, Бразилии, США и Южной Африке. Каждый конкретный язык имеет свое собственное произношение и разновидности, которые будут связаны со стилистической дифференциацией [2]. В качестве языка национальных меньшинств немецкий язык будет представлен в некоторых странах Южной Америки, например в Бразилии, Парагвае и Чили [4].

Как правило, полицентрические языки имеют отличия на различных уровнях системы языка – фонетическом, грамматическом, семантическом и лексическом. Вариативность языка характеризуется взаимодействием экстралингвистических и внутриязыковых факторов [4].

Лингвисты оценивают современное состояние немецкого языка на территории Бразилии неоднозначно [5]. Многие из них утверждают, что иммигранты, прибывшие в Бразилию зачастую смешивали португальский язык с немецким, что привело к вытеснению второго португальским [5]. На сегодняшний день число говорящих в Бразилии на немецком языке насчитывает не более чем 850-900 тыс. человек. Главными штатами, где используется в обиходе немецкий язык, являются Санта-Катарина и Риу-Гранди-ду-Сул [6]. На территории Бразилии преимущественно преобладают три диалекта: швабский, немецко-платский и хунсрюкский. Большое влияние на хунсрюкский диалект оказывал в первую очередь португальский язык и языки коренных народов (кайнганг, гуарани) [6]. Характерные особенности данного диалекта можно выявить, прежде всего, на лексическом уровне. Стоит отметить, что в лексике

данного диалекта, прежде всего, преобладает германская лексика, но любые повседневные реалии жители зачастую буквально переводят с португальского [6]. Так, например, вместо привычной фразы *wie geht es?* (как дела?) носитель диалекта употребит *tudo bem?*. Другой отличительной чертой принято считать лексико-грамматическую интерференцию. Примером данного явления может послужить существительное «*Canecachen*», которое будет означать слово «кружечка». Существительное было образовано посредством немецкого диминутивного суффикса *-chen* и португальского существительного «чашка» – «*сапеса*». Также в некоторых случаях происходит слияние разноязычных основ в одно сложное слово, например существительное «*Schuhloja*», которое означает «обувной магазин» было образовано при помощи немецкой основы существительного *Schuh* и португальского *loja* [6].

Что касается немецкого языка на территории Парагвая, то там количество говорящих существенно меньше, чем в Бразилии. Если в Бразилии общее число лиц владеющих немецким языком составляет 850-900 тыс. человек, то в Парагвае всего 166 тыс. человек. Самыми распространенными вариантами немецкого языка является немецко-платский диалект и стандартный вариант немецкого языка (*Hochdeutsch*) [6]. Прежде всего, немецкоязычными жителями Парагвая являются меннониты, которые впервые прибыли в Южную Америку в 1927 году. Зачастую диалект употребляют во время церковной службы, в некоторых образовательных учреждениях и также как язык СМИ [6].

В Чили немецкий язык, по мнению современных экспертов, теряет свою популярность, и число говорящих сократилось с 35 тыс. (1980 г.) до 20 тыс. Немецкий язык в основном распространен в центральной части Чили (Лос-Лагос). Наиболее распространенным вариантом немецкого языка является «*Launa-Deutsch*». Современные лингвисты описывают данный вариант, как смесь немецкого и испанского языков, на немецкой основе с вкраплениями испанской лексики [6]. Главной отличительной чертой «*Launa-Deutsch*» – лексика. Например:

- in (Launa-Deutsch) – auf (Hochdeutsch);
- kompetenz (Launa-Deutsch) – Konkurrenz (Hochdeutsch);
- ordinär (Launa-Deutsch) – herkömmlich, normal (Hochdeutsch);
- pape (Launa-Deutsch) – Kartoffel (Hochdeutsch);
- pastelería (Launa-Deutsch) – Bäckerei (Hochdeutsch);
- vaccke (Launa-Deutsch) – Kuh (Hochdeutsch).

Подводя итоги, необходимо отметить, что собранный и проанализированный материал может стать в дальнейшем базой для проведения исследований и изучений немецкого языка на территории Южной Америки. В ходе исследования было выявлено, что в среднем немецким языком по всей территории Южной Америки владеет около 1,476,000 млн. человек (Бразилия ~ 900 тыс., Аргентина ~ 300 тыс., Парагвай ~ 166 тыс., Мексика ~ 80 тыс., Чили ~ 20 тыс., Венесуэла ~ 10 тыс.). Несмотря на достаточно большое количество носителей немецкого языка на территории Южной Америки, материал остается по-прежнему малоизученным и не исследованным, что делает его актуальным.

Список использованных источников

1. Бухаров В.М. Кластер в полицентрическом языке. - / В.М. Бухаров /. – Научный журнал «Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова» – Нижний Новгород, 2012 г. – Стр. 21-28.
2. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов: Изд. 5-е, испр-е и дополн / Т. В. Жеребило – Назрань: Изд-во Пилигрим, 2010. – 486 с.
3. Петренко А.Д. Социолингвистические проблемы вариативности языка как целостной структуры. –/ Под ред. А. Д. Петренко /. – Коллективная монография. – Москва, Изд-во «Перо», 2015. – 491 стр.
4. Петренко Д.А. Особенности функционирования немецкого языка в Республике Намибия. /Д.А. Петренко, К.К. Соловьева/. // Научный журнал «Вестник науки и образования» – № 6 (29). – Москва, 2017 г. – Стр. 71-74.
5. Erich Fausel: Die deutschbrasilianische Sprachmischung. Probleme, Vorgang und Wortbestand. E. Schmidt, Berlin 1959.
6. Karl Ilg. Pioniere in Argentinien, Chile, Paraguay und Venezuela. Durch Bergwelt, Urwald und Steppe erwanderte Volkskunde der deutschsprachigen Siedler. — Innsbruck: Tyrolia-Verl., 1976.
7. Список языков мирового значения. [Электронный ресурс] Режим доступа:https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_языков_мирового_значения (дата обращения: 21.02.2018).

УДК: 82-343292.471:82

ПОНЯТИЕ МИФА И КРЫМСКОГО МИФА В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Яцун В. В. (обучающаяся),

Клюева В. Г. (старший преподаватель),

ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского»

Аннотация. В статье изучаются понятие и значение мифа в зарубежном и отечественном литературоведении. Дается определение и толкование Крымского мифа, рассматриваются его основные черты.

Ключевые слова: миф, крымский миф, поэтика, интерпретации, инвариант.

CONCEPT OF MYTH AND CRIMEAN MYTH IN MODERN LITERATURE

Summary. The article studies the concept and significance of myth in foreign and domestic literary criticism. And also the definition and interpretation of the Crimean myth is given, its main features are considered.

Key words: myth, Crimean myth, poetics, interpretation, invariant.

Мифопоэтический аспект интерпретации литературного произведения в последнее время вызывает пристальное внимание литературоведов, как теоретиков, так и историков литературы.

Что касается Крымского мифа, этот аспект в литературе только начинает исследоваться. Крымский миф - это термин для самых общих обозначений всех вариантов представлений о Крыме, которые появляются в литературе и которые начали складываться в начале русской письменности и существуют до настоящего времени.

В современном мире понятие миф трактуется как «сказка, вымысел, выдумка».

В древние времена, когда предпринимались первые попытки объяснения мифов и ученые Древней Греции, воспринимавшие мифы как иносказания, использованные авторами, решившими высказаться с помощью аллегии,

пробовали дать разъяснение греческих мифов, они уже начали терять свою сакральность и достоверность. Между тем, появилась точка зрения, что мифы являются вымыслом, выполняющим ту или иную функцию.

Мифы не могут быть отрицательно или положительно интерпретированы. Вклад мифа в развитие человека огромен. Именно благодаря мифу человек обнаружил, что все вокруг рационально и взаимосвязано.

М. Элиаде считает, что мифы частично составляют саму суть человеческого существа, они могут меняться, адаптироваться к современности, но не исчезать [10, с. 342].

Исследованием мифа в разное время занимались: Эвгемер, Дж. Вико, Ф.В.Й. Шеллинг, В. К. Мюллер, А.Н. Афанасьев, А.А. Потебня, Дж. Дж. Фрейзер, Е.М. Мелетинский, О.М. Фрейдберг, М. Элиаде и другие.

В разных словарях понятие «миф» имеет разные интерпретации. Одним из наиболее точных, на наш взгляд, является понятие, которое дает Литературный энциклопедический словарь: «Мифы – это творения совместной общенародной фантазии, которые отражают реальность в виде чувственно-конкретных олицетворений и одушевленных созданий, которые мыслятся как реальные» [8, с. 479].

В своей работе А.В. Гулыгин перечисляет следующие «признаки мифа»:

1. Слияние реального и идеального (мысли и действия).
2. Бессознательный уровень мышления (овладевая смыслом мифа разрушается сам миф).
3. Синкретизм отражения (т.е.: неразделенность субъекта и объекта, отсутствие различий между естественным и сверхъестественным) [4, с. 275].

Согласно О. М. Фрейдберг, миф имеет следующие характеристики: «Образное представление в форме нескольких метафор, где нет нашей

логической, формально-логической каузальности и где вещь, пространство, время поняты нерасчлененно и конкретно, где человек и мир субъектно-объектно едины – эту особую конструктивную систему образных представлений, когда она выражена словами, мы называем мифом» [9, с. 28]. Данное определение выводит мифологическое мышление на первый план, так как именно оно определяет сущность мифа.

Таким образом, можно сделать вывод, что миф – это понятие, которое живет в человеческом сознании в виде символов и образов, в виде константных представлений, то есть постоянных представлений у разных людей.

Мифы и мифологические элементы на протяжении долгого времени находят применение в литературе. Авторы трансформировали миф по своим нуждам, выбирая наиболее удобную форму для выражения своей идеи.

В современной литературной критике концепция мифа является одной из самых противоречивых. Однозначное понимание мифа невозможно, поскольку проблемное поле этого понятия охватывает самый широкий спектр наук. В XX веке миф стал неотъемлемой частью научной области психологии, социологии, философии и политологии, которая добавляет к ней новые семантические категории. Литературный дискурс не является исключением. С. О. Курьянов в своей монографии ««...тайный ключ русской литературы»: генезис, структура и функционирование Крымского текста в русской литературе X–XIX веков»» утверждает, что крымский миф - это термин для самых общих обозначений всех вариантов представлений о Крыме, которые появляются в литературе и которые начали складываться в начале русской письменности и существуют до настоящего времени. Одно мифологическое (вернее, неомифологическое) формирование (инвариант) крымского мифа отличается от другого тематическим образом и, соответственно, набором понятий и образных представлений, закрепленных в литературных текстах, начиная с конца X века. Эти тексты, во-первых, различаются по жанровым и идеологическим признакам. Во-вторых, они являются разнородными с точки зрения их практического

применения: сюда входят и деловые, и исторические (более - научные), и художественные тексты. Это связано прежде всего с особенностями древнерусской литературы и, в определенной степени, литературной ситуацией в России [5].

Таким образом, крымский миф гораздо шире самого себя, фиксированного текстовым образом. Он «выходит» за пределы текста и начинает существовать в форме мифических понятий и концепций, фиксируется в воспринимающем сознании и постепенно порождает специфическую крымскую мифологию.

Крымский миф является топическим (местным, региональным), то есть он связан с конкретным географическим местом. Поэтому постоянное внимание к Крыму в литературе вызывается и поддерживается различными историческими событиями, связанными с крымской землей (крещение князя Владимира, война против Крымского ханства, завоевание Крыма, Крымская война и т. д.). И в связи с этим любое упоминание Крыма в литературной работе порождает в воспринимающем сознании ряд постоянных представлений, не всегда связанных с тематическим инвариантом крымского мифа, который в этом случае воспроизводится в тексте. В отношении различных аспектов крымского мифа используется термин «инвариант», поскольку он позволяет подчеркнуть неизменность той или иной версии мифа. В лингвистике термин «инвариант» означает «элемент абстрактной системы языка в отвлечении от его конкретных реализаций» [1].

Инвариант крымского мифа, несмотря на его постоянство как смысловое, информативное и построенное в процессе исторического развития в литературных произведениях, подвержен изменениям и неизменен только по отношению к конкретной исторической эпохе. В литературной критике можно говорить не только о вариантах «христианского» инварианта крымского мифа, например, в произведениях XI века, но и об инвариантном крымско-христианском мифе в X-XIII веков и крымско-христианском мифе в XIV-XIV веков: они близки, но вполне определенно существуют как два разных

инварианта, хотя, если говорить не только о «христианском» инварианте, но и о других, они становятся единым целым и рассматриваются в их единстве.

О. С. Курьянов выделяет шесть инвариантов крымского мифа, которые условно можно назвать: «христианским», «восточным», «райским», «античным», «военным» и «курортным». Формирование первых двух происходило в течение первых восьми столетий русской письменности. Остальные развивались со второй половины - конца XVIII и начала XX века и до сих пор остаются неизменными [5].

Поездки в Крым Осипа Мандельштама в начале 20 века вдохновили его на создание стихотворений и прозаических эссе о Крыме, Феодосии, мысе Меганом. В творчестве поэта четко прослеживается Крымский миф, а точнее, античный инвариант Крымского мифа, а стихотворения Мандельштама названы конкретными крымскими географическими названиями.

Со своей удивительной природой, субтропическим климатом, Крым был для поэта воплощением античной Греции, романтическим волшебным краем, где все еще бродят тени Орфея и Эвридики. Поэтому он сравнивал Крым с Элладой.

Анализом произведений Мандельштама о Крыме занималось большое количество исследователей. Это, например, Ф. Гёблер, А. П. Люсый, М. А. Новикова, В. П. Казарин, С. С. Аверинцев, Ю. И. Левин и другие.

К примеру, анализируя стихотворные и прозаические произведения О. Э. Мандельштама о Крыме, Франк Гёблер вводит понятие «крымского текста» в творчестве поэта [3]. Гёблер имеет в виду глобальный текст, который в целом тематизирует природу и культуру Крыма.

Стихотворение «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...» было написано в 1915 году, в период пребывания Мандельштама в Крыму, а именно, Коктебеле. В нем, безусловно, можно найти отголоски гомеровской «Илиады», а точнее, ссылку на ее часть под названием «Сон Беотия, или перечень кораблей». В стихотворении нет прямого упоминания о Крыме, но оно навеяно поездкой в

Коктебель к поэту Максимилиану Волошину, который показал Мандельштаму удивительную находку – обломок старинного корабля, который запросто мог бы принадлежать средневековой флотилии.

Второе стихотворение «Золотистого меда струя из бутылки текла...» было написано Мандельштамом в августе 1917 года в Алуште.

При анализе стихотворения был исследован его эллинский контекст.

Какими же средствами осуществляется «срастание» с Элладой? Это определенно виноград и виноградники, золотистый мед, белые колонны, сонные горы, уксус и свежее вино; стоит отметить, что даже поза женщины – «через плечо поглядела» - может напомнить о греческой скульптуре (например, «Артемида с ланью» из Лувра).

Прямые названия более непосредственным образом направляют нас в Элладу: Крым назван Тавридой (дважды); виноградарство – «наука Эллады»; связанные с виноделием помещения – «Бахуса службы».

Стихотворение «Меганом» написано в 1917 году в Алуште. Подобно тому, как в стихотворении «Золотистого меда струя из бутылки текла...» происходит «воссоединение» Крыма с Элладой. В стихотворении «Меганом» Крым становится царством мертвых. А. П. Люсый говорит о том, что в своих произведениях Мандельштам вслед за пушкинской «Тавридой», «воссоединил» Крым с Элладой – через «царство мертвых», оставив конкретное и географически достоверное указание, где находится воспетый еще Гомером и нарисованный Пушкиным вход в Аид[6]. Данная локализация здесь, как уже понятно из названия, крымская, а именно, назван «мыс туманный Меганом». Но здесь через все стихотворение проходит тема смерти и похорон (во 2-4 строфах: «урна гробовая», «праздник черных роз», «черный парус», «похороны», «хлопья черных роз», «птица смерти и рыданья», «траурная кайма», «кипарисная корма»).

Стихотворения о Крыме – слепок, моментальная фотография, в которой отражаются сиюминутные впечатления, переплетающиеся с историей и культурой.

Так же в творчестве Мандельштама есть произведение, посвященное Феодосии. Первая встреча с Феодосией О. Э. Мандельштама произошла в 1920 году, поэтическим откликом на которую и стало стихотворение «Феодосия». Автор, рисуя образ города, делает акцент на том, что это самый крупный торговый центр Южного берега Крымского полуострова, где собрались представители разных наций: «Горят в порту турецких флагов маки», «С утра до ночи «яблочко» поется», «О, горбоносых странников фигурки!». Для усиления эмоционального воздействия на читателя и с целью вызвать у него ряд ярких образов, писатель употребляет весьма необычный, но ёмкий перифраз «средиземный радостный зверинец». Как видим, Феодосия О. Э. Мандельштама - это бурное историческое прошлое, без которого невозможно представить настоящее, это сочетание разных эпох в едином пространстве.

Таким образом, можно сделать вывод, что поездки в Крым стали основой для создания «крымского текста» в творчестве Осипа Мандельштама.

Крымский миф - неомиф, поскольку он сформировался и формируется в эпоху, когда общественное сознание вошло уже в такой этап своего развития, когда прежние оригинальные мифологические формы сознания больше не нужны для объяснения мира и превратились в уникальные легко узнаваемые символы различных аспектов человеческого существования. Но необходимо было всестороннее и точное определение и понимание социально значимого факта, объекта, понятия, характерного для сознания каждого члена общества и которое, несомненно, способствовало и способствует новой мифологизации, в которой Крымскому мифу просто дано одно из необходимых мест [5].

С конца XVIII века начинается взаимопроникновение инвариантов мифа. Их выбор остается возможным, но не таким простым, как это было вначале.

Крымский миф развивается. И не только потому, что исторические процессы, происходящие на полуострове, изменили его и, прежде всего, тематически. Но также потому, что предыдущий инвариант мифа никогда не исчезал, но всегда, хотя бы в виде отдельных элементов, присутствовал в последующем, а также в продолжении независимого существования.

Список использованных источников

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – Москва : Советская энциклопедия, 1969. – 606 с.
2. Андреев Л. Г. Зарубежная литература второго тысячелетия. 1000-2000 / Л. Г. Андреев. – Москва : Высшая школа, 2001. – 335 с.
3. Гёблер Ф. Путешествия Осипа Мандельштама в Крым: поэтическая медиализация / Ф. Гёблер // Беглые взгляды: новое прочтение русских тревелогов первой трети XX века. – М., 2010. – С. 58-62.
4. Гулыгин А. В. Миф как философская проблема / А. В. Гулыгин // Античная культура и современная наука. – Москва, 1985. – С. 270-277.
5. Курьянов С. О. «... тайный ключ русской литературы» : генезис, структура и функционирование Крымского текста в русской литературе X – XIX веков : [монография] / С. О. Курьянов. – Симферополь, 2014. – С. 10-26.
6. Люсый А. П. Крымский текст в русской литературе / А. П. Люсый. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2003. – 314 с.
7. Мандельштам О. Э. Лирика / О. Э. Мандельштам. – Минск : АСТ, 2002. – 432 с.
8. Литературный энциклопедический словарь / Москва : Советская энциклопедия, 1987. – 752 с.
9. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ : Исследования в области мифопоэтического : избранное / В. Н. Топоров. – Москва : Издательская группа «Прогресс» - «Культура», 1995. – 624 с.
10. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. – Москва: Наука, 1978. – С. 28.
11. Элиаде М. Аспекты мифа / Мирна Элиаде ; пер. с фр. В. Большакова. – Москва : Инвест-ППП, 1996. – 240 с.
12. White J. J. Mythology in the Modern Novel. A Study of Prefigurative Techniques / J.J. White. – Princeton, 1971. – 231 p.

THE ROLE OF THE UN IN SOLVING OF CRISIS SITUATIONS (XX – XXI CENTURIES)

Ivankov K. V.,

обучающийся, ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Summary. The problem of peaceful coexistence of countries in multipolar world is extremely topical in current situation in the international arena. In the context of the widespread proliferation of weapons of mass destruction taking into account the transformation of the system of international relations, existence of an effective system for resolving crises is necessary for the survival of humanity. The goal of this research is to reveal the transformation of the UN's role in solving crises at the turn of XX-XXI centuries. This is the period when the system of international relations was in the bifurcation point. Besides, we want to find out what role the UN plays today. As a result of the analysis of the regulatory framework within which the UN operates, as well as the main results of the peacekeeping missions carried out during the period under review, it was found out that today the UN's capacity to resolve the world crisis situations is reducing and the international security system needs to be substantially improved.

Key words: UN, peacemaking, international security, crises.

РОЛЬ ООН В РАЗРЕШЕНИИ КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЙ (КОНЕЦ XX — НАЧАЛО XXI ВЕКОВ)

Аннотация. Проблема мирного сосуществования государств в условиях многополярного мира является крайне актуальной в сложившейся ситуации на международной арене. В условиях широкого распространения оружия массового поражения, а также с учётом трансформации системы международных отношений, существование эффективного механизма по разрешению кризисных ситуаций представляется необходимым для выживания всего человечества. Цель работы состоит в том, чтобы выяснить, как трансформировалась роль ООН в решении кризисных ситуаций на рубеже XX-XXI веков — то есть в то время, когда система международных отношений находилась в точке бифуркации. Кроме того, представлялось необходимым установить, какую роль эта организация играет сегодня. В результате проведённого анализа нормативно-правовой базы, в рамках которой функционирует ООН, а также основных результатов миротворческих миссий, осуществлённых в рассматриваемый период, удалось выяснить, что на сегодняшний день ООН утрачивает

способность к урегулированию мировых кризисов, а система международной безопасности нуждается в существенном улучшении.

Ключевые слова: ООН, миротворчество, международная безопасность, кризисы.

The United Nations organization is the international institute that was created in 1945 in order to keep the international peace and security. The imperfection of the League of Nations and its inability to create the effective mechanism of deterrence against the aggressor and the politics of pacification that was conducted by the leading European countries could not stop the world conflict. The atrocities of the Second World War as well as the development and the experience of direct use of weapons of mass destruction led leaders of countries to understanding that without effective mechanism for peaceful solving of contradictions in the world arena the survival of humanity will be in question.

The UN was the organization that was intended to provide such a mechanism and give the international society the necessary means to deter the aggressor. The basic principles of this organization were created during the Second World War by the state members of the anti-Hitler coalition. The UN Charter was approved in the framework of the United Nations Conference of International Organization and signed on 26 June 1945 by the members of 50 countries.

In the maintenance of international peace and security, the UN relies on the wide legal base. The UN Charter is the essential element of this base. According to the Article 1 of the UN Charter, one of the main purposes of the United Nations is: «To maintain international peace and security, and to this end: to take effective collective measures for the prevention and removal of threats to peace, and for the suppression of acts of aggression or other breaches of the peace, and to bring about by peaceful means, and in conformity with the principles of justice and international law, adjustment or settlement of international disputes or situations which might lead to a breach of the peace» [3]. In this respect, since 1945 the UN has fulfilled its mission of the maintenance of international peace and security by preventing conflicts, helping

parties in conflict make peace, peacekeeping and creating the conditions that contribute to establishing and strengthening peace. As we can see, these different kinds of activities usually need to reinforce one another to be effective.

Moreover, if we speak about the peacekeeping missions of the UN, we must pay attention to the following chapters of the Charter of the United Nations:

- Chapter VI: Pacific Settlement of Disputes;
- Chapter VII: Actions in relation to the threats to Peace, Breaches of Peace and Acts of Aggression;
- Chapter VIII: Regional Agreements.

One more important point is fixed in the article 24 (Chapter V: The Security Council): «In order to ensure prompt and effective action by the United Nations, its Members assign primary responsibility to the Security Council for the maintenance of international peace and security, and agree that in the discharge of their duties arising from that responsibility the Security Council acts on their behalf» [4]. According to this article, the Security Council plays a crucial role in the mission of maintenance of international peace and security.

According to the UN legal base, this organization has a variety of means in order to succeed in its mission. These means include: preventive diplomacy, peacekeeping, supporting of peace, peace enforcement, combating terrorism, disarmament and peacebuilding. It is important to add that during the years of practical work the scholars managed to formulate the list of requirements that could guarantee the success of the peacekeeping mission. This list includes the following points: clear mandate, the cooperation of countries in order to follow the points of the mandate, the consistent support from the Security Council, and willingness of the countries to support the mission with military and civil personnel, adequate technical and financial support [2, p. 131].

Taking into account the provided information, we can make a conclusion that the UN has all the necessary means to maintain peace and security in our planet. Does this conclusion confirm the results of the latest UN peacekeeping missions? If we look

at the results of several peacekeeping missions undertaken in the period under consideration, we will see that the degree of success is significantly different.

In the UN publications and scientific literature, we can find the information about the successful peacekeeping missions. For example, United Nations Angola Verification Mission III and United Nations Transition Assistance Group in Namibia are considered to be successful. But there were several missions with low efficiency [1, p. 196].

For example, the United Nations Mission in Sudan was initiated by the UN Security Council on 24 March 2005. According to the Resolution 1590 adopted by the Security Council on 24 March 2005, the Security Council «Decides to establish the United Nations Mission in Sudan (UNMIS) for an initial period of 6 months and further decides that UNMIS will consist of up to 10,000 military personnel and an appropriate civilian component including up to 715 civilian police personnel» [8]. The peacekeepers could not stabilize the situation, and during the following years, Sudan remained a hot spot. After the decades of conflict, this country was divided into Sudan and South Sudan in 2011 [5].

The most disastrous were the results of the United Nations Assistance Mission in Rwanda. The actions taken by the peacekeepers were ineffective and neither resolved the civil war nor prevented the genocide. The inability to transform the mission's mandate and to act according to rapidly changing situation led to countless victims among civilians. This case became the clear example of necessity to transform the UN approach in peacekeeping missions.

If we look at the current work of the UN in maintenance of international peace and security, we will see its ambiguity. On the one hand, the UN positions itself as the independent peacekeeping institute. On the other hand, we can see some UN's initiatives that can even intensify tension in the world arena. We are talking about the last resolutions adopted by the General Assembly about the situation in Crimean peninsula. As we can see in the documents, the resolutions about the status of Crimea

and human rights on its territory play a destabilizing role and provoke a new intensification of crisis [6] [7].

Taking into account the above-mentioned facts, the necessity of transformation the world security system seems to be obvious. International society needs the UN as the institute of maintaining the world peace but today it falls under the influence of global players that can transform this organization into a tool for exerting pressure. The effective transformation and revitalizing of the UN as an effective institute of maintenance of international peace and security can be fulfilled only through cooperation of all major players in world arena.

Список использованных источников

1. Гридчин, А. А. Актуальные проблемы миротворческой деятельности ООН. Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки, 72 (4), 196-200.
2. Заемский В. Ф. Современные проблемы миротворческой деятельности ООН. – Полис. Политические исследования. 2009. № 2. С. 130-138
3. Charter of the United Nations. Chapter I. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.un.org/en/sections/un-charter/chapter-i/index.html>
4. Charter of the United Nations. Chapter V. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.un.org/en/sections/un-charter/chapter-v/index.html>
5. South Sudan becomes an independent nation. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.bbc.com/news/world-africa-14089843>
6. United Nations General Assembly. Resolution adopted by the General Assembly on 19 December 2017 72/190 Situation of human rights in the Autonomous Republic of Crimea and the city of Sevastopol, Ukraine. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N17/462/64/PDF/N1746264.pdf?OpenElement>
7. United Nations General Assembly. Resolution adopted by the General Assembly on 27 March 2014 68/262. Territorial integrity of Ukraine. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/68/262&referer=/english/&Lang=E
8. United Nations Security Council. Resolution 1590 (2005). Электронный ресурс. Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/284/08/PDF/N0528408.pdf?OpenElement>

УДК: 94

CONNOTATIONAL FEATURES OF THE MEMBERSHIP OF SINGAPORE IN ASEAN

Khlybov P. V. (обучающийся),

Scheblykina A. A. (обучающаяся),

Zotova S. A. (преподаватель)

ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Summary. The purpose of the article is to provide the general outlook of historical and economical background of Singapore in terms of cooperation with ASEAN. Descriptive and analytical methods are used for reflection of Singapore's role in ASEAN's formation and organization development as retrospectively and prospectively. Data have been analyzed with regard to both essential historical aspects and economical impact on regional strategical cooperation.

Key words: Singapore, ASEAN, relations, historical background, cooperation, regional development.

КОННОТАЦИОННЫЕ ЧЕРТЫ ЧЛЕНСТВА СИНГАПУРА В АСЕАН

Аннотация. Цель данной статьи представить общий обзор исторических и экономических основ сотрудничества Сингапура с АСЕАН. Описательный и аналитический методы используются для отражения роли Сингапура в формировании АСЕАН и развития организации как в ретроспективном, так и в перспективном плане. Проанализированные данные относятся и к основным историческим аспектам и экономическому воздействию на региональное стратегическое сотрудничество.

Ключевые слова: Сингапур, АСЕАН, отношения, исторические основы, сотрудничество, региональное развитие.

In terms of contemporary tendency of globalization it is necessary to comprehend associations' background. The example of Singapore's 'economic miracle' due to ASEAN's cooperation demonstrates the possible way of economical achievement for new-comers of the association. In attempt to implement on Singaporean economic model these countries can succeed in further economical and political development.

On 8 August 1967, five leaders – the Foreign Ministers of Indonesia, Malaysia, the Philippines, Singapore and Thailand – sat down together in the main hall of the Department of Foreign Affairs building in Bangkok, Thailand and signed a document. By virtue of that document, the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) was born. The five Foreign Ministers who signed it – Adam Malik of Indonesia, Narciso R. Ramos of the Philippines, Tun Abdul Razak of Malaysia, S. Rajaratnam of Singapore, and Thanat Khoman of Thailand – would subsequently be hailed as the Founding Fathers of probably the most successful inter-governmental organization in the developing world today. And the document that they signed would be known as the ASEAN Declaration.

It was a short, simply-worded document containing just five articles. It declared the establishment of an Association for Regional Cooperation among the Countries of Southeast Asia to be known as the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) and spelled out the aims and purposes of that Association. These aims and purposes were about cooperation in the economic, social, cultural, technical, educational and other fields, and in the promotion of regional peace and stability through abiding respect for justice and the rule of law and adherence to the principles of the United Nations Charter. It stipulated that the Association would be open for participation by all States in the Southeast Asian region subscribing to its aims, principles and purposes. It proclaimed ASEAN as representing “the collective will of the nations of Southeast Asia to bind themselves together in friendship and cooperation and, through joint efforts and sacrifices, secure for their peoples and for posterity the blessings of peace, freedom and prosperity.”

ASEAN comprises ten Member States - the five founding members, namely, Indonesia, Malaysia, the Philippines, Singapore and Thailand - which were joined later by Brunei Darussalam (7 January 1984), Viet Nam (28 July 1995), Lao PDR and Myanmar (23 July 1997), and Cambodia (30 April 1999). ASEAN is today a very successful inter-governmental organization which promotes peace, stability, economic development and regional integration.

Singapore Trade Relationship

The economy of Singapore is vastly diverse, but leans most heavily on the following sectors: electronic components, aircraft and parts, electronics industry production/testing equipment, laboratory and scientific instruments, pollution control equipment, electric power systems, construction equipment and building products. The U.S.-Singapore trade relationship is a successful one, totaling \$47 billion in 2014. Singapore is one of the trading partners with whom the U.S. has a trade surplus; in 2014 this surplus was \$14 billion. While it is not as significant of a relationship as on the national level, Singapore is also a major trade partner with Washington State. From 2013 to 2014, exports from Washington State to Singapore grew by 36% – making the country our 16th top destination for exports.

The initial motivation for the creation of ASEAN was protection from Communism as well as a mutual striving for economic development amongst the member states. Today the members are: Indonesia, Malaysia, the Philippines, Singapore, Thailand, Brunei, Cambodia, Laos, Myanmar (Burma), and Vietnam. All-in-all this amounts to a region that boasts a population of 633 million with a combined GDP of \$2.4 trillion. As a region, it certainly represents one of the world's most important markets for U.S. exports. In 2013 alone, the U.S. exported \$79 billion to ASEAN, supporting over 280,000 American jobs. It is also the top U.S. direct investment destination in Asia with \$160 billion worth of investments.

Singapore has invested significant resources in developing neighboring ASEAN nations. Singapore has made four separate donations totaling \$170 million to the Initiative for ASEAN Integration (IAI), which serves to promote integration within the region and enhance ASEAN's competitiveness as a region within trade and investment. The IAI framework serves primarily to assist the four newest members of ASEAN (Cambodia, Laos, Myanmar and Vietnam) in their integration efforts. The IAI oversees a variety of human resource development programs to this end.

Part of Singapore's contribution in this aspect of ASEAN integration has been the establishment of four training centers, set up in each of the four new member countries. Since 2002, the four centers have been conducting training courses for government officials in a wide variety of fields, including English Language, Information Technology, Public Administration, Trade and Tourism. The Singapore Cooperation Programme reports that roughly 29,000 officials have been trained so far.

Singapore has made it clear that it still hopes to do more and its leaders see a distinct role for the nation within ASEAN. In 2012, Foreign Affairs Minister K Shanmugam noted: «As it gets more and more integrated, we need a place in ASEAN that's going to be the services center — provide logistics, administrative, accounting... And there's one place which can do that — obviously, Singapore».

According to Lim Hng Kiang, Singapore's Minister for Trade and Industry, ASEAN was already the seventh largest economy in the world, and the third largest in Asia in 2013, estimated at US\$2.3 trillion. A recent study by Deloitte Touche Tohmatsu Limited has projected that five of the top fifteen manufacturing locations in the world will be in ASEAN by 2018. Furthermore, by 2050, ASEAN is also expected to be the fourth-largest economy in the world (after the European Union, the US, and China).

Список использованных источников

1. Колдунова Е.В. АСЕАН на современном этапе и проблемы региональной стабильности [Электронный ресурс]./Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития.- 2015.-№28-Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/asean-na-sovremennom-etape-i-problemy-regionalnoy-stabilnosti> (Дата обращения 06.03.2018)
2. Рогожин А.А. АСЕАН на пути к Экономическому сообществу [Электронный ресурс]./Международная жизнь.-2010.-№10-Режим доступа: http://asean.mgimo.ru/images/files/Rogozhin_ASEAN-Ec-Community_ru.pdf (дата обращения: 20.03.2018)
3. Урляпов В.Ф. Расширение АСЕАН: Мотивы, значение, последствия [Электронный ресурс]./Международная жизнь.-2010.-№10-Режим доступа: http://asean.mgimo.ru/images/files/Urlyapov_ASEAN-Enlargement_ru.pdf (дата обращения: 20.03.2018)
4. Khoman Thanat. ASEAN Conception and Evolution//ASEAN Reader, Institute of Southeast Asian Studies.-Singapore, 1992
5. Rajaratnam. ASEAN: The Way Ahead//ASEAN Reader, Institute of Southeast Asian Studies. - Singapore, 1992.

УДК: 33

**COMPARISON AND ANALYSIS OF THE INVESTMENT ENVIRONMENT
IN COUNTRIES THAT ARE THE BEST FOR BUSINESS
IN THE FIELD OF PR**

Krivosheeva A. E. (обучающаяся),

Solokha G. V. (старший преподаватель)

ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Summary: Public relations as a science begins to develop only from the beginning of the XIX century. To promote this relatively new industry, a significant amount of funding is needed. In this research we consider a number of countries with the most attractive climate for investing in the sphere of PR. The authors found that the most favorable for investing in the sphere of PR are countries such as the United States of America, the United Kingdom of Great Britain and Germany.

Key words: public relations, investment, investment climate.

**СРАВНЕНИЕ И АНАЛИЗ ИНВЕСТИЦИОННОЙ СРЕДЫ В СТРАНАХ,
БЛАГОПРИЯТНЫХ ДЛЯ БИЗНЕСА В СФЕРЕ PR**

Аннотация: Связи с общественностью как наука начинают развиваться лишь с начала XIX века. Для продвижения этой относительно новой отрасли, необходим значительный объем финансирования. В данной работе рассмотрен ряд стран с наиболее привлекательным климатом для инвестирования в сферу PR. Авторами установлено, что наиболее благоприятными для инвестирования в сферу PR являются такие страны как Соединенные Штаты Америки, Объединенное Королевство Великобритании и Германия.

Ключевые слова: связи с общественностью, инвестирование, инвестиционный климат.

PR activity is a relatively new sphere of business, as for the first time the expression "public relations" was used by Thomas Jefferson (third US president) in 1807. And only at the end of the nineteenth century, methods of influencing public opinion changed from spontaneous to systematic, and transformed into a specific

methodology [1]. The fact that PR represents a gap in the market in many countries determines its relevance in terms of investment.

Forbes magazine published a study in which the best countries were identified for investment in 2018 [2]. When ranking the best countries for investment, indicators such as property rights, the degree of innovation, the level of taxation, technology, the level of corruption, freedom (personal, commercial and financial), bureaucracy and investor protection were taken into account. According to the study, the countries of the European Union occupy the first 20 lines of the rating among all 153 countries studied. Among the most attractive countries for business are also allotted Hong Kong, the United States, Taiwan and South Korea. Russia is located on the 58th place, occupying roughly the average position in the ranking.

One of the main reasons for the fact that Great Britain ranks first in the list of the best for investing countries is the withdrawal of the United Kingdom from the European Union in March 2019. All economic and political associations have their own rules, which all members of the Union need to follow. The EU also has a standardized system of law, the basis of which includes creation of common market, ensuring the free movement of capital, labor and intellectual resources, goods and services. A general policy has also been formed in various spheres of the economy. After voting for the exit of the UK from the EU, the rate of the pound to the dollar declined, while in 2017, unemployment fell to 4.3%, and economic indices generally increase. After the referendum on the withdrawal from the EU, several large corporations such as Apple, Wells Fargo and Facebook have decided to expand their market share to the United Kingdom by buying territories and buildings in London for the organization and creation of offices and headquarters of their companies.

New Zealand ranks second in the ranking of attractive countries for investment. The economy of this state has changed over the past 40 years, rapidly increasing its indicators. Thus there was a modification of the power from the agrarian to the industrialized. Telecommunications, insurance and air transportation industries have developed actively.

The USA ranked 11th in the rating. «In recent years the volume of foreign direct investment in the US has increased, as international companies are trying to get closer to customers and want to manage better the supply chain in the world's largest market» said Jerry Satan, consultant on business location strategies from Chicago.

China and Japan as the strongest economies of the world, occupy middle positions as in these countries there is a lack of freedom in trade and finance, according to Forbes.

The last places in the rating are taken by the countries of the African continent, such as Chad, Zimbabwe and Burundi. In these countries there is a poorly developed infrastructure, a high level of corruption and lack of skilled labor.

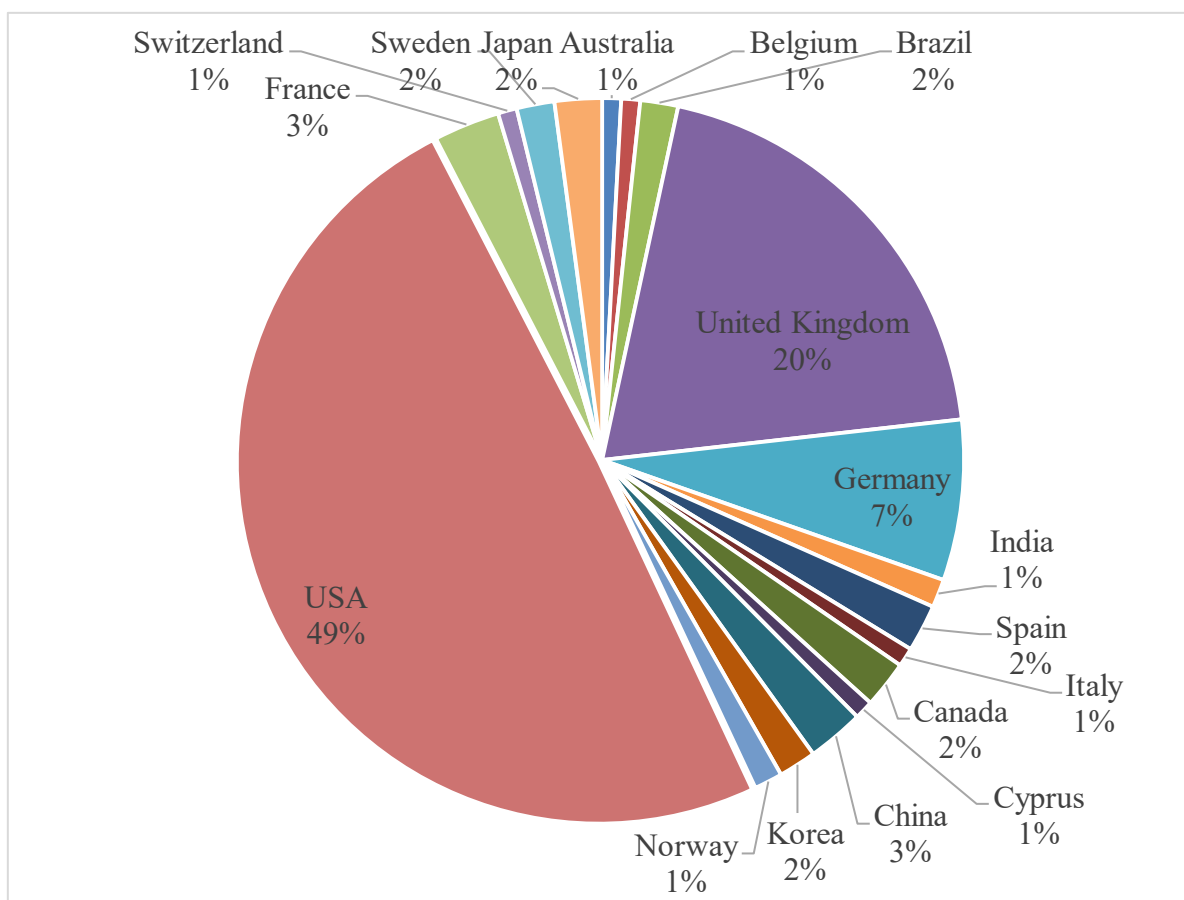
In 2016 global flows of foreign direct investment fell by about 2 percent to \$ 1.75 trillion. Investment in developing countries have declined by 14 percent and moved to the least developed countries, while the underdeveloped economies remain volatile and low. Although UNCTAD predicts a moderate recovery in FDI flows in 2017-2018, it is expected that they will remain well below their peak in 2007 [3].

In our opinion, the decrease in FDI is due to the fact that in many countries are developing the strategies of the digital economy. The digital transformation of international production has global implications for investment, as well as in the topic of regulating investor behavior. The rules developed for the physical economy must be adapted or modified for new digital business models. At the same time, new technologies have important implications for investment activity, and investments are crucial for digital development.

According to the World Investment Report 2017 [3], most of the FDI from 2005 to 2016 is directed to developed countries, and least of all investors invested in countries with a transitional type of economy. At the same time, the most attractive sectors are services and technological measures for developed countries, while in developing countries agribusiness is the most attractive branch of investment. China, the United States, Germany and the United Kingdom of Great Britain according to UNCTAD are also included in the rating of potential investors.

As was mentioned, services are the most attractive branch for investment, therefore PR services are also relevant for investment. That is why we have considered parameters of saturation of the market in this sphere. According to the Holmes report [4], we analyzed the rating of 250 world PR agencies (Figure 1). Pursuant to the data, the most common PR agencies are in the United States of America (49%), Great Britain (20%) and Germany (7 %).

Figure 1. Saturation of the world PR market

Developed by the author

Market data for this fast-growing sector, aimed at promoting the interests and image of clients, show that the world's revenue from public relations is projected to grow from the \$ 14 billion generated in 2016 to about 19.3 billion by 2020. [5]. According to the industry rating, Edelman, a private firm headquartered in Chicago and New York, is the largest PR agency in the world. Other key players on the market include Fleishman-Hillard, Ketchum and Weber Shandwick.

As a result of the research, we come to the conclusion that the most effective investments in the sphere of PR are in such countries as the United States of America, Great Britain and Germany.

Bibliography

1. *Egina E.* Developing of PR in the XIX century [Electronic resource]. – URL: http://www.advertiser-school.ru/pr-history/begin_pr_20cen.html (дата обращения: 22.03.2018)
2. *Badenhausen K.* The U.K. Tops Forbes' Best Countries for Business 2018 [Electronic resource]. – URL: <https://www.forbes.com/sites/kurtbadenhausen/2017/12/19/the-u-k-tops-forbes-best-countries-for-business-2018/#3823c75126de> (дата обращения: 27.03.2018)
3. World Investment Report 2017 [Electronic resource]. – URL: <http://unctad.org/en/pages/PublicationWebflyer.aspx?publicationid=1782> (дата обращения: 28.03.2018)
4. Global Top 250 PR agency ranking 2017 [Electronic resource]. – URL: <https://www.holmesreport.com/ranking-and-data/global-pr-agency-rankings/2017-pr-agency-rankings/top-250> (дата обращения: 30.03.2018)
5. Public relations - Statistics & Facts [Electronic resource]. – URL: <https://www.statista.com/topics/3521/public-relations/> (дата обращения: 30.03.2018)

**METHODS FOR RESTORING THE HISTORICAL OBJECTS IN
SYRIA AND IRAQ, RUINED BY IZIZ: FOREIGN AND RUSSIAN
APPROACHES**

Shulman K. D. (обучающаяся),

Zotova S. A. (преподаватель),

ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Summary. Under the conditions of constant military instability in the region the need to develop ways to restore the historic appearance not only of Palmyra but also its surroundings has arisen. Tested in real conditions, the impact of these solutions to the problem is to show the effectiveness of one of them. The objective of the paper is to analyze first the measures taken by the international community under the auspices of UNESCO, then the measures taken by Syrian experts and after that the measures taken by the Russian scientific community; to compare them with the practical results of research scientists; to analyze the data in the public domain and to draw a conclusion on the approximate scale of the destruction in Syria and Iraq.

Key words: historical objects, IZIZ, Syria, Iraq.

**СПОСОБЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ СИРИИ
И ИРАКА, РАЗРУШЕННЫХ ИГИЛ: ЗАРУБЕЖНЫЙ И РОССИЙСКИЙ
ПОДХОДЫ**

Аннотация. В условиях военной нестабильности, в регионе возникла необходимость разработки возможностей восстановления исторического облика не только Пальмиры, но и ее окрестностей. Цель данной статьи заключается в анализе мер, принятых международным сообществом под эгидой ЮНЕСКО, а затем мер, принятых сирийскими экспертами, и после этого мер, принятых российским научным сообществом; сравнить их с практическими результатами научных исследований; проанализировать данные в общественном достоянии и сделать вывод о приблизительной шкале разрушений в Сирии и Ираке.

Ключевые слова. Исторические объекты, ИГИЛ, Сирия, Ирак.

The ancient East is the cradle of civilization, a place that is sacred to almost all world religions and a crossroads of civilizations. This is the place where Western civilization comes like as ancient Greek into an eastern fairy tale. It was like that for

many years – and now it is completely different. The land of Syria and Iraq was adorned with thousands of buildings of different civilizations, whose representatives lived here for thousands of years. But now the radical Islamists, most of whom form the terrorist organization IZIZ, adhere to one of the Koran interpretations, according to which none of infidel's construction, including religious and cultural facilities, could be present on earth inhabited by Muslims. One video where the rebels purposely record the destruction of historical monuments shows that one of those rebels in Mosul Museum had said: “Our Prophet destroyed the idols, and I am also destroying the idols”. Consequently during the Palmyra occupation by IZIZ, for example, hundreds of buildings were destroyed and the Palmyra keeper was executed as well, a Syrian famous archaeologist, 82-year-old Khaled al-Asaad. Needless to say, that the world expert community is still not able to give the assessment of the entire territory destruction.

After the Palmyra liberation by the Russian aerospace forces together with the coalition forces led by the United States and the forces of Syria government on March 28, 2016, the world community was challenged with a new issue raised earlier – how is it possible to minimize the unimaginable loss, how to recover from the result of the barbaric destruction of historical and cultural, architectural and archeological monuments? This paper is devoted to analysis of measures taken by different countries, international organizations and the real consequences of followed cultural protection. The expedition IHMC RAS, UNESCO expedition, German Ministry of Foreign Affairs, Syrian specialists – what ways of restoring world values do they offer and will we have time to restore the destroyed and save what is left?

On the example of measures taken by the expedition of IHMC RAS, the results examples of the numerous UNESCO meetings held before and after the second liberation of Palmyra the ways of recovery the historical centers of Palmyra after its future liberation, conducted by Russian and foreign scientists and their effectiveness were analyzed; the reality and high efficiency degree of the measures taken by the Russian side were revealed. It was also clarified that despite the strong political

tension between the conflict parties, there is no misunderstanding between the participants in the meetings in the scientific community. Scientists are aware of the need for urgent action, the purpose of which is not only the return for the people of Syria the lost heritage – but also to return to the world community the lost treasure – lost by bombed and shot, buried in the ground by bulldozers – in the form of replica or result of multiframe reconstruction. The study also showed that the pace of the practical implementation of resolutions and getting real results from negotiations between the contact groups differ in the group of experts from UNESCO – united world community, where there is often a lot of opinions and a variety of experts in conflict with them between – and the expert groups of individual parties – Russian and Syrian, who in close cooperation are achieving real results, understanding at the expense of the – what exactly has to be restored, and at the expense of Russians actively developing interactive technologies and geoinformation systems – how to be restored.

The world's attention has long been focused on the Palmyra – the heart of the Syria, the city with ongoing struggle, which was twice released from the militants. But the claim of the Alexei Lidov, the department head of the Moscow State Institute of world culture that Palmyra – is only the tip of the iceberg of those colossal devastations in the cultural sphere of Iraq and Syria. It is necessary to carry out the restoration work on the damaged facilities and existing archaeological and other historical monuments. But what way do we have to choose for the returning to humanity all the lost or otherwise destroyed monuments of human history? The time does not wait for scientists around the world to agree, but ruthlessly erases the traces of human existence, the traces of people being here for thousands of years. And unfortunately the time is sponsored by the terrorists – all the rebels of many organizations banned in the entire civilized community. Well if archaeologists of the world (as well as experts from other professions) will be able to overcome the call of time, taking the real attempts to reconstruct the lost and with the latest advances in human technology reconstruct the historical monuments. It is worth forgetting political

and professional differences for the sake of one single goal. And if this goal will be achieved – it means that the terrorists will lose one of its primary assets – the ability to intimidate mankind by destroying the dearest antiquities for its heart.

Список использованных источников

1. Искусство Восточного Средиземноморья I-IV веков [коллективная монография] – М.: «Искусство», 1985. – 256 с.
2. Сирийский рубеж / М.С. Барабанов, А.Д. Васильев, С.А. Денисенцев, В.В. Кипшидзе, А.В. Лавров и др.; под редакцией М.Ю. Шеповаленко. – 2-е изд., доп. – М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2016. – 204 с.
3. В ожидании варваров: памятники всемирного наследия под угрозой уничтожения [интернет-ресурс] Режим доступа: <http://tass.ru/spec/bamiyan> (Дата обращения: 03.04.2018).
4. Большаков О.Г. Ислам и изобразительное искусство// Труды Государственного Эрмитажа: [Т.] 7: Культура и искусство народов Востока — Л.: Советский художник, 1969. — 142-153 С.
5. Модель спасения Пальмиры [интернет-ресурс] Режим доступа: <http://www.theartnewspaper.ru/posts/4561/> (Дата обращения: 03.04.2018)
6. Роль ЮНЕСКО в обеспечении охраны и сохранения Пальмиры и других сирийских объектов всемирного наследия [интернет-ресурс] Режим доступа: <http://unesdoc.unesco.org/images/0024/002443/244379r.pdf> (Дата обращения: 03.04.2018)
7. Пальмира, 20 лет спустя [интернет-ресурс] Режим доступа: http://www.trud.ru/article/02-04-2016/1335978_palmira_20_let_spustja.html (Дата обращения: 03.04.2018)

УДК: 94

THE ARCHITECTURE OF EASTERN PRUSSIA FROM THE TEUTONIC ORDER TO THE POLISH DUCHY OF PRUSSIA

Udotov I. V. (обучающийся),

Zotova S. A. (преподаватель),

ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Summary. The region of eastern Prussia has always played an important role in forming the history of Germany and neighboring countries. The objective of this paper is to study the history of this region development on the earliest stages from the viewpoint of its architecture development.

Key words: Architecture, eastern Prussia, Teutonic order, Polish Duchy of Prussia.

АРХИТЕКТУРА ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ ОТ ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА ДО ПОЛЬСКОГО ГЕРЦОГСТВА ПРУССКОГО

Аннотация. Восточная Пруссия всегда играла важную роль в формировании истории Германии и соседних стран. Целью данной статьи является изучение истории развития этого региона на ранних этапах со стороны развития его архитектуры.

Ключевые слова. Архитектура, Восточная Пруссия, Тевтонский Орден, польское Герцогство Прусское.

With the advent of the German knights to the territory of eastern Prussia, the foundation of a large number of strongholds-fortresses and monasteries occurred during their advance into the interior of the territory. Examples of such foundations are Marienburg, Mirienverder, Keninsberg, Tilsit, Georgenburg, Memel and others. Naturally most of the fortresses were based on the site of previous settlements or fortresses of the Prussians, but there were those that were built from the ground up. Over time around these outposts cities began to form and expand. Some of them appeared and grew because of trade, while the knights supported the development of

others because of an important tactical-strategic location. This is how the history of the formation of full-fledged architecture began in eastern Prussia.

The architectural style of such castles and cities that were formed was peculiar to northern Europe of the period when the Romance style approached its sunset. This meant that the castles and monasteries were built with the main purpose to withstand a long siege and in case of which to be an excellent base for attacking anyone.

In the time of the Teutonic Order domination on the lands of East Prussia, three major fortified cities should be distinguished: Marienburg, Königsberg and Memel.

The Marienburg Castle is the peak of the German Order Gothic. Initially the basis was the monastery – the upper castle founded in 1280. After that between 1309 and 1342 the monastery was fortified with the first fortress, later called the middle castle and in the end it was expanded by the palace of the main order in the period from 1380 to 1398. The building itself was surrounded by a number of fortress walls and towers. The city around it was formed due to active migration and the important administrative role of Marienburg in the region.

The role of Königsberg in the Teutonic period is not as great as in subsequent times therefore the city did not develop so quickly. Originally in 1255 on the site city there was only a small wooden fortress but in 1257 it was rebuilt using stones and the city began to form around it. A brick dominated during the rebuilding of the city, the buildings were not tall and the streets were narrow. The city itself was surrounded by a massive fortress wall.

The situation with Memel is very similar to the situation with Königsberg: when the Germans reached that place they founded a wooden fortress there and then rebuilt it into a stone one. The city was the largest trade and craft center of all eastern Prussia and its architecture was like the architecture of other trading cities of northern Germany. The so-called city burgher architecture was peculiar firstly the town hall which became its symbol, trade and craft quarters, guild buildings, significant trading area and a port.

With the demise of the Teutonic Order in the XVI century the significant changes happened in Prussia. According to the Krakow Treaty of 1525 concluded between the Grand Master of the Order Albrecht and the Polish King Sigismund I Old, the territory of East Prussia was transformed into a secular duchy under the authority of Albrecht of Brandenburg, who swore allegiance to the Polish crown.

In Memel the burgher architecture continued to prevail, the city grew significantly in terms of trade and its architectural style was a mixture of Lithuanian and German baroque. Significant changes or innovations in architecture were not observed, a number of important commercial and administrative buildings, such as the Town Hall and the court were rebuilt and the noble estates started to occur.

Koenigsberg became the new administrative center of the whole region and underwent significant growth. Perhaps the most important change in the architecture of the city should be considered the construction of the University of Königsberg, one of the first Protestant universities in Europe. It looked like a massive three-story building, the windows of which were decorated with stucco and next to the large windows there were the skilful statues near the entrance. The city was dominated by magnate and administrative buildings, there were foreign blocks, such as the French street the ambassadors of foreign countries lived, foreign merchants and even some nobility, who wanted to learn about the culture of other countries. Because of the relatively calm attitude to representatives of various religions in the city, a huge number of different churches were built: Catholic, Protestant and even Orthodox and Judaic.

In general the period of the Duchy of Prussia was a period of good growth for the cities of the region, the architecture was a mixture of Polish, Lithuanian and German Protestant culture. Due to the development of trade, burgher and secular culture in the region, the main examples of a mixture of the new architecture happened at that period. The military development of the region was not practically carried out due to the location of the region literally within the Polish-Lithuanian Commonwealth. After the decline of Marienburg, the Koenigsberg and Memel remained the only

largest centers, and the next major cities will appear already in the kingdom of Prussia after the beginning of the golden age of the region.

Список используемых источников

1. Шуази, О. Всеобщая история архитектуры/ О. Шуази [пер. Н.С. Курдюков, Е.Г. Денисова]. – М.: Эксмо, 2010.– 704 с.
2. Гусев, И.Е. История религиозных и рыцарских орденов и обществ/И. Е. Гусев.– Минск: Харвест, 2008.– 240 с.
3. Дыбковская, А. История Польши с древнейших времён до наших дней/ А. Дыбковская, М. Жарын, Я. Жарын. – Варшава: Научное издательство ПВН, 1995.– 540 с.
4. Архитектура западной Европы XV-XVI веков/под ред. В.Ф. Маркузона, А.Г. Габричевского, А.И. Каплуна и др. – М.: Издательство литературы по строительству, 1967.– 827 с.: ил.– (Всеобщая история архитектуры: в 12 томах; т.5).

УДК: 323.23:070 (292.471)

THE IMPACT OF THE MEDIA ON PUBLIC OPINION IN THE REPUBLIC OF CRIMEA

Yakovleva M. M. (обучающаяся),

Girenko I. V. (старший преподаватель)

ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Summary. The article is based on the work of the researcher of public opinion Elizabeth Noel-Neumann "discovery of the spiral of silence."The media have a huge influence on how public opinion is portrayed and individual preferences are shaped. The intensity of communication in the media, in turn, can serve as one of the mechanisms for determining which groups of people are actively involved in public life through the expression of their own opinion, and which, on the contrary, are the visionaries.The aim of the work is to trace the proportionality of representation of different ethnic groups in the Crimean information space and how it influenced the public opinion of the Crimean people in 2014.Research methods: behavioral approach, method of analysis and comparison of documents, structural and functional method, content analysis.

Key words: public opinion, "silence spiral", mass media, ethnic group.

In today's information society, the amount of information is known to exceed the possibilities of its rational processing. In this regard, the flow of information often has hidden, uncontrolled by man and society, influence on the psyche, behavior, and, ultimately, the worldview of the audience.An important aspect of the study of public opinion is to find a connection between the process of its formation, expression, functioning and its reflection in society associated with the level of social tension, social mood and well-being.

The most significant in this respect is considered to be the work of the German researcher of public opinion Elizabeth Noel - Neumann "opening the spiral of silence" [4, pp. 20-23]. From the point of view of the information-stratification law, non-observance of which leads to the emergence of information inequality of citizens, as well as the growth of socio-political tension and instability in society, it is interesting to

see how proportionately (structured composition of the population) the interests of the various ethnic groups living in the Republic of Crimea in the media are represented [2, pp. 86-96].

The object of research: ethnic information in mass media of the Republic of Crimea in 2014.

The subject of the research: presentation of information on ethnic groups of the Republic of Crimea in 2014.

The aim of the study is to trace the proportionality of representation of different ethnic groups in the Crimean information space and how this influenced the public opinion of Crimeans in 2014.

Research problem:

- to review the main directions of the study of public opinion;
- to analyze the impact of the media on public opinion;
- to consider the structure of the Crimean media market and the main problems of integration of the Crimean media into the Russian media space;
- to study the factors influencing the formation of public opinion in the Republic of Crimea in 2014.;
- to determine how ethnic groups are represented in the Crimean information space (from the point of view of the information-stratification law);
- be described as a socio-political situation was reflected in public opinion in the Republic of Crimea in 2014.

The problem of public opinion has long occupied an important place in the social Sciences, each of which highlights its subject matter of this multifaceted object. At the moment, there are a significant number of interpretations and definitions of the concept of public opinion. It should be noted that the interest of scientists and politicians in public opinion was due to the attitude of the latter to the issues of power.

Under the public opinion we will understand the value and valuation judgment of social groups, individual communities or the whole society on topical problems and phenomena in social reality. Public opinion is formed at different levels of public

consciousness and is not just a sum of individual opinions, but a product of interaction of many opinions, i.e. a certain result of people's thinking, forming a new, qualitative state, which is characterized by comparative stability.

Media occupy a central place in the formation of public opinion. The most well-known theory of the influence of mass media on public opinion is the theory of the "spiral of silence", which belongs to Peru E. Noel - Neumann, according to which deprivation of the possibility of information communication leads to social discontent of certain groups, and, as a consequence, to the growth of socio-political tension in society. A key element of this concept is the concept of the mechanism of the "spiral of silence", which is based on the fear of being isolated, in the case of statements of opinion, which is contrary to the opinion of the majority that is the driving force that starts the "spiral of silence". If the opinion can be expressed without fear of isolation to the public, the phenomenon of "spiral of silence" is absent [1, pp. 58-71].

If there is an information type of inequality in the media (disproportionate representation of different ethnic groups in the media), the effect of the "spiral of silence" is triggered, which leads to the fact that large masses of people remain unheard. In the future, such a situation can lead to an open social protest. This effect is called "information-stratification of the law."

We considered the structure of the media market of the Republic of Crimea. As a result, we have identified the role of the following Crimean media:

1) news Agency " Crimea inform "(daily audience of up to 100 thousand, citation index 323.49, there is an Internet archive);

2) the newspaper "Krymskaya Pravda" (edition of 45 thousand, the citation index of 8.99, there is the Internet archive);

3)" Crimean newspaper " (circulation up to 27 thousand, citation index 13,7, is the official publication of the authorities, there is an Internet archive) [3].

The content analysis on the basis of the material of the newspaper "Krymskaya Pravda" for 2014 was conducted with the purpose of studying the problems of coverage of ethnic groups in the media in the Republic of Crimea. According to the results of the

census in 2014, the ethnic groups, which composition in the population of Crimea is more than 10 %, were defined as dominant: it is Russian (67.9%), Ukrainians (15.68%), Crimean Tatars (10.57%) (see Table. 1).

Table. 1

Month	Russian		Ukrainians		Crimean Tatars		Total	
	Frequency	%	Frequency	%	Frequency	%	Frequency	%
January	13	23,6	39	70,9	3	5,5	55	100
February	28	26,7	72	68,6	5	4,8	105	100
March	109	52,9	89	43,2	8	3,9	206	100
April	103	61,7	62	37,1	2	1,2	167	100
May	62	54	48	41,7	5	4,3	115	100
June	83	70,3	32	27,2	3	2,5	118	100
July	83	74,1	27	24,1	2	1,8	112	100
August	113	74,3	39	25,7	0	0	152	100
September	98	65,8	48	32,2	3	2	149	100
October	75	62	43	35,5	3	2,5	121	100
November	64	68,8	28	30,1	1	1,1	93	100
December	82	60,7	52	38,5	1	0,7	135	100

The obtained data indicate that the representation of ethnic groups does not correspond to the statistical structure of ethnic groups. Disproportionate information representation can cause unequal opportunities for information communication and self-identification of these groups in political, economic, cultural and other spheres of public life.

Thus, to summarize, it should be said that today in the Republic of Crimea, there has been a disproportionate representation of ethnic groups in the information space. The nature of this imbalance can be different, which requires a more detailed study, including taking into account the extension of the time frame of the studied arrays.

References

1. Гаспарян Л. С., Информационное воздействие на общественное мнение: эффект «спирали молчания» в региональном измерении [Текст] / Л.С. Гаспарян// Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Философия. Политология. Культурология. Том 1 (67). – 2015. – № 4. – С. 58-71.
2. Киричѐк П. Н. Современная информационная политика: императивно-модусная трансформация [Текст] / П. Н. Киричѐк // СОЦИС. – 2007. – № 10. – С. 86 – 96.
3. Крымская республика и город Севастополь: рейтинг СМИ за III квартал 2014[Электронный ресурс]. - Режим доступа:<http://www.arpp.ru/2009-01-28-14-46-10/274282-rejting-krymskikh-media-za-iii-kvartal-2014.html>(дата обращения: 07.10.2017).
4. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания: Пер. с нем./Общ. ред. и предисл. Мансурова Н.С. [Текст]. — М.: Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996. — 352 с.